

КСЕНОФОБИЯ:
ВЫЗОВ СОЦИАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Российский фонд гуманитарных исследований
Институт по переподготовке и повышению квалификации
преподавателей гуманитарных и социальных наук Ростовского
государственного университета (ИППК РГУ)
Центр системных региональных исследований
и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН

**КСЕНОФОБИЯ:
ВЫЗОВ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЮГЕ РОССИИ**

Отв. редактор Ю.Г. Волков

Ростов-на-Дону
Издательство СКНЦ ВШ
2004

63.51 (2Рос)
К 36

Авторский коллектив:

Волков Ю.Г. (рук.), Барбашин М.Ю., Добаев И.П., Кротов Д.В., Черноус В.В.

Рецензенты:

Самыгин С.И., д.с.н., проф. РГЭУ (РИНХ),
Скорик Н.П., д.ф.н., проф. ЮРГТУ (НПИ)

Ксенофобия: вызов социальной безопасности на Юге России. Колл. монография. Отв. редактор Ю.Г. Волков. — Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. — 208 с.

В коллективной монографии представлены итоги исследования, осуществленного по фанту РГНФ № 03-03-00593а. «Ксенофобия как вызов социальной безопасности на Юге России: разработка механизмов преодоления». Авторы концептуализируют понятие ксенофобии, раскрывают основные формы религиозных и этнических фобий в контексте проблем безопасности на Юге России, предлагают методы и технологии профилактики и преодоления ксенофобии.

Рекомендуется научным работникам, преподавателям и студентам вузов, работникам органов власти и управления.

ISBN 5-87872-141-4

Д-01 (03)2003 Без объявления

© ИППК при РГУ, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Ксенофобия: социальный и социально-психологический феномен	8
Глава 2. Религиозная нетерпимость на юге России	43
Глава 3. Этнофобии на юге России	84
Глава 4: Социальная безопасность в системе национальной безопасности России	116
Глава 5: Ксенофобия — угроза социальной безопасности на юге России	147
Вместо заключения	194

ПРЕДИСЛОВИЕ

На рубеже XX—XXI вв. ксенофобия на Юге России превратилась в один из наиболее острых вызовов социальной и национальной безопасности. Системный кризис 90-х гг. XX в. обострил социальные противоречия, которые в условиях многосоставного полиэтнического общества приобрели характер религиозных и межэтнических конфликтов.

Ксенофобия — неприязнь к чужим; установка видеть в них источник своих проблем извечный спутник человеческой истории, а не только продукт современного трансформирующегося и противоречивого мира. Ксенофобские тенденции в открытом или латентном состоянии существуют обычно на государственном, общественном или личностно-бытовом уровнях. Их основу составляют негативные стереотипы, в которых закреплены отрицательные характеристики представителей другого этноса, конфессии, социальной группы. Как правило, они представляют собой абсолютизацию, распространение на всю социальную группу представлений (реальных, чаще искаженных) об ответственности за какие-либо негативные явления. В социальном процессе, развивающемся эволюционно, ксенофобия находится в латентном состоянии, негативно окрашенные стереотипы замещаются позитивными или нейтральными стереотипами. Но в условиях кризиса ксенофобия становится одной из причин этнической, религиозной нетерпимости, конфликтов и войн.

Сложная, полная трагических событий история Юга России заложила многочисленные механизмы образования негативных стереотипов, образов этносов, конфессий, социальных групп друг о друге. В то же время, ксенофобия никогда не была определяющим фактором социальных процессов на Юге России. Напротив, в процессе многовекового взаимодействия здесь выработалась самобытная культура межэтнического общения, толерантности, позволявшая урегулировать самые

ПРЕДИСЛОВИЕ

сложные противоречия и конфликты по спорным территориальным, религиозным и политическим вопросам. Однако, в XX в. традиционные формы (гостеприимство, куначество, по-братимство, обмен аманатами и др.) предотвращения нетерпимости, преодоления различных фобий часто не срабатывали. В период гражданской войны и последующего изменения землепользования (расказачивание, коллективизация), депортаций 1943—1944 гг., чеченского кризиса, осетино-ингушского конфликта и др. в 90-е гг. XX в. ксенофобия приобретала формы погромов, вооруженных столкновений, терроризма.

Поэтому вполне закономерным стало внимание к феномену ксенофобии со стороны социологов, политологов, этнологов.

Проблемы ксенофобии и этнонационализма активно стали разрабатываться в 90-е гг. XX в. в связи с обострением этнополитической ситуации. В зарубежной и отечественной литературе преимущественно рассматриваются негативные проявления отношения больших наций к малым этническим группам. Примером может служить книга Верховского А.Н., Прибыловского В.В., Михайловского Е.В. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М., 1998.

В теоретическом плане проблема ксенофобии исследуется В.А. Тишковым, Л.М. Дробижевой, А. Малашенко. Их выводы и наблюдения по проблемам ксенофобии у русских националистических организаций во многом справедливы. Подобные проявления ксенофобии есть на юге России, но в целом проблема имеет свою специфику: это ксенофобия малых коренных народов, в т.ч. титульных по отношению к русским и русской культуре, российской государственности. Данные аспекты исследуются З.С. Аруховым, В.А. Авксентьевым, Г.С. Денисовой, З. Сикевич, М.В. Саввой, А.А. Цуциевым, А. Дзадзиевым и другими авторами.

Ксенофобия — один из серьезных вызовов национальной безопасности, которая до недавнего времени являлась монопольной сферой высшего политического руководства, закрытой для широкой научной общественности. Это предопределило недо-

ПРЕДИСЛОВИЕ

статочный уровень разработки понятий «безопасность» и «социальная безопасность». Общеметодологический и общетеоретический подход к проблемам безопасности представлен в работах А. Арбатова, В. Алексина, В. Поликарпова, А. Старостина и др. Серьезное внимание уделяется современными исследователями анализу конкретных функций и механизмов обеспечения системы безопасности в обществе. Безопасность рассматривается через призму аксиологического подхода (Л. Абалкин, С. Бабурин, С. Митрохин и др.), институционального подхода (И. Бачило, М. Митюкова и др.), в геополитическом контексте (М. Арсентьев, З. Бжезинский, К. Гаджиев, А. Дугин, Г. Киссинджер, В. Рябцев и др.). Вопросам безопасности на Юге России посвящены исследования Р. Абдулатипова, Н. Авдулова, Р. Алиева, З. Арухова, В. Дегоева, И. Добаева, Д. Малышевой, Л. Подкопаевой, Л. Хоперской, В. Черноуса и др.

Все это свидетельствует о достаточной разработанности как проблем ксенофобии, так и вопросов, связанных с обеспечением социальной безопасности. Однако, сегодня именно ксенофобия и экстремизм являются серьезной угрозой обеспечения социальной безопасности на Юге России. Такая постановка проблемы пока не нашла должного внимания со стороны исследователей. Тем более актуальной выглядит задача разработки механизмов преодоления ксенофобии в полиэтничном южнороссийском регионе и обеспечения на этой основе социальной и национальной безопасности Российской Федерации.

К настоящему времени накоплен значительный фактический материал по типологии ксенофобии, ее связи с идеологией национализма и религиозным фундаментализмом, экстремизмом и терроризмом, что позволяет вырабатывать и совершенствовать методы и технологии профилактики ксенофобии.

Важным шагом в преодолении ксенофобии является реализация федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе» (2000—2005 гг.).

В то же время акцентированность на проблемах ксенофобии подчас стирает грань между взвешенным научным подхо-

ПРЕДИСЛОВИЕ

дом к данному феномену и его публицистической интерпретацией в СМИ, политико-пропагандистской литературе и даже в быту. На этой основе, например, иногда пытаются дискредитировать обвинение в совершении преступлений лиц той или иной этнической или религиозной принадлежности, или же курьезно оспорить неудовлетворительную оценку на экзамене в вузе.

В предлагаемой читателю монографии авторы стремились концептуализировать ксенофобию как социальный и социально-психологический феномен, показать ее предпосылки и особенности на Юге России. Основное внимание уделено рассмотрению религиозных и этнических фобий, которые стали на рубеже XX—XXI вв. серьезным вызовом региональной и национальной безопасности России, привели к кровавым конфликтам и неконтролируемой миграции. Исследование проведено по гранту РГНФ 03-03-00593а. «Ксенофобия как вызов социальной безопасности на Юге России: разработка механизмов преодоления».

Авторы признательны за вспомогательную организационно-техническую работу по подготовке монографии И.А. Куцым, А.В. Ненашевой и С.В. Баженову.

ГЛАВА 1. КСЕНОФОБИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Цель главы — внести ясность и упорядоченность в концептуальные схемы, касающиеся изучения данных, связанных с ксенофобией. Ксенофобия понимается как реакция на «наплыв» чужаков, которые, будучи общностью с новой идентичностью... не настроены «жить по уставу нового дома»¹. Ксенофобия — это неприязнь к чужим группам. Список форм, симптомов и проявлений ксенофобии разнообразен и велик. Они могут проявляться в широком диапазоне — от обычной невежливости и раздражения до этнических чисток и геноцида, умышленного уничтожения людей.

Ксенофобия выступает спутником всех цивилизаций со времен их зарождения и сохраняется в наше время. Проявление ксенофобии можно выявить и на всех этапах отечественной истории. В условиях трансформирующего российского общества рубежа XX—XXI вв. ксенофобия проявляется в специфических формах.

В ситуации разрушения прежних идеологических стереотипов и отсутствия новых (для молодежи из социальных низов или периферийных групп, чьи информационные ресурсы очень ограничены, а о социально-культурных компетенциях и нормах гражданского общества не приходится говорить) моделью для понимания коллективной реальности служат очень сильные и ригидные механизмы солидарности, характерные для малых неформальных групп и отношений, специфичных для подростковой субкультуры, в том числе, заимствованных вместе с другими ее заимствованиями из западной молодежной альтернативной контркультуры, отличающейся склонно-

¹ Некрасова Е.А. Идеология регионализма в современной политической жизни: социально-философский анализ. Дис. ... к.ф. н. . Ростов-н/Д., 2000. С. 64.

ГЛАВА 1.

стью к аффективному подчеркиванию символических, знаковых барьеров между своими и чужими, слабостью рефлексии и ответственности, самоконтроля².

Некоторые исследователи выделяют два вида межэтнической нетерпимости (носители которой — совершенно разные в социальном смысле группы), называемые: трибалистской и идеологической. В первом случае ее носители — среда распадающегося аграрного общества или первое поколение новых городских жителей с относительно низким уровнем образования и жесткой, наполовину традиционной системой регуляции, с трудом адаптирующаяся к городскому многообразию поведения и ценностей, демонизирующая чужаков в силу полной неспособности понять ценности современного общества и мотивы действия. Другой тип нетерпимости характерен для людей с высшим образованием, выступающих в качестве идеологических приверженцев неотрадиционализма. Характер распределения ксенофобии свидетельствует, что реакции такого рода связаны с напряжением в точках позиционного перелома или статусного изменения: ксенофобия повышается на полюсах, т.е. ее наивысшие показатели фиксируются у респондентов, выбравших крайние варианты в оценках как своей прошлой жизни, так и проекции будущей. Данные исследования опровергают широко распространенное мнение о том, что ксенофобия связана с ухудшением материального положения, низким статусом, конфликтом групповых интересов и т.п. Носители этнофобий мало, чем отличаются от среднестатистического индивида, а потому невозможно выделить категорию или группу людей, свободных от этнических фобий³.

В публицистике проблему ксенофобии довольно часто сводят к антисемитизму. Если отдельно рассматривать проблему антисемитизма, то можно сказать, что с научной точки зрения, она является частным случаем проблемы групп с низким статусом. Антисемитизм есть «средство псевдоориентирова-

² Гудков Л. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России. Старые и новые фобии. М., 1999. С. 53.

³ Там же. С. 61, 62, 73—74.

ГЛАВА 1.

ния в мире, который стал чужим» (Адорно). Причиной выступает явление, которое можно назвать «двойной лояльностью». Любая социальная группа заинтересована в максимальной лояльности своих членов. Это очень важно для ее выживания. Поэтому, неважно, идет ли речь о евреях в Польше, арабах в США, или чеченцах в России — правительство любой направленности, причем не важно — демократическое оно или нет, не может согласиться с ситуацией, когда часть его граждан сохраняют лояльность внешнему субъекту — к примеру, арабским государствам, Израилю, или Чечне — особенно, если отношения с ними являются напряженными. Инакомыслящий непредсказуем и вызывает недоумение. Неизвестно, перейдет ли он на сторону врага, и если перейдет, то в какой момент. Остальные члены группы могут только подозревать, что он что-то замышляет. Сплоченной группе такие подозрения и сомнения не нужны.

Ксенофобия и подозрительность к чужакам являются индикаторами «псевдовидообразования». Причем, как правило, выражение неприязни к одной национальности пересекается с негативизмом или страхом в отношении другой или других. Судя по последним данным, полученным социальными биологами, они не специфичны только лишь для человеческого сообщества, а достаточно широко представлены в животном мире⁴, в особенности, у приматов. К примеру, уже у шимпанзе наблюдаются зачатки того явления, которое Э. Эриксон назвал «псевдовидообразованием»⁵ и которое уже много лет используется некоторыми этологами как аргумент в пользу тесной связи ранних войн с охотой⁶. У людей также законность убийства врага идеологически обосновывается его «дегуманизацией», т.е. вынесением его за рамки категории «человека». Этот подход наибольшее развитие получил в ра-

⁴См.: Проблемы биосоциологии / Отв. ред. Г.Г. Сопов. Ростов-н/Д., 2003.

⁵Erikson E.H. 1966. *Ontogeny of Ritualization in Man* // *Philosophical Transactions of the Royal Society. Series B.* 772. V. 251. London.

⁶Eibl-Eibesfeldt I. 1977. *The Evolution of Destructive Aggression* // *Aggressive Behavior*. V.3. № p. 79; Eibl-Eibesfeldt I. 1989. *Human Ethology*. New York. P. 127; Lorenz K. 1969. *On Aggression*. New York. P. 402—403.

ГЛАВА 1.

ботах У. Ньюкоума, который подчеркивал, что индивидуальные мотивации нисколько не помогают понять, почему общество ведет войну⁷.

В настоящее время в психологии активно обсуждается поставленная еще в XIX в. в ходе критики дарвинизма (Н.Я. Данилевский, Л. А. Кропоткин и др.) фундаментальная проблема соотношения, взаимодействия и развивающей роли двух основных типов социальных взаимодействий: сотрудничества и борьбы. Доминирует ли в развитии человека принцип солидарности или — же принцип борьбы за существование? Является ли кооперация, сотрудничество частным следствием борьбы и конкуренции; или же, наоборот, борьба и конкуренция являются особыми частными следствиями кооперации и сотрудничества? (Вальсайнер). По мнению ряда этологов, человек — самое агрессивное существо из всех, и для него характерна внутривидовая агрессия. Она лежит в основе борьбы за социальное неравенство.

Ученые, продолжившие работу в данном направлении, пришли к еще более поразительным выводам. По их мнению, наш мозг развивался не столько как средство объективной идентификации мира, а как, подобно другим органам, «средство увеличения наших шансов на выживание». В связи с тем, что одним из главных, решающих факторов способствующих выживанию на всех этапах эволюции является своевременное и правильное распознавание потенциальных врагов, в каждом ребенке с первых лет жизни закладывается стереотип «образа врага». Детский мозг «делит» окружающее на «свое» и «чужое», «опасное и безопасное», причем родители, заботящиеся о малыше, и есть источник положительных воздействий — ласки, любви, «безопасности», то есть — «свои»; «чужими» же становятся все остальные и потому потенциально опасные. Отсюда возникает детский категоричность и подростковая жестокость⁸. Хорошо известно, что войска СС, задача которых зак-

⁷Newcomb W.W. 1950. A Re-examination of the Causes of Plain Warfare// AA. V.52. № 3; Newcomb W.W. 1960. Toward an Understanding of War // Essays in the Science of Culture. New York.

⁸Skhmoekler A.B. The Parable of the Tribes: The Problem of Power in Social Evolution. Boston, «Houghton Mifflin Co», 1986. С. 21

ГЛАВА 1.

лючалась в подавлении любых волнений в армии, формировались именно из молодежи.

За годы реформ в России выросло молодое поколение с низкой культурой межнационального общения, проблематичной гражданской идентичностью, уязвимое для психологического воздействия деструктивных политических течений. Тем более, что уровень подготовки и культуры далеко не всегда соответствует амбициям. Преодоление и прожигание жизни являются здесь следствием социальной нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне и ценности настоящего. «Подростки из малообеспеченных семей считают себя заранее обреченными на проигрыш, — объясняет этот феномен американский криминалист Т. Эванс. — Они не верят, что способны добиться успеха. Поэтому у них возникает тенденция брать от жизни все, что можно и когда можно. Это приводит к насилию»⁹.

Особенно опасным «социально-горючим» материалом являются молодые люди, не имеющие возможности найти работу. «Городские люмпены», не имеющие определенной профессии и специального образования, которые не умеют преодолевать трудности, требующие значительных усилий, причем многие болеют алкоголизмом, наркоманией, склонны решать жизненные проблемы преимущественно путем насилия. Члены этой общности не обеспечили себе желательный уровень материального благосостояния и крайне враждебно относятся к преуспевшим бизнесменам, испытывая одновременно отвращение к труду.

В данном случае негативное влияние оказывают морально-психологические факторы личной не признанности, неудовлетворенности, разочарования. Как писал американский социолог Г. Бидуэлл, «задача молодых людей, обычно возлагаемая на них родителями и остро ощущаемая ими, заключается в том, чтобы добиться успеха в какой-нибудь профессии, социальный ранг которой эквивалентен в полной мере социальному рангу профессии отца»¹⁰. Однако выходец из рабочей семьи заведо-

⁹ Малое Ю. Продолжайте улыбаться. М., 1984. С. 9.

¹⁰ Американская социология. М., 1972. С. 303.

ГЛАВА 1.

мо обречен на отставание по сравнению с представителем элиты, если он не уходит в сферу, где действуют социальные риски". Претензии к обществу обусловлены пониманием бесперспективности социальной карьеры. Отсюда вытекает стремление добиться более высокого статуса девиантной социальной практикой. К примеру, они могут повысить свой личный и социальный статус, участвуя в военном конфликте.

Молодые люди оказались в ситуации сложного выбора, когда им предлагалось вступить на путь социальной и этнической конкуренции или превратиться в группу социальной периферии¹². В итоге у молодежи формируется «чувство социальной обреченности, сознание бесперспективности собственного жизненного пути, неумение проектировать свое будущее»¹³.

Это чувство ставит людей в противоречивую ситуацию, делает маргиналами, когда ситуативный личный интерес вступает в противоречие с интересами «своей группы» и совпадает с интересами «несвоих». Состояние маргинальноеTM становится как бы нормой, привычным самоощущением людей, вследствие чего происходит распад социальных связей¹⁴. Причем «особенность процесса маргинализации в России состоит в том, что выпадающие на социальное дно группы имеют весьма незначительную вероятность возвращения к нормальной жизни...»¹⁵.

Процесс развития социальной деструктивности у молодого человека хорошо описан Робертом Мертоном. «С одной стороны, от него требуют, чтобы он ориентировал свое поведение в направлении накопления богатства, с другой — ему почти

¹¹ Савченко И.П. Молодежная политика как социальное управление: социально-правовой анализ. Дис. док. социол. н. Ростов-н/Д. С. 75.

¹² Савченко И.П. Социальное управление в системе региональной молодежной политики. Ростов-н/Д., 1999. С. 5.

¹³ Цит. по: Дилигенский Г.Г. Рабочий на капиталистическом предприятии. М., 1969. С. 62—63.

¹⁴ Шахтеры и рынок. Социологический взгляд из Восточного Донбасса. Отв. ред. Чуланов В.А. Ростов-н/Д., 1999. С. 29.

¹⁵ Римащевская Н.М. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социс. 1998. № 6. С. 55—65.

ГЛАВА 1.

не дают возможности сделать это институциональным путем. Результатом такой структурной непоследовательности является формирование психопатической личности и/или антисоциальное поведение, и/или революционная деятельность. Равновесие между определяемыми культурой средствами и целями становится весьма неустойчивыми по мере того, как усиливается акцент на достижение имеющих значение для престижа целей любыми средствами.... Таким образом, в обществах, подобных нашему, давление, оказываемое стремлением к успеху, связанному с завоеванием престижа, приводит к устранению эффективных социальных ограничений в выборе мер, применяемых для достижения этой цели. Доктрина «цель оправдывает средства» становится ведущим принципом деятельности в случае, когда структура культуры излишне превозносит цель, а социальная организация излишне ограничивает возможный доступ к апробированным средствам ее достижения. В такого рода ситуации... насилие и обман становятся единственными добродетелями ввиду их относительной эффективности для достижения целей..»¹⁶.

Отдельному человеку приходится бороться с другими представителями той же группы, приходится брать верх над ними и нередко «отталкивать» в сторону. Превосходство одного нередко означает неудачу для другого. Психологическим результатом такой ситуации является смутная враждебность между людьми. Каждый представляет собой реального или потенциального соперника для любого другого...¹⁷. «Потенциальное враждебное напряжение между людьми приводит в результате к постоянному порождению страха — страха потенциальной враждебности со стороны других, усиленного страхом мести за собственную враждебность. Другим важным источником страха... является перспектива неудачи, — пишет Карен Хорни. Страх неудачи вполне реален, и потому, что, в об-

¹⁶Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. М., 1966. С. 303, 309.

¹⁷Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ: Пер. с англ. / Общ. ред. Г.В. Бурменской. М., 1993. С. 214—220.

ГЛАВА 1.

щем, шансы потерпеть неудачу намного больше шансов достичь успеха, и потому, что неудачи в обществе, основанном на соперничестве, влекут за собой реальную фрустрацию потребностей. Они означают не только экономическую небезопасность, но также потерю престижа и все виды эмоциональных переживаний неудачи».

«Субъективные представления о распределении доходов в стране носят выражено бимодальный характер — люди считают, что у нас очень много бедных людей, некоторое число богатых, но, практически нет людей со средним уровнем дохода. Это означает, что у меня, бедного человека, нет шансов улучшить свое материальное положение постепенно, шаг за шагом. Я могу лишь перепрыгнуть через отделяющую меня от богатых пропасть, но для этого должно произойти чудо либо надо совершить преступление... Все это ставит рядового человека в крайне сложное психологическое положение, — приходят к выводу Гозман Л.Я. и Шестопал Е.Б., — Раньше он был бедным, но честным, спокойная совесть компенсировала ему предельно скромные условия существования. Он знал, что вокруг есть богатые люди (они были всегда, как бы государство не старалось всех выровнять), но эти люди вынуждены скрывать свое богатство, они жулики, осуждаемые и законом, и моралью...»¹⁸.

Люди, страдающие от плохих жизненных условий, становятся недоверчивыми, особенно к посторонним. Так как такие люди погружены в размышления о собственных разочарованиях и тревогах, они относительно безразличны к мнению других членов общества. Некоторые из них склонны к выработке установок и ценностей, благоприятствующих совершению преступлений. С их точки зрения, обществу доверять нельзя. Окружающий мир наполнен жадностью, лживостью, взяточничеством и развращенностью. Они думают, что должны создать собственные правила жизни и сами позаботиться о себе, если хотят получить то, что им надо. Люди просто не знают, что думать. Они путаются, тревожатся и возмущаются, когда обще-

¹⁸Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. *Политическая психология*. Ростов-н/Д., 1996. С. 343—344.

ГЛАВА 1.

ство требует от них законопослушания и тяжелой работы для преуспевания в жизни, а они видят, что честные труженики ничего не добиваются, тогда как ни в чем не отказывающие себе криминальные личности имеют деньги и социальное положение. Возникающая аномия есть тенденция к социальной смерти, а в своих крайних формах она и означает смерть общества¹⁹.

«Реформаторы рассчитывали на рациональное поведение людей — продолжают свой анализ московские психологи. Предполагается, что, в конце концов, человек поймет, что ему выгоднее не митинговать, требуя социальной защиты, а работать, обеспечивая себя и свою семью. Но рациональное поведение требует определенного внутреннего спокойствия, если и не уверенности в будущем, то, по крайней мере, понимания того, что происходит вокруг... Ощущение краха и игры без правил не способствует конструктивной работе»²⁰. Когда человек перестает надеяться, он прекращает активно к чему-то стремиться, он теряет энергию, не создает планов на будущее, и, в конечном счете, он даже перестает хотеть для себя лучшего будущего. Его жизнь становится пассивной и примитивной²¹. Разумеется, агрессия и ксенофобия не могут быть изменены только посредством удовлетворения основных потребностей человека.

Однако, когда вера в стабильность мира жестоко разрушена, то без такой стабильности нет никакого смысла строить какие-то планы на будущее. Изменились его представления о групповой принадлежности, а поэтому изменилось и отношение ко всем без исключения фактам, составлявшим содержание его мира²². Люди оказались вытолкнуты из круга ранее существовавших стереотипов, привычных норм, представлений и встраиваются в новые, не устоявшиеся. Их когнитивная структура, в которой находятся подобные установки, ослабевает.

"Hilbert R. A. Durkheim and Merton on anomie: An unexploded contrast and derivatives // Social problems. №36 (3). 1989. p. 244.

¹⁹Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-н/Д., 1996. С. 358—359.

²¹Левин К. Временная перспектива и моральное состояние // Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000. С. 239—240.

²²Там же. С. 332—333.

ГЛАВА 1.

Альберт Хиршман в своей теории «туннельного эффекта» говорил о реально существующей опасности попасть в «ловушку социальной справедливости». В самом начале переходного периода у людей появляются большие надежды, многие — «не мы, но, по крайней мере, другие», в экономическом смысле наверстывают упущенное. Тенденция к соперничеству с наибольшей долей вероятности возникает в том случае, когда налицо благоприятные экономические условия и когда члены подчиненных этнических групп ощущают перспективу улучшить условия жизни и поднять свой статус за счет экономической активности²³. Через некоторое время те, чье положение так и не изменилось, возможно, несколько поостынут, но они все равно будут продолжать терпеть, надеясь, что и их звездный час не за горами²⁴. Как отмечал еще Ларошфуко: «То чувство, которое охватывает нас, едва мы узнаем об удачах наших друзей, является, по сути дела, выражением нашей надежды на то, что и нам в скором времени повезет или что нам удастся получить свою выгоду из удачи ближнего». Остается лишь терпеливо повышать свое благосостояние с надеждой на лучшее будущее. Увы, не все терпеливы, и в «светлое будущее» не верит уже почти никто.

Как только становится очевидной вся иллюзорность вчерашних надежд, обострившееся неравенство начинает восприниматься как нечто абсолютно неприемлемое. Этнические группы с низким статусом, которые время от времени подвергаются дискриминации, часто выражают опасения за свое существование, даже если демографические, политические, экономические и культурные условия их существования вполне нормальны. «Следует ожидать, что эти угнетенные классы будут испытывать зависть к преимуществам привилегированных и употреблять все, чтобы освободиться от большинства лишений»²⁵. «И даже если жизнь в обществе улучшается, то маргинал мо-

²³ Скворцов Н.Г. Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты. Дис. док. социол. н. СПб., 1997. С. 221.

²⁴ См. Hirschman A. *Exit, Voice and Loyalty*. Harvard, 1970.

²⁵ Фрейд З. Психоналитические этюды. Минск, 1997. С. 487.

ГЛАВА 1.

жет расценивать эти положительные изменения как чуждые, недостижимые для себя, что усиливает психологическое отторжение от общества, рост агрессивных или депрессивных элементов поведения»²⁶. Эта, по выражению Д. Хоровица, «реакция обеспокоенности» возникает из-за распространения гипертрофированного чувства опасности и порождает крайние действия в ответ на довольно умеренные угрозы.

Тезис о том, что разные люди интерпретируют реальность по-разному, рассматривался в трудах В. Гумбольдта, Х. Ортеги-и-Гассета, Ю. Хабермаса, Э. Бенвениста, К. Леви-Стросса и других. Психологи обнаружили, что мы пользуемся целым рядом мыслительных стереотипов, вынося свои повседневные суждения²⁷. Еще Скотт Фицджеральд писал, что «жизнь намного проще, если смотреть на нее из одного окна». Г. Маркузе указывал, что «одномерный человек» воспринимает происходящее в плоскости примитивных альтернатив. Очень часто каждый из партнеров чрезмерно упрощает ситуацию конфликта, причем так, чтобы это подтверждало общее представление о том, что его достоинства хороши и правильны, а действия партнера — наоборот, плохи и неадекватны.

Особенно четко подобные взгляды выражаются в военном фольклоре, причем, по мнению некоторых американских антропологов²⁸, в военном фольклоре надо различать три компонента:

- а) собственно фольклорный аспект, включающий особую композицию с особой расстановкой акцентов, требуемых как самим жанром, так и эмоциональным состоянием рассказчика;
- б) отражение этноцентрических оценок своих и чужих;

²⁶ Самыгин С.И., Столяренко Л.Д. Общественные настроения и будущее России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1996. № 3. С. 63.

²⁷ Kahneman D., Slovic P. & Tversky, A. (Eds.) (1982). *Judgement under uncertainty: Heuristics and biases*. New York: Cambridge University Press.

²⁸ Goldschmidt W., Foster G., Essene F. 1939. War Stories from Two Enemy Tribes // *The Journal of American Folk-Lore*. V. 52. P. 204.

ГЛАВА 1.

в) этнографическое содержание, соответствующее живым реалиям.

В любом случае врага наделяли воинственностью, кровожадностью, обвиняли его в вероломстве и непорядочности, считали именно его виноватым в развязывании вооруженных столкновений. Напротив, свою группу наделяли только положительными качествами, а ведущуюся ею войну объявляли справедливой, способной наказать врага за злоупотребления.

Поэтому этнические и религиозные предрассудки, враждебность, могут сыграть роль «предохранительных клапанов» и способствовать стабильности социальных структур. Толкотт Парсонс хорошо выразил эту идею, описывая механизм поиска козла отпущения: «поскольку опасно и ошибочно свободно выражать неприкрытые антагонистические чувства по отношению к членам своей группы, часто психологически легче «переместить» эмоции на чужую группу, в отношении которой уже существуют какие-то поводы для антагонизма. А поиск козла отпущения редко возникает без некоего значимого основания антагонизма, в котором заключается истинный конфликт идеалов или интересов»²⁹. Сходное наблюдение содержится у Фрейда в «Групповой психологии и анализе Эго»: «Неприязнь, направленная против отдельного человека или института, может оказывать такое же объединяющее воздействие и порождать такие же эмоциональные связи, как и в случае позитивных отношений». Этому хорошо соответствует известный афоризм Джона Дьюи: «Люди стреляют не потому, что существуют цели, они устанавливают цели, чтобы стрельба была более эффективной и значимой».

Видимо, повсюду встречался и двойной моральный стандарт: за один и тот же проступок чужака могли убить, а своего пытались наказать с помощью магии³⁰, со своими нужно вести себя пристойно, здесь все строится на взаимном доверии. В отношении же чужих можно особо не проявлять щепетильнос-

²⁹ *Parsons T. Religious Perspectives of College Teaching in Sociology and Social Psychology. New Haven, p. 40.*

³⁰ *Fison L., Howill A. W. 1880. Kamilaroi and Kurnai. Melbourne. P.222.*

ГЛАВА 1.

ти. Возникает явление, которое педагоги называют «самоснисходительность», «самопрощение себе всего того, что не простят другому»³¹.

Поэтому практически повсеместно встречаются этнонимы, в переводе означающие «мы - единственные люди», тогда как соседи нередко назывались «варварами» или «дикими»³². Ярлыки одновременно описывают и оценивают, и они неизбежны. По выражению А. Коухена, они выступают «маской сходства», «зонтиком солидарности» с большинством³³.

Все это дало основание У. Самнеру сформулировать свою идею о «двойном стандарте» в подходе к «своим» и «чужим» и выдвинуть концепцию этноцентризма³⁴. Понятие этноцентризма было введено в научный оборот в 1883 г. П. Гумпловичем в его книге «Расовая борьба». Р. Левайн и Д. Кэмпбелл, рассматривая этноцентризм как производное от реакции на конфликт и угрозу со стороны других групп, выделили его основные симптомы: увеличивающуюся плотность групповых границ, уменьшение числа отступников в группе, усиление их наказания или даже отвержения их как дезертиров³⁵. Поиск борющейся группой новых врагов напоминает процесс, который Гордон Оллпорт назвал «функциональной автономией мотивов». Оллпорт утверждал, что существование мотивов, возникших из-за стремления к какой-либо особой цели, может продолжаться и после того, как изначальная цель перестает существовать³⁶.

В рамках теории социальной идентичности ряд известных западных ученых (Р. Браун, Дж. Тернер, Г. Тэджфел) утверж-

³¹ Копыл А.Н. Педагогические условия и практика формирования нравственной устойчивости подростка в общеобразовательной школе. Автореферат к. пед. н. Ставрополь, 1999. С. 23.

³² Wheeler G.C. 1910. *The Tribe and Intertribal Relations in Australia*. London. P. 59, 98; Hart C. W.M., Pilling A.R. 1960. *The Tiwi of North Australia*. New York. P. 10.

³³ Cohen A. P. *The symbolic construction of community*. Chichester: E. Howood; London; New York: Tavistock Publications, 1985.

³⁴ Sumner W.G. 1958. *Folkways*. London. Sumner W.G. 1964. *War*// WSPSA.

³⁵ Солдатова Г., Шайгерова Л. Комплекс превосходства и формы интолерантности // Век толерантности. 2001. № 2. С. 5.

³⁶ A Upon G. W. New York. 1937.

ГЛАВА 1.

дали, что у социальных групп существует потребность создавать положительно оцениваемые отличия от других групп для того, чтобы обеспечивать своим членам позитивные самооценки. Этноцентризм, по мнению О. Кокса — «мы — чувство», общее для всех групп³⁷. Внутригрупповой этноцентризм повсеместен³⁸. Он исходит из того, что в межэтническом общении данная группа становится масштабом для оценки других. Исходя из такого масштаба, чужие группы могут недооцениваться, или, более того, получать откровенно незаслуженные оценки³⁹. В данном вопросе может оказаться полезной выдвинутая Ньюкомбом концепция «негативной референтной группы», которую он вывел из концепции «внешней группы» Самнера⁴⁰. Самнер характеризовал этноцентризм как точку зрения, в соответствии с которой своя собственная группа является центром всего, а все остальные сравниваются и оцениваются относительно нее.

Обычно к такого рода аутсайдерам применяются дискриминационные меры воздействия. В литературе достаточно подробно описаны ситуации дискриминационного поведения на основе этнических или расовых различий. Появилось даже понятие «налог на цвет» или точнее даже «налог на внешность» — предложение более низкой зарплаты, худших условий труда и т.д.⁴¹.

Общей чертой разновидностей всех этих взглядов является то, что характерные особенности определенной группы рассматриваются как достоинство, а особенности всех других групп как недостатки («Мы не такие, как другие, мы лучше всех»). Психологически это подкрепляется тем, что привычное кажется милее, а непонятное представляется неестественным и опасным: «Если не так, как у нас — значит, плохо». Принадлежность имен-

³⁷ Сол О. С. *Caste, Class and Race*. New York: Monthly Review, 1948. p. 321.

³⁸ См. Brewer M. (1979). In-group bias in the minimal intergroup situation: A cognitive-motivational analysis. *Psychological Bulletin*, 86, 307—324.

³⁹ Савченко Л.А. *Социология повседневности*. Ростов-н/Д., 2000. С. 110.

⁴⁰ Newcomb T. M. *Social Psychology*. New York. 1950, esp. P. 226—227.

⁴¹ Banton M. *Racial and Ethnic Competition*. London: Cambridge Univ. Press, 1983.

ГЛАВА 1.

но к этой группе становится предметом гордости ее членов, и происходит то, что писатель А. Крон удачно назвал «самоутверждением через сопричастность»: «Сам по себе я, может быть, ничего не представляю, но моя принадлежность к этому клану, к этой касте делает меня выше простых смертных»⁴².

Суждения сторон друг о друге, придерживающихся подобных взглядов можно проиллюстрировать с помощью известной миниатюры Норберта Фрида: «Гектор III выиграл на скачках Большой приз и горделиво на рысях спешил к дому. От успеха он чувствовал себя наверху блаженства. Попалась ему навстречу сороконожка. Она мигом пересчитала его копыта, перекрестилась и громко вздохнула: Бедный калека!»⁴³.

В социальной психологии неоднократно описывались эффекты стереотипных искажений, которые приводят обе стороны взаимодействия к одному результату: к формированию установки «образ врага есть дьявольский образ»⁴⁴. Еще Г. Тэджфел отмечал, что социальные стереотипы становятся более отчетливыми и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами⁴⁵. В ситуации ксенофобии полностью действует принцип «двойного стандарта», когда собственная позиция и действия принимаются без критического осмысления, а действия другой стороны оцениваются по другой мерке.

Противники создают контрастные концепции, приписывая друг другу нереалистические мотивы, а затем с раздражением реагируют на персонификацию, которую сами же создали. Этим объясняется тот факт, что они не могут друг друга понять. Противник часто представляется воплощением дьявола, в его поведении замечается только то, что в собственной культуре считается отвратительным. Поскольку почти каждый поступок чело-

⁴² Верилловский С.Г. Воспитание активной позиции личности. Л., 1981. С. 29, 131.

⁴³ Там же. С. 132.

⁴⁴ Лабунская В.А. Социально-психологические детерминанты возникновения затруднений в межэтническом общении // Известия вузов Северокавказский регион. Общественные науки. 1998. № 2.

⁴⁵ См. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990. С. 136.

ГЛАВА 1.

века можно толковать по-разному, контрастная концепция усиливается практически независимо от того, как в действительности ведет себя оппонент. Создавая неблагоприятный образ своего врага, каждый может представить себя борцом за правое дело⁴⁶. Формирование «образа врага», по мнению современных швейцарских психоаналитиков Курта и Кэти Спиллман, есть основа идентификации личности, возникающая на бессознательном, а точнее на досознательном, уровне развития. Происходит торможение и регрессия психики еще не сложившегося индивида: «образы врага изменяют человеческую психику, умственные способности и человеческое поведение. Сочувствие и идентификация дезинтегрируются до такой степени, что люди, воспринимаемые как враги, не только лишаются индивидуальности — их даже не считают больше людьми»⁴⁷.

Принцип ассоциации является общим, в соответствии с ним возникают как положительные, так и отрицательные связи⁴⁸. При этом происходит процесс самостимуляции⁴⁹. Одна из ее наиболее возможных причин, которой придает большое значение известный американский психолог Тессер, состоит в том, что, когда рассерженные люди продолжают думать о фрустрировавшем их человеке, их представление о нем претерпевает определенное изменение. Не получая противоположной информации, они забывают не согласующиеся детали, которые раньше затемняли образ другого человека. И они становятся более категоричными в своих оценках центральных черт сформировавшегося у них образа.

Что же приводит к формированию образа этнического врага? Прежде всего, как это ни парадоксально, сама этнич-

⁴⁶ William G. Summer, *Folkways*, Boston, 1906, p. 12—15.

⁴⁷ Спиллман К., Спиллман К. *Образы врага и эскалация конфликта* // *Международный журнал социальных наук*. № 3. 1991. С. 62—63, 77.

⁴⁸ Lott A. J. & Lott, B.E. (1965). Group cohesiveness as interpersonal attraction: A review of relationships with antecedent and consequent variables. *Psychological Bulletin*, 64, 259—309.

⁴⁹ См. доказательства в пользу этой возможности: Berkowitz, L. & Hiemer, K. (1989). On the construction of the anger experience: Aversive events and negative priming in the formation of feelings. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology*, Vol. 22. Orlando, Fla.: Academic Press, pp. 1—37.

ГЛАВА 1.

ность. В истоке любой этнофобии лежит та же социально-психологическая структура различения между «нами» и «не нами», что и в основе этнической самоидентификации. Но, если во втором случае это различие носит лишь «констатирующий» характер («мы» — такие, а «они» — другие), то в первом — оценочный (они хуже «нас», «мы» — жертва «их» происков и т.п.)⁵⁰.

Происходит «дегуманизация» врагов: они лишаются человеческих черт, изображаются как «звери», потерявшие человеческий облик, «нелюди» и т.д. Конфликт усиливается тем, что собственная неприязнь подогревается ощущением неприязни со стороны противника, действующего по той же схеме, таким образом, стороны в межгрупповом конфликте своим противостоянием и антагонизмом подтверждают свои версии относительно враждебности друг друга⁵¹. Дегуманизация преувеличивает межгрупповые различия и включает в себя осознание подавляющего превосходства своей группы. Ее целью является полная дифференциация своей и чужой группы вплоть до исключения последней из рода человеческого вообще. Членов чужой группы называют «зверьями», «животными». Это переводит их в категорию «нелюдей» и позволяет поступать с ними так, как запрещено поступать с себе подобными — с людьми.

Существует тенденция к возникновению между взаимодействующими группами реципрокных отношений, т.е. группы будут отвечать внешним группам теми же установками, которые те (внешние группы) относят к ним самим, так что их реципрокные установки (позитивные или негативные) будут соответствовать друг другу⁵². Похоже, пословица, что старую собаку нельзя научить новым трюкам, относится и к установкам.

⁵⁰ Сикевич З. Этническая неприязнь в массовом сознании россиян // *Нетерпимость в России. Старые и новые фобии*. С. 99.

⁵¹ Гостев А.А. Эволюция сознания в разрешении глобальных конфликтов (очерки по конфликтологии). М., 1993. С. 41—42.

⁵² Deutsch M. Constructive Conflict Resolution: Principles, Training, and Research // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. №1. p. 13—32.

ГЛАВА 1.

Термин «зеркальное восприятие» был предложен американскими исследователями Ю. Бронфенбреннером и С. Оскампом. Ксенофобия одних по отношению к другим встречает ответную, зачастую еще более жесткую реакцию. Таким образом, ее рост приобретает черты геометрической прогрессии, что особенно заметно в кризисных ситуациях.

Любой конфликт порождает напряжение, приводящее к беспокойству, поведенческому дисбалансу и повышенному вниманию к той или иной сфере. Ненависть в данном случае несет в себе, главным образом, социальную нагрузку — подобные чувства повышают эмоциональную вовлеченность в конфликт и тем самым укрепляют готовность довести борьбу до конца. «Сильные эмоции, — говорит Бэн, — внушая нам известные поступки и влияя на наши умственные приобретения, в то же время оказывают действие на наши суждения об истинном и ложном»⁵³. Отрицательные эмоции память сохраняет длительное время. По исследованиям советского психолога П.П. Блонского, неприятное помнили 64% опрошенных и только 19% помнили приятное⁵⁴.

Еще Зигмунд Фрейд предполагал, что существует изначальная враждебность одного человека к другому. Однако, чтобы объяснить межэтнический конфликт, одной констатации существования агрессивных или враждебных побуждений недостаточно. Ненависть, как и любовь, нуждается в объекте. Конфликт может происходить только при взаимодействии субъекта и объекта, а это предполагает наличие отношений.

Впрочем, по мнению некоторых специалистов, ненависть к врагу, как личная, так и безличная, не являлась основной составляющей мотивации, побуждавшей людей сражаться, например, во Второй мировой войне⁵⁵. Данная мотивация состояла из множества элементов, наиболее важным из которых была,

⁵³ Кузнецов Б.Г. Современная наука и философия. М., 1981. С. 222.

⁵⁴ См. Блонский П.П. Память и мышление. М., 1935.

⁵⁵ Stouffer S. A., et. al. The American soldier. Vol. II. Combat and its Aftermath. 4 vols., — Princeton, 1949—1950. P. 166.

ГЛАВА 1.

очевидно, преданность группе «своих парней», а ненависть к врагу играла лишь второстепенную роль⁵⁶. Но, как считал Зиммель, в любом случае «полезно ненавидеть своего оппонента», во всяком случае, это соображение присутствует в основе пропаганды, как древней, так и современной, направленной на укрепление боевого духа⁵⁷.

Другой причиной является относительная депривация — т.е. восприятие своего положения как худшего по сравнению с положением других этнических групп. Термин депривация, введенный в социальную психологию С.А. Стауффером, предоставляет заимствование из организованной практики католической церкви и означает лишение духовного лица бенефиция (доходной должности)⁵⁸. Сейчас этот термин означает, что те, кто объективно характеризуются более благоприятными показателями, могут ощущать большую неудовлетворенность, если их ожидания были более высокими или они окружены людьми, которые находятся в лучшем положении, чем они⁵⁹. Польский исследователь Е. Вятр особо выделял случаи условной депривации, отмечая, что она встречается в группах, чьи запросы особенно сильно возросли по сравнению с возможностями их удовлетворения⁶⁰. «Источником же этого неудовольствия являются требования, которые предъявляет к душевной жизни новое, те психические затраты, которое оно требует, та повышенная неуверенность, которую оно приносит с собой и которая может доходить до ожидания, исполненного страха» (Зигмунд Фрейд). Поэтому, когда возникают напряжения социального характера, появляется потребность в компенсирующем или стимулирующем самоутверждении безотносительно к источнику и природе этого подтверждения: наилучшим об-

⁵⁶Shils E. A. *Primary Groups in the American Army // Studies in the Scope and Method of the American Soldier.*

⁵⁷КозерЛ'. *Основы конфликтологии.* СПб., 1999. С. 56.

⁵⁸Сапов В В. *Депривация. Современная западная социология. Словарь.* М., 1992. С. 81—82.

⁵⁹Deutsch M. *Distribute Justice: A Social-Psychological Perspective.* New Haven and London, 1985. p. 50

⁶⁰См. Вятр Е. *Социология политических отношений.* М., 1978.

ГЛАВА 1.

разом — за счет позитивных достижений, в худшем случае — за счет ценностного принижения образа «другого», или иллюзорного самовозвышения от героизации национального прошлого (чаще всего происходит и то, и другое).

Исследуя расовые проблемы на Юге Соединенных Штатов, Таннебаум назвал подобное явление «социальным страхом» — т.е. это вопрос не личной трусости или личного мужества, а возникновения в результате неожиданных изменений чувства «потери почвы под ногами»⁶¹. «Агрессия, указывает В.Р. Дольник, всегда сопровождается приступом страха, а страх может перерасти в агрессию»⁶².

Каковы бы ни были поступки или желания человека, у него должна быть под ногами какая-то почва. Люди обычно очень чувствительны даже к малейшему увеличению неустойчивости их социальной почвы⁶³. Американский писатель Ф. Маунт называет это — «чувством бездомности».

Исследования Бертрана Дойля, посвященные расовой дискриминации в южных районах Соединенных Штатах показывают, что насилие возрастает, когда система этнической стратификации находится в процессе формирования или ломки, в ситуациях, когда обе стороны не совсем уверены, чего следует ожидать друг от друга. Когда же система господства хорошо установлена, координирование действий протекает спокойно⁶⁴.

Иллюзия «единичного случая», когда считается, что можно с легкостью забыть о случившемся и жить по-старому, как в доконфликтную эпоху, — самое большое заблуждение, которое только может быть у конфликтующих сторон и самое тяжелое по своим последствиям, потому что никто не может предсказать, во что выльются старые обиды в следующий раз. Каким бы стихийным не выглядел этнический бунт, погром или

⁶¹ *Tannebaum F. Darker Phrases of the South. New York. 1924. P. 8- -9.*

⁶² *Дольник В. Непослушное дитя биосферы. М., 1999. С. 132.*

⁶³ *Левин К. Типы конфликтов // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., 1982. С. 93—96.*

⁶⁴ *Bertram W. Doyle, The Etiquette of Race Relations in the South. Chicago, 1937.*

ГЛАВА 1.

конфликт, надо помнить, он — не случаен. Всегда существуют причины, которые породили его.

После конфликта мир уже нарушен. Появляется новый элемент, которого до сих пор не было. Элемент, который изменил оценку сложившемуся положению. И каковы бы не были традиции взаимного сосуществования народов, они уже не будут играть эффективную роль, поскольку конфликт радикально меняет структуру социальных отношений (когда говорят, что на Кавказе накоплен многовековой опыт сотрудничества, хочется спросить: Куда же он делся? Почему же в последнее время мы сталкиваемся с проявлениями ожесточения?).

Постконфликтная ситуация всегда будет новой. И в Нагорно-Карабахском, и в Абхазском, и в Чеченском, и в других конфликтах уже невозможно вернуться в доконфликтную эпоху после вспышек насилия, этнических чисток и многочисленных жертв. Движение к согласию и компромиссу всегда сопровождается тяжелыми потерями, и эти потери нельзя зачеркнуть росчерком пера, о них нельзя забыть. Неважно, будет ли новый элемент в форме открытой ненависти («Мы представляем прогрессивные силы, а противник воплощает реакционные силы и потому он должен быть уничтожен», «Наша цель одна — мы боремся с врагом») или просто «мягкое» недоверие или подозрение, но этот элемент есть. Он реален, поскольку является порождением реального конфликтного процесса. В нем можно обнаружить и презрение, и ненависть, и страх, и озлобленность, и жестокость, а больше всего страсть к разрушению. Все то, что можно собрать в короткую команду-лозунг, используемую идеологами и фанатиками: «Убей врага!».

Еще Н. Винер как-то заметил, что проблема зла решается либо по пути, на котором зло представляется некоторым подобием энтропии, либо по пути манихейцев — зло персонифицируется, и ответственность за него приписывается некоему злему духу⁶⁵. В этих случаях победившая сторона выполняет еще и карательную функцию по принципу «око за око», т.е.

⁶⁵ Кузнецов Б.Г. Современная наука и философия. М., 1981. С. 141.

— ГЛАВА 1.

не просто восстанавливает нарушенное равновесие, а стремится «справедливо» наказать провинившихся. «Мы не должны оставлять зло безнаказанным», «Они подписали себе смертный приговор», «Мы нанесем ответный удар», «Мы все готовы встать на защиту своей страны, и мы разрушим логово бандитов, которые дестабилизируют обстановку» — эти и другие подобные высказывания можно обобщить в одно — «На насилие можно ответить только насилием». «Убей одного — утратишь десять тысяч» — уверяет древняя китайская поговорка. Или, как говорят в России, «безнаказанность порождает вседозволенность».

Как мы убедились, добиться «успеха» путем насилия могут даже те, кому решительно закрыт всякий доступ к другим способам его достижения⁶⁶. Как гласит американская поговорка: «масло достается скрипучему колесу». В процессе деструктивной деятельности человек доказывает, прежде всего, самому себе, свою значимость⁶⁷. Иначе говоря, конфликт часто используется сторонами для внутренней и внешней аудиторий как способ заявить о себе, что мы есть и нас необходимо учитывать. «Это не столько борьба за обладание ресурсами, сколько за то, чей голос будет считаться выражающим интересы государства, или, иначе говоря, чей голос будет соответствовать голосу государства. Конкуренция между группами — это конкуренция по поводу установления правил игры в деле национального строительства. Неуспешными становятся те группы, которые не вносят сколько-нибудь значительного вклада в строительство нации. Речь идет о том, что доминирующие группы устанавливают определенный порядок вещей, а подчиненные группы соревнуются между собой за признание тому, кто этому порядку больше соответствует. Как следствие этого, «этническая» есть ярлык для тех групп, которым не удастся достичь определенного уровня развития, установленного доминирующей группой, и которым отказано в том, чтобы иметь место

⁶⁶ Ольшевский Д. В. Психология терроризма. СПб., 2002. С. 205.

⁶⁷ Лысак И. В. Деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен. Автореферат, канд.ф.н. Ростов-н/Д., 1999. С. 14.

—ГЛАВА 1.

в национальных устремлениях правящей элиты, отрицающей собственную этничность»⁶⁸. Такие институты ставят группы меньшинств в политически уязвимое положение и лишь подливают масло в огонь их политического отчаяния из-за ситуации, когда меньшинства вынуждены жить при политических системах, которые они не выбирали и которые их не представляют⁶⁹.

Социолог Ричард Фельсон интерпретировал агрессию как средство управления впечатлением. Он полагает, что не только правонарушители, но и большинство людей считают, что личный вызов выставляет их в невыгодном свете, особенно если они подверглись нападению. И тогда человек бросается контратаку, стремясь аннулировать «навязанную ему идентичность демонстрацией своей силы, компетенции и смелости». Атакуя обидчика, люди стремятся показать, что они «такие, чье «я» следует уважать»⁷⁰.

В соответствии с теорией атрибуции восприятие людьми причин собственного поведения оказывает влияние на то, как они поведут себя в тех или иных ситуациях⁷¹.

Мы можем уменьшить чувство собственной вины, говоря, что мы не одни, и, главным образом, другие люди в этом виноваты. «Другие делали то же самое, — настаиваем мы. — Они причинили столько же вреда, как и я, а может быть, даже и больше. Я выполнял только малую часть»... В той или иной форме люди, прибегающие к подобному самооправданию, говорят: «Другие виноваты больше, чем я. Я на самом деле, не такой уж плохой»⁷².

⁶⁸ Williams B. F. A Class Act: Anthropology and the Race Across Ethnic Terrain // *Annual Review of Anthropology* / Ed. By A. Beals, S. Nyler. 1989. Vol. 18. №3 p. 401—401. p. 426.

⁶⁹ Дробизева Л. М. и др. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996. С. 43

⁷⁰ Felson, R. B. (1978). Aggression as impression management. *Social Psychology*, 41, 205—213..

⁷¹ Bern. D. J. (1972) Self-perception theory. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 6. New York: Academic Press; Nisbett R. E. & Valins S., (1971) *Perceiving the Causes of One's Own Behavior*. Morristown N.J.: General Learning Press).

⁷² Берковиц Леонард. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001. С. 153.

ГЛАВА I.

Приписывание вины самой жертве так же является одним из важнейших способов самооправдания. Взаимодействие обычно состоит из последовательности взаимных поступков, вызывающих эскалацию насилия, в которых жертву нельзя считать полностью невиновной. Всегда в цепочке событий можно выделить причину, породившую акт самозащиты от враждебных действий, и представить его как исходную точку. Таким образом, либо самим жертвам приписывается вина за их страдания, либо в качестве оправдания враждебного поведения используется тезис об исключительных обстоятельствах данной ситуации. Осуждая других, человек ищет оправдания своим поступкам.

В результате у людей искажается повседневное восприятие мира, формируется силовая психология. Человек приучается безапелляционно делить вещи на плохие и хорошие, правильные и неправильные, черные и белые. Война калечит души, смещая человеческие ценности, ставя слепую силу и ненависть во главу угла. «Если быть добрым, сострадательным, то тебя на следующий же день пришьют. Если ты воюешь — ты будешь убивать. Разбрасывай мины-ловушки, и по фигу, кто на них подорвется — женщина или ребенок. Ребенок вырастет моджахедом, а женщина родит нового боевика. Сначала стреляй, потом думай, — это твоя главная забота... Чеченцы — враги, их жалеть нельзя. Не имеет значения, кто перед тобой — женщина или ребенок. Перед тобой — враг... Если убьешь горца, за оружие берется горянка, погибнет она — за оружие возьмутся дети... Придушим детей — никто уже не станет воевать... Был народ — и нет народа»⁷³. Так же и по другую линию раздела, по мнению В.А. Рамих, «чеченские дети» потерявшие родителей на этой войне, уже заражены ненавистью по отношению к русским... Эти дети на всю жизнь приобрели негативный опыт и с трудом могут быть возвращены к мирной жизни, так как испытывают жестокие

⁷³ Из интервью с российским солдатом. С автоматом ему спокойнее // Российские вести. 17 января. 1995.

ГЛАВА 1.

страдания от потери родных и близких и тяжело расстаются с о сложившимся образом врага»⁷⁴.

Продолжительное участие в конфликте приводит к значительным изменениям в личности человека. Социальные психологи почти единодушны во мнении — выражение враждебности приводит к усилению враждебности. Чем больше человек совершает жестокостей, тем легче ему это сделать в дальнейшем. Зло обычно является результатом постоянно увеличивающегося числа уступок. Незначительный дурной поступок может упростить попытку совершения более тяжелого деяния, поскольку подрывается нравственная основа человека. К примеру, действия, которые можно охарактеризовать как жестокость, разъедают сознание людей, которые осуществляют их. Причинение вреда невинной жертве обычно порождает у агрессора пренебрежительное отношение к объекту своих действий, тем самым, давая ему возможность оправдать свое поведение⁷⁵.

Даже просто наблюдение сотен актов жестокости приводит к эмоциональному оцепенению. Согласно психофизическому закону Вебера — Фехнера сила реакции на раздражитель снижается при каждом очередном его повторении. Наступает, как выражается А. Карстен, явление «психического пресыщения»⁷⁶. Наиболее обычной реакцией будет — «Это меня совершенно не касается»⁷⁷. Если же психологический барьер перед убийством снят, то в результате человек перерождается в хладнокровного карателя. «Ему уже все равно с кем воевать. Воюет, чтобы почувствовать себя мужчиной». С сожалением приходится согласиться с выводом Эрвина Штауба — «Человеческие существа способны привыкнуть к тому, чтобы убивать других людей и не видеть в этом ничего особенного». И лучше

⁷⁴ Череватенко В.И. Женщины и дети Чечни. Мат-лы III Форума Международной постоянно действующей конференции «Женщины за жизнь без войн и насилия!». Выпуск 2 (5). 2001. С. 24.

⁷⁵ Glass, S. (1997) *The Hollywood hustle*. George, pp. 90—94.

⁷⁶ Зейгарник Б.В. Теория личности Курта Левина. М., 1981. С. 79—80.

⁷⁷ Майерс Д. Социальная психология. 1997. С. 122—123.

ГЛАВА I.

не думать об убитых, смотреть на это как бы со стороны. Как будто играешь в компьютерную игру.

Общество привыкает к болевому шоку, а правым считается тот, кто сильнее. Американский психолог Ирвинг Стауб называет происходящие процессы понятием «тяжелые времена» — ощущение депрессии, безнадежности, окруженности врагами, ощущение несправедливости, совершаемой по отношению к моему городу, моему народу, моей религии. Лидеры движения считают себя невиновными в возникающих кризисах и стремятся компенсировать несправедливое нанесение ущерба себе и своим сторонникам. Причем эта несправедливость дает, по их мнению, права на особые привилегии за счет притязаний на вознаграждение, словно за счет исторической ренты. «Мы все в глубине души считаем, — мудро замечал Зигмунд Фрейд, — что у нас есть основания быть в обиде на судьбу и природу за ущерб, и врожденный, и нанесенный нам в детстве, все мы требуем компенсаций за оскорбления, нанесенные в наши юные годы нашему нарциссизму, нашей любви к себе. Почему природа не подарила нам золотых кудрей Бальдера или силы Зигффида, высокого чела гения или благородного профиля аристократа? Почему нам пришлось родиться в мещанской обстановке, а не в королевском дворце? Мы превосходно сумели бы быть прекрасными и знатными, как и те, которым нам приходится теперь завидовать». «Мы полагаем, что любим справедливость и любим, когда заслуги по достоинству вознаграждены; — писал Мандевиль в «Басне о пчелах», — но если люди долго занимают самые первые почетные должности, половина из нас, устает от них, ищет их ошибки, а если не может найти, то предполагает, что они их прячут...»⁷⁸.

Ученый и философ В. Гейзенберг хорошо описал это состояние в фашистской Германии — «В жизни отдельного человека это проявляется в том, что человек теряет инстинктивное чувство правильного и ложного, иллюзорного и реально-

⁷⁸ Мандевиль Б. Басня о пчелах. М., 1974. С. 142.

— ГЛАВА 1.

го. В жизни народов это приводит к странным явлениям, когда огромные силы, собранные для достижения определенной цели, неожиданно изменяют свое направление и в своем разрушительном действии приводят к результатам, совершенно противоположным поставленной цели. При этом люди бывают настолько ослеплены ненавистью, что они с цинизмом наблюдают за всем этим, равнодушно пожимая плечами»⁷⁹.

Исследования социальных психологов (Андерсона, Лекнера и Росса) показывают, что убеждения людей могут жить своей собственной жизнью и выживать даже после дискредитации доказательств, которые их породили. Установки, изначально не имеющие под собой достаточных фактических оснований, могут впоследствии воздействовать на усвоение знаний и формирование убеждений и верований, которые в конечном итоге заполняют пустоты в структуре ментальной репрезентации⁸⁰. Установки влияют на восприятие. Это явление называют гало-эффектом — склонность к тому, чтобы после формирования общей оценки человека (позитивной или негативной) оценивать отдельные его качества также⁸¹.

Теорема У. Томаса гласит, что «если люди оценивают ситуацию как реально существующую, то они предпримут в соответствии с ней реальные шаги»⁸². При этом неверные мнения сильно влияют на события, подпитывая их и подтверждая. В результате образуется замкнутый порочный круг, своеобразная «ловушка неизбежности», в которую загоняются участники. Поэтому этнополитические конфликты — это всегда ситуации с взаимным отсутствием доверия, при которых проецируются на другую сторону все отрицательные характеристики

"Цит. по: Кара-Мурза С. Интеллигенция на пепелище родной страны // Наш Современник. № 2. 1997. С. 177.

⁸⁰ Pratkanis, A.R. and Greenwald, A. G. (1989). A sociocognitive model of attitude structure and function. In L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (vol. 22, pp. 245—285). New York: Academia Press.

⁸¹ Nisbett, R. E. and Wilson, T. D. (1977). Telling more than we can know: Verbal reports on mental processes. *Psychological Review*, 84, 231—259.

⁸² Thomas W., Znanieski E *The Polish Peasant in Europe and America*. N. Y. Dover, 1958. Vol. 1—2. p. 186—187.

и эмоции, которая рассматривается как нечто иррациональное, чуждое и враждебное.

Крайняя степень этноцентризма выражается в форме делегитимации и определения группы в негативные социальные оценки, которые являются неприемлемыми для той или иной стороны. В. Волкам видит здесь неизбежный феномен жизни. Человек испытывает причислять одних людей к своим союзникам, других к врагам, и эта потребность — результат усилий по защите чувства самоидентичности.

Установление таких контрастов делает возможным принятие двойственной морали. В условиях этнического конфликта, как это описывается Д. Горовицем, цивилизованность становится меркой, которая применяется прежде всего внутри своей группы⁸³. Даже тогда, когда противники осознают, что совершают одинаковые действия по отношению друг к другу, все равно собственные действия воспринимаются каждым из них как допустимые и законные, а действия оппонента — как нечестные и непозволительные.

Поскольку враги расцениваются как нечто низменное, по отношению к ним обычные нормы не соблюдаются. Здесь цель оправдывает средство — предательство, обман, преступления — все то, что никогда не было бы позволено внутри собственной группы. «Это и есть криминальный социальный порядок — когда ты не можешь избежать насильственного втягивания в него. И человек, всей душой желающий избежать этого, втягивается в этот порядок в двух ипостасях — и жертвы, и преступника»⁸⁴.

Известный польский социолог Г. Коланкевич подчеркивает, что во многих посткоммунистических государствах групповое убеждение в том, что «другое» может иметь позитивную функцию абсолютно чужда для значительной части как элит, так и общества⁸⁵. Соппротивление этому является следствием

⁸³ Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley, 1985

⁸⁴ Кара-Мурза С.Г. *Манипуляция сознанием*. М., 2001. С. 511.

⁸⁵ Kolankiewicz G. *The other Europe: Different Roots to Modernity in Eastern and Central Europe* // *European Identity and the Search for Legitimacy* / S. Garcia (ed.) London, 1993.

ГЛАВА 1.

того, что у человека уже сформировались способы мышления и сложились установки, которые искажают когнитивные и эмоциональные реакции, не позволяя ему усомниться в их правильности⁸⁶.

Накопленные негативные эмоции накладывают отпечаток на то, как мы видим мир, вызывая в памяти прошлый опыт, связанный со схожим настроением. Любопытно, что наше настроение в меньшей степени влияет на простое «автоматическое мышление», чем на сложное, «требующее усилий». Таким образом, как замечает западный исследователь Форгас, настроение, скорее всего, вклинивается в мышление, когда мы оцениваем нестандартных, а не типичных людей, объясняем сложные человеческие конфликты. И чем больше мы думаем, тем больше наше настроение может влиять на наше мышление.

Этнические стереотипы и процессы стереотипизации достаточно подробно освещены в литературе⁸⁷. Этнические стереотипы можно назвать крепостью, за стенами которой этносы чувствуют себя в безопасности⁸⁸. Искаженные стереотипы являются также основой возникновения различного рода приписываний причин поведения противоположной стороны. Так исследователи института комплексных социальных исследований (Санкт-Петербург) выявили некоторые стереотипы этнических претензий молодых людей СНГ. Среди них обнаружена стойкая неприязнь, выраженная в послылках типа — «Они захватили нашу землю, Они претендуют на нашу землю» (Северный Кавказ, Крым, Татарстан и другие автономии)⁸⁹.

Чем значимее партнер, чем выше его статус, тем чаще ему приписываются личностные причины поведения, тем чаще его социо-психологические особенности рассматриваются в качестве условий возникающих конфликтов. Этот процесс называ-

⁸⁶Зимбардо Ф., Лайпте М. Социальное влияние. С. 247.

⁸⁷См. напр. Воронове А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. СПб., 1994; Введение в этническую психологию: Учеб. Пособие / Под ред. Ю.П. Платонова. СПб., 1995; Куницына В.П. Этнические стереотипы // Психологический журнал. 1989. № 4. С. 25—38.

⁸⁸Савченко Л. А. Социология повседневности. Ростов-н/Д., 2000. С. 146.

⁸⁹Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998. С. 13.

ется «мышлением против фактов» в поведении используются воображаемые альтернативные сценарии и результаты, которые могли бы быть, но не случились.

Д.С. Ольшанский отмечает следующие социально-психологические особенности, выступающие условиями постоянных конфликтов, — неспособность увидеть явление в единстве положительных и отрицательных черт, тяготение к однозначным оценкам, наличие «привычки помещать все в одно место»⁹⁰.

Известные конфликтологи Р. Фишер и У. Юри утверждают, что люди во все мире независимо от культурной и этнической принадлежности обременены двумя иллюзиями (в ситуации конфликтных отношений — прим. авт.): «я прав — ты не прав» и «я хороший — ты плохой»⁹¹. Они замечают также, что ведущими стратегиями поведения являются стратегии «либо бей — либо беги». В конфликтной ситуации мы нередко полагаем, что являемся жертвой нападок злобного противника, моральные принципы которого весьма сомнительны. Нам кажется, что истина и справедливость целиком на нашей стороне и свидетельствует в нашу пользу. В большинстве конфликтов каждый из оппонентов уверен в своей правоте и стремлении к справедливому разрешению конфликта, убежден, что только противник этого не хочет. В результате подозрительность часто естественным образом проистекает из существующей предубежденности.

Эти особенности взаимодействия присущи каждому из участников конфликта. И в ситуации межэтнического противостояния проявляется в стремлении увидеть за хорошим поведением противника желание достичь личных целей, расценить жесткое поведение как результат плохого характера партнера, а собственно хорошие поступки интерпретировать как проявление лучших сторон своей личности, а плохие объяснять обстоятельствами или поведением других людей — свое-

⁹⁰ Ольшанский Д.С. Социальная психология винтиков // Вопросы философии. 1989. № 8.

⁹¹ Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990. С. 158.

ГЛАВА 1. — — — — —

образное «туннельное зрение», когда люди видят только то, что хотят. Их прошлые конфликты, недоговоренности, связанные с ними негативные чувства и их актуализация в новой ситуации приводит к желанию доказать свое, поставить на место, одержать верх. Эмоциональное отношение участников конфликта к происходящему часто является симптомом того, что идет «борьба за прошлое»⁹².

Дж. Рубин Д. Колб, ссылаясь на работы Ф. Тетлока, отмечают, что чем больше развивается конфликт, тем менее сложными становятся аргументы, используемые каждой стороной, тем сильнее влияние «предубеждений» на лиц, принимающих решения, тем упрощенней схемы анализа поведения и обсуждаемых вопросов⁹³. Призыв к прямому действию закрывает путь к диалогу, обзору и обсуждению иных возможностей решения возникших проблем. «По мере усиления конфликта беседы в возрастающей степени становятся менее упорядоченными, ясными, релевантными и целенаправленными и более импульсивными, эмоциональными и импровизационными»⁹⁴. Иногда мотивационные и интеллектуальные ограничения могут вести стороны к восприятию проблем как более жестких, чем диктует реальность, так что они «затвердевают» на своих «позициях (Фишер и Ури).

В конечном счете, весь выбор сводится к дилемме: или напасть первым, или рано или поздно получить удар самим. С этого момента политика сторон сводится лишь к выбору между различными неприятностями.

Стороны говорят, используя «волны разной длины». В результате они не столько не в состоянии понять друг друга, сколько просто услышать. Каждая сторона может, основываясь на системе своих взглядов и оценок, представить внутренне непротиворечивую, логически обоснованную совокупность

⁹² Гришина Н.В. *Психология конфликта*. СПб., 2000. С. 273, 276.

⁹³ Рубин Дж., Колб Д. Психологический подход к процессам международных переговоров // *Психологический журнал*. 1990. Т. 11. № 2. С. 63—72.

⁹⁴ Sillars A., fVeisberg J. *Conflict as a Social Skill // Interpersonal Processes. New Directions in Communication Research / Ed. By M. Roloff, G. Millar. Sage Publications, 1987. P. 141.*

ГЛАВА 1.

доказательств своей точки зрения. Но поскольку «принимающие волны» различны, ни один из доводов одной стороны не может сам по себе опровергнуть доводы другой. В этом случае стороны работают в разной системе координат, они идут параллельными путями, которые никогда не пересекаются. Поэтому факты сами по себе не могут как-либо повлиять на разрешение конфликта, ибо споры ведутся о том, как следует толковать те или иные из них и как создать наиболее адекватную интерпретацию того или иного этнического события. Следовательно, предъявление обеим сторонам одних и тех же доказательств не уменьшает их несогласие, а увеличивает его. Каждая сторона воспринимает доказательство в поддержку своего предвзятого мнения и укрепляет свои убеждения.

Вообще, люди менее критичны к информации, когда она поддерживает предпочитаемые ими выводы⁹⁵. А после того, как люди соглашаются с той или иной группой, они особенно склонны разрабатывать трактовки, оправдывающие их решения. Здесь нужно отметить важную тенденцию...: «чем сильнее эмоциональная связь индивида и группой и чем сильнее зависимость от группы, тем менее критична оценка личностей и поступков в данной группе»⁹⁶.

Объяснением этого может быть действие особого психологического механизма, который известный американский психолог Г. Саливан называет «механизмом выборочного невнимания». Наше окружение поставляет нам огромное количество разнообразных впечатлений, которые вызывают у нас как положительные, так и отрицательные эмоции. Поэтому не все впечатления воспринимаются нами с одинаковой готовностью. Многим из них приходится сталкиваться со своеобразными психологическими когнитивными барьерами. Некоторые внешние сигналы имеют очень мало шансов пробиться сквозь барьеры, воздвигаемые нашим сознанием. И уж во всяком слу-

⁹⁵ Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1999.

⁹⁶ Савченко Л.А. Социология повседневности. Ростов-н/Д., 2000. С. 110.

ГЛАВА I.

чае, все впечатления, усваиваемые нами, проходят цензуру нашего сознания и включаются в наш внутренний мир в препарированном и прокомментированном виде. Как в медицине считается, что любой конкретный орган тела приспособлен для выполнения какой-либо функции, так ученые — бихевиористы выдвигают предположение, что образ наших мыслей и поведение играют адаптивную роль⁹⁷.

Лауреат Нобелевской премии психолог Герберт Саймон утверждал — для того, чтобы справиться с действительностью, мы упрощаем ее. Часто ошибки оказываются побочным продуктом психического метода кратчайшего расстояния, которое упрощает полученную нами сложную информацию. «Каков ваш образ мысли, таков и способ поиска — писал Роберт Браунинг, — вы найдете то, что хотите».

Люди являются когнитивными консерваторами, поскольку не хотят менять свои мысли об объектах своего мира и оценки этих объектов. Несмотря на стремление к объективности, при сборе информации люди склонны подтасовывать ее таким образом, чтобы она подтверждала их мнения или рабочие гипотезы о данном объекте⁹⁸. Многочисленные исследования показывают, что самыми негибкими являются установки людей, которые активно участвуют в работе групп, защищающих какую-либо позицию⁹⁹. Участники склонны воспринимать как безусловно верные те данные, которые подтверждают правильность их позиции, и, напротив, оспаривают данные, не согласующиеся с ней¹⁰⁰. Вообще радикалы справа и слева более склонны делить людей на наших и не наших¹⁰¹.

⁹⁷ Triandis H. *Culture and social behavior*, 1984.

⁹⁸ Snyder, M. and Swann, W. B. Jr. (1978). Hypothesis-testing processes in social interaction. *Journal of Personality and Social Psychology*, 36, 1202—1212.

⁹⁹ Sherif, M. and Hovland C. I. (1961). *Social judgement: Assimilation and contrast effects in communication and attitude change*. New Haven, CT. Yale University Press.

¹⁰⁰ Lord, C. G., Ross, L. and Lepper, M. R. (1979). Biased assimilation and attitude polarization: the effects of prior theories on subsequently considered evidence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 37, 2098—2109.

¹⁰¹ См. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 193—194.

— ГЛАВА 1.

Дж. Пиаже в своей «теории схем» утверждает, что можно изменять ранее определенные схемы сенсорного входа в зависимости от характера ситуации, что и обуславливает изменение личной схемы ряда психических состояний. Схема ожидания успеха или неудачи может влиять на подход к ситуации, ее оценку. Практически о том же самом говорит теория личностного конструкта Дж. Келли — люди становятся психологически восприимчивы в той мере, в какой они ожидают события, т.е. ожидания ограничивают восприятие узкого диапазона сенсорных данных. Предположения о событиях, их толкование существуют в пределах ожидания.

Мы с удивительной легкостью формируем и придерживаемся ложных убеждений. Ведомые своим предвзятым отношением, самонадеянностью, доверчивостью к анекдотичной информации, усматривая взаимосвязь и контроль там, где их нет, мы создаем свои социальные убеждения и затем воздействуем на других, чтобы их подтвердить. Как выразился Роберт Эйбелсон «мы очень хорошо научились и очень хорошо находим причину того, что делаем, но не очень хорошо делаем то, чему находим причины»¹⁰².

Поэтому принцип «чистого листа» неверен в своей основе. «Историю можно переписать, исказить, восстановить, но ее нельзя изменить. Нельзя переделать прошлое. Только дикость и варварство не уважают прошлого — говорил Пушкин»¹⁰³. Не надо делать вид, что ничего не произошло, что можно повернуть время вспять. Этого не удавалось еще никому. «Все было бы очень просто, если бы коротким «нет» мы могли похоронить прошлое. Но прошлое по своей природе возвращается. Если его отгонять, оно вернется. Единственный способ справиться с ним — не выгонять его, считаться с ним, не уклоняться от него. С прошлым нельзя бороться врукопашную. Прошлое побеждают, поглощая»¹⁰⁴.

После конфликта ситуация радикально меняется. «Конфликт — изменение структуры принятого взаимодействия, это

¹⁰²Abelson, K P. and Prentice D. A. (1989). Beliefs as possessions: A functional perspective. In A. R. Pratkanis, S. J. Brecker, and A. G. Greenwald (Eds.), *Attitude structure and function* (pp. 361—381). Hillsdale, NJ. Erlbaum.

¹⁰³Былых Е.И. О роли духовной культуры в жизни современного общества. Орел, 1993. С. 32.

¹⁰⁴Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.

— ГЛАВА 1.

разрыв здесь-и-сейчас сложившихся отношений со всеми присущими им правилами и взаимными обязательствами»¹⁰⁵. «Противоборство сил разобщает их, проводит зримую черту между сторонниками соперников, разрушает прежние структурные образования и стимулирует возникновение новых»¹⁰⁶.

Какими бы ни были многочисленные заявления «о дружбе и сотрудничестве навеки» в постконфликтный период, в отношении сторон неизбежно появляется некоторая холодность и отчуждение, сопровождаемые повышенной эмоциональностью и возбудимостью, а также «эффектом взаимного заражения». Социальные соперники будут рассматривать друг друга как потенциальных врагов, пусть не сейчас, а в отдаленном будущем, но все-таки ненадежных и опасных социальных партнеров со всеми вытекающими отсюда последствиями. Образуется смесь страха и подозрительности, о которой еще в 1907 г. писал французский исследователь А. Сигфридр.

Старые обиды закрепляются, аккумулируются в памяти и вызывают негативные эмоции. «Если же опыт прежних отношений участников конфликта не просто неудовлетворителен, но и привел к накоплению между ними ряда нерешенных проблем и негативных эмоций, взаимных обид, претензий и т.д., то возникновение новых разногласий актуализирует этот негативный опыт». (Н.В. Гришина). При первых же возникающих трудностях груз старых обид и проблем сразу «вытаскивается» для нового использования.

Причем процесс этот очень быстрый. Все прошлые сложности используются для подтверждения того факта, что «они — плохие»: «Смотрите, они плохо поступали раньше, плохо поступают сейчас, значит, в будущем будут вести себя еще хуже». На основе рассмотренных механизмов формирования и поддержания ксенофобии можно условно выделить три ее основных формы: религиозную, этническую и межцивилизационную, которые в реальной социальной жизни тесно переплетены и взаимообусловлены. Они и станут предметом рассмотрения на примере современного Юга России.

¹⁰⁵Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2000. С. 384, 394.

¹⁰⁶Зеркин Д.П. Основы конфликтологии. Ростов-н/Д., 1998. С. 66.

ГЛАВА 2. РЕЛИГИОЗНАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ НА ЮГЕ РОССИИ

С середины I тысячелетия н.э. современная территория Юга России является контактной зоной мировых религий: западной и восточной ветвей христианства, ислама, а также иудаизма, язычества, многочисленных религиозных сект.

Особенность современной конфессиональной ситуации состоит в том, что абсолютно доминирующей религией на Юге России является православие, но в большинстве республик (кроме Адыгеи и Северной Осетии) численность верующих-православных уступает и порой значительно числу мусульман (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечня) или будистов-ламаистов (Калмыкия), что отражает этнодемографическую структуру населения южных субъектов Российской Федерации.

Православие исповедуют славяне: русские, украинцы, белорусы (включая субэтнос казачество); греки, большая часть осетин и моздокские кабардинцы. На территории Юга России действуют 8 епархий: Ростовская и Новочеркасская, Екатеринодарская и Кубанская, Майкопская и Адыгеи, Ставропольская и Владикавказская (приходы Ставрополя и республик Северного Кавказа, исключая Адыгею), Астраханская, Калмыцкая, Бакинская и Прикаспийская (приходы Дагестана), Волгоградская¹.

Юг России — колыбель христианства в нашей стране. По церковному преданию истоки христианства на Кавказе связаны с проповедью апостолов Андрея Первозванного и Симона Кононита в начале I в. н.э.

Бесспорные исторические данные фиксируют распространение христианства в Приазовье, Причерноморье и Прикас-

¹ Православие в исторических судьбах Юга России // Южнороссийское обозрение ЦСРИП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 16. Ростов-н/Д., 2003. С. 5.

ГЛАВА 2.

пии с IV в. н.э.² Расцвет христианства в IV—VI вв. н.э. был связан с активностью на Кавказе Византийской империи и особенно императора Юстиниана, а также Грузии и Армении. Христианство, несмотря на византийско-арабские и арабо-хазарские войны успешно распространялось вплоть до XII в. Оно оставило заметный след в мифологии кавказских народов, бытовой культуре, обрядах, отразилось в архитектуре, повлияло на языческое мировоззрение местных народов, но не вытеснило его.

В результате нашествий Арабского халифата, татаро-монголов, а затем шахского Ирана и Османской империи, набегов Крымского ханства конфессиональная ситуация в регионе меняется. Православие на Юге России было насильственно вытеснено из большинства этнических групп Северного Кавказа исламом. Тем не менее, вплоть до XVIII—XIX вв. элементы христианства сохранялись почти у всех народов Северного Кавказа: поклонение кресту, почитание некоторых христианских святых, отмечание христианских праздников и др.³

Новое распространение Православия в регионе связано с присоединением его к России в XVI -XIX вв. Присоединение развивалось в различных формах: мирных и насильственных, последние вылились в Кавказскую войну (1818—1864 гг.), которая воспринималась частью современников как борьба креста и полумесяца, христианства и ислама. В то же время русская православная церковь никогда не занималась насильственной христианизацией горцев, поэтому устойчивые стереотипы христианофобии на Северном Кавказе не сложились.

В годы советской власти Православие, как и другие конфессии, и даже в большей степени подвергалось гонениям и репрессиям.

С 90-х гг. идет процесс возрождения Православия на Юге России: неуклонно растет число приходов и прихожан РПЦ МП,

² Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.

³ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М. — Пятигорск, 1992. С. 63—72

ГЛАВА 2.

восстановлена система православного регионального духовного образования. Во всех субъектах РФ на Юге православные епархии имеют конструктивные отношения с органами государственной власти, славянскими общественными организациями. Епархиальные архиереи поддерживают толерантные отношения с муфтиями Духовных управлений мусульман (ДУМ), выступают с совместными заявлениями, осуждающими экстремизм, терроризм, попытки разжечь межнациональные и межконфессиональные противоречия⁴.

Христианофобия практически отсутствует на Юге России. Даже в открытых конфликтах (Чечня, Пригородный район Северной Осетии) нет проявления межрелигиозной ненависти: жертвами экстремистов и террористов в равной степени были православные священники и мусульманские шейхи. Более того, во всех национальных республиках мусульмане жертвуют средства на восстановление православных храмов, посещают их во время важнейших христианских праздников.

Конфликтные ситуации вокруг Православия возникают в связи с проблемами собственности: возвращение РПЦ церковных сооружений музеями, туристическими фирмами, другими светскими учреждениями. Иногда таким конфликтам в СМИ приписывают этноконфессиональную основу, хотя реальные причины ограничены сугубо меркантильными интересами. Об этом свидетельствует то, что попытки отдельных лидеров радикальных националистов использовать подобные ситуации (напр., в Адыгее) остались безрезультатными. Некоторая напряженность на бытовом уровне возникает при информационно необеспеченных инициативах строительства православных храмов в «исламских зонах» или мечетей в «христианских», но она не может быть квалифицирована как христианофобия.

Та же участь постигла попытку некоторых «либеральных» деятелей и СМИ разжечь христианофобию, используя

⁴См. напр.: Ансимов ЮН., Алтунин ВН. Антитеррористическая деятельность: опыт организации, правовая основа. Майкоп, 2003. С. 3; Коков В.М. Ислам: гуманистические традиции // Научная мысль Кавказа. 2000. № 1. С. 40

ГЛАВА 2.

попытку введения в школах по инициативе РАН и Минобразования светского факультативного курса «Основы православной культуры», подрывающего питательную среду для разгула аморализма. Истерика по этому поводу, тем не менее, вызвала обеспокоенность части мусульман придуманной угрозой начала христианизации школьников в традиционно мусульманских районах. Все это свидетельствует об определенной настороженности, опасениях, хотя и безосновательных, по поводу возможной при поддержке государства христианизации национальных республик.

90-е гг. XX в. ознаменовались бурным распространением на Юге России нетрадиционных конфессий: различных ветвей протестантизма (особенно «свидетелей Иеговы»), псевдорелигиозных, в том числе тоталитарных сект и организаций (Церковь Муна, кришнаиты, группа Виссариона, сатанистов и др.). В условиях конфликтного региона низкой религиозной культуры населения бурная деятельность нетрадиционных конфессий и сект является причиной распространения псевдорелигиозного фанатизма, экстремизма и объективно является дестабилизирующим фактором независимо от декларируемых целей. Поэтому мы не разделяем вывод авторов независимого экспертного доклада под редакцией В.А. Тишкова, что «Закон о свободе совести» Российской Федерации 1997 г. «фактически дискриминировал «нетрадиционные религии» и прямо или косвенно способствовал росту в религиозной среде конфронтационных настроений»⁵. На наш взгляд, излишний либерализм религиозного законодательства России, не учитывающий особенностей современной религиозной ситуации в стране, создает условия для негативного манипулирования религиозным фактором со стороны различного рода зарубежных авантюристов и спецслужб, отечественных экстремистов, более объективен вывод авторов, подтверждаемый и нашими исследованиями, что «деятельность некоторых из этих сект губительно сказывается не только на религиозном сознании, но и на социальном

⁵ Пути мира на Северном Кавказе. Под ред. В. А. Тишкова. М., 1999. С. 54.

ГЛАВА 2.

порядке»⁶. Позиция традиционных конфессий, основной **массы** населения, в этом вопросе определяется не ксенофобией, а реалистичным восприятием межконфессиональной и этнополитической ситуации на Юге России.

Из фобий на Юге России на религиозной почве наибольшую опасность для национальной и региональной безопасности представляет исламофобия.

Непринятие «людьми Писания» (христиане и иудеи) ислама, как последней мировой монотеистической религии, восходит к мединскому периоду (с 622 г.) получения Мухаммедом божественных откровений, поскольку именно тогда проживавшие в Медине иудейские племена (бану кайнука, бану курайза и бану надир) поставили под сомнение его пророческую миссию. В свою очередь, полемику между христианами и мусульманами в VIII в. открыл знаменитый св. Иоанн Дамаскин (умер ок. 787 г.)⁷. В трактате «О ста ересьях вкратце», представляющим собой каталог ересей «откуда они начались и от чего произошли»⁸, ислам им был помещен в разряд ересей, происшедших от христианства. Трактровка ислама, данная Дамаскиным, надолго определила отношение христианских полемистов (как православных, так и католических): «Есть еще и донныне имеющая силу, вводя народ в заблуждение, религия измаилитов, **предтеча антихристовая**»⁹. Далее Дамаскин отмечает, что предки последователей новой «ереси», до времен императора Ираклия (ум. в 641 г.), «явно служили идолам; от того же времени и доселе у них появился **лжепророк**, называемый Мамедом (Магометом). Тот, познакомившись с Ветхим и Новым Заветом,

⁶Повышение открытости общества и динамика толерантности: проблема формирования толерантного сознания в полиэтнической социальной среде. Ростов-н/Д. — Майкоп, 2003. С. 147

⁷Скорика А. П., отец Андрей (Немыкин). Православие и ислам: диалог культур и эстафета ценностей // Православие в исторических судьбах Юга России. Сборник научных статей «Южнороссийское обозрение. Под ред. В. В. Черноуса. Ростов-н/Д., 2003. № 16. С. 165.

⁸Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. М., 2002. С. 123.

⁹Там же. С. 150.

ГЛАВА 4.

а, также пообщавшись с арианским будто бы монахом, составил собственную ересь»¹⁰.

Аналогичное восприятие ислама демонстрирует в конце VIII в. арабоязычный епископ Феодор Абу-Курра. Считая себя идейным преемником св. Иоанна Дамаскина, Феодор Абу-Курра также отрицательно относился к личности Мухаммеда и его учения: для него он — лжепророк-арианин, находящийся во власти беса".

Что касается России, то история ислама на ее территории столь же древняя, как и христианства. В период правления Киевского князя Владимира I Святославича (980—1015 гг.) мусульманство уже утвердилось в землях ближайшего геополитического соседа Руси — Волжской Булгарии¹². Тесные военно-политические и экономические контакты с булгарами, наличие общего врага в лице иудейской Хазарии — все это знакомило население Киевской Руси с мусульманской верой, ее принципами, изложенными в Коране и Сунне, ее обрядами, повседневным бытом мусульман. И, хотя позже на Руси восторжествовало христианство, воздействие исламского мира на русскую цивилизацию и культуру не ослабевало никогда.

Знакомство с исламом отразилось и в древнейших письменных памятниках Руси, в частности, в так называемом «Сказании о выборе веры», вошедшем в авторитетнейший из сохранившихся письменных источников — свод «Повесть временных лет». По свидетельству «Повести», примерно в 986 году булгары прислали в Киев посольство с целью обращения язычника Владимира в новую веру. Однако это посольство успеха не имело, так как принятие ислама предполагало обрезание, отказ от свинины и винопития (только многоженство вызвало одобрение князя, который, судя по житийному сказанию, до

¹⁰ Там же.

¹¹ Скорик А.П., отец Андрей (Немыкин). Указ соч. С. 167.

¹² См. напр. работы по Волжско-Камской Булгарии: Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984; Хаяикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X—начала XIII вв. Казань, 1986.

ГЛАВА 2.

своего крещения был весьма женолюбив¹³), на что князь не согласился. Как известно, после болгарских послов князя Владимира посетили немецкие и иудейские послы, вслед за которыми прибыл некий греческий «философ», достаточно пространно изложивший ему христианское учение и пересказавший ряд сюжетов Ветхого и Нового завета. Речь православного миссионера князю понравилась, и он его, щедро одарив, отпустил¹⁴. Но начал «философ» с «хуления» чужих вер, и особенно поразительна его оценка мусульман, которая в переводе с древнерусского звучит так: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день их гибели их, когда придет Бог судить народы и погубят всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, вливают эти отходы в рот, мажут ими по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну». Услышав об этом, Владимир плюнул [сблевал] на землю и сказал: «Нечистое это дело» [2, стлб. 106. (л. 36 об.)].

Когда же русские послы, выполняя волю князя Владимира: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их», вернулись в Киев, то рассказали буквально следующее: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их» [2, стлб. 108 (л. 37)].

Таким образом, известия «Сказания о выборе веры» показывают, что первичное внешнее знакомство русских с обрядовой стороной ислама было поверхностным и негативным, вызвало у них известную неприязнь к этой религии. В последую-

¹³ Жития святых, избранные по Святых Отцов и духовников русских обителей, чтимые в различных жизненных обстоятельствах. М., 2002. С. 308.

¹⁴ Все ссылки на «Повесть временных дел» даются по изданию: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. (После номера столбца в скобках дан лист оригинала Лаврентьевской летописи).

ГЛАВА 2.

щем мусульман (*басурман*) русские авторы именовали не иначе как «безбожными», «нечестивыми» и «погаными». Так, даже еще до полной исламизации Орды летописец будет клясть «басурман» и писать: «Избави от лютого томления басурманского» [2, стлб. 476 (л. 167 об.)].

Так изначально формировались взаимоотношения ставшего с 988 г. православным населения Руси и соседнего с ним мира ислама. Обе стороны, вероятно, своим непониманием друг друга внесли лепту в создание негативного образа ислама. Очевидно и то, что русская летописная традиция, раз возникнув, продолжала воспроизводиться, причем все новые внешние враги (половцы, татаро-монголы, турки и т.д.) ассоциировались с миром ислама, его агрессивной воинственностью, что, безусловно, усиливало исламофобские тенденции среди русских. Только начавшийся с середины XVI в. процесс вхождения в состав русского государства новых территорий с преимущественно мусульманским населением, а также постепенного обмирщения русской культуры, одновременно с более глубоким проникновением в духовный мир мусульман, позволили в XIX в. изменить образ мусульманина в глазах, в основном православного, населения России. В конце XIX — начале XX вв., благодаря, прежде всего, просветительской деятельности мусульманского реформатора Исмаил-бея Гаспринского постепенно складывается феномен «российского ислама». Однако в период после революции 1917 г. и в советский период по «российскому исламу», как и по другим традиционным религиям в нашей стране, был нанесен мощный удар, заблокировавший дальнейший ход их естественного развития.

В последние годы «перестройки» и особенно в постсоветский период, ознаменовавшийся религиозным, в том числе и исламским, возрождением, политизация ислама и экстремистские проявления воинствующего исламизма предстали в общественном сознании, международной публицистике, а иногда даже в трудах ученых, именно как сущностная черта собственно ислама, радикализм которого якобы обусловлен его эндогенными свойствами. В нашей стране, особенно с началом во-

ГЛАВА 2.

енных действий в Чечне, ислам в массовом сознании стал ассоциироваться с угрозами и вызовами российской государственности, с радикализмом, экстремизмом и даже с терроризмом. Подобные домыслы и страхи выливаются в разгул бытового национализма, в ислам и ксенофобию, что проявляется в многочисленных публикациях и измышлениях на исламскую тематику.

Однако следует подчеркнуть, что «основным поставщиком и главным распространителем терроризма» является не собственно авторитетная мировая монотеистическая религия Ислам, а «радикальный ислам»¹⁵ (другие названия — исламский радикализм, или исламизм). «Исламский радикализм», как идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика, реализуется в деятельности различного рода исламистских организаций, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение¹⁶. Это движение выступает частью более широкой тенденции реисламизации общества и политизации ислама, фиксируемой в последние десятилетия во многих регионах мира, в том числе и в России. Иначе говоря, исламизм проявляется как крайняя, агрессивная часть политизированного ислама. В свою очередь «исламский экстремизм» и «исламский терроризм» понимаются нами как частные, наиболее негативные проявления радикализма. Разумеется, «исламский радикализм», тем более в его крайних формах, не может отождествляться с Исламом вообще.

Одновременно подчеркнем, что основными неизменными атрибутами и качествами «исламского радикализма» выступают особым образом интерпретируемые общеисламские понятия *«такфир»* (обвинение в неверии) и *«джихад»* (священная война за веру), практика осуществления которых в современном мире и порождает исламофобию. В этой связи рассмот-

¹⁵ Сиван Э. Радикальный ислам: причины и последствия террористического насилия // *Internationale Politik*. 1997. № 8. С. 1.

¹⁶ Об исламском радикализме см. подробнее: Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. Ростов-н/Д, 2000; Он же. Политические институты исламского мира: идеология и практика. Ростов н/Д, 2001; Он же. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Д, 2003.

ГЛАВА 4.

рим, какой же смысл вкладывается в исламе и исламизме в эти термины.

Согласно разработкам мусульманских теоретиков, касающихся некоторых аспектов теории *джихада*¹⁷, весь мир разделен на «область ислама» (*дар-ал-ислам*) и «область войны» (*дар-ал-харб*). К первой относятся страны, находящиеся под властью мусульман, ко второй — «неверных» правителей. «Область ислама» теоретически всегда должна находиться в состоянии вечной войны с «дар-ал-харб». В исключительных случаях ислам допускает временное перемирие сроком до десяти лет. Кроме этих категорий стран некоторые факихи выделяют еще одну категорию земель — «область мира» (*дар-ал-сульх*). Это такие земли, которые не принадлежат мусульманам и не управляются ими, но их правители считают себя вассалами мусульманских государств и платят за это определенную дань.

В начальный период становления ислама «джихад» понимался, прежде всего, как борьба в защиту и за распространение ислама, как приложение напряженных усилий на пути Аллаха, что означало повсеместное распространение веры в Аллаха, при этом участие в «джихаде» считалось прямым путем достижения рая. При этом представляется уместным сделать

¹⁷ См. о джихаде подробнее: *Агрономов А.И.* Джихад. Священная война мусульман. Казань, 1987; *Арухов З.С.* Концепция джихада в раннем исламе. Дис. ...канд. философ, наук. Махачкала, 1995; *Ахмадуллин В., Мельков С.* Государственно-исламские отношения в России. М., 2000. С.65—84; *Дельмаев Х.В.* Сущность и социальная роль исламской концепции джихада. Дис. ...канд. философ, наук. М., 1987; *Керимов Г.М.* Проблемы войны и мира в исламе // Вопросы научного атеизма. Вып. 31. М., 1983. С. 148—162; *Ротарь И.* Война и мир в исламе. М., 1999; *Сагадеев А.* Джихад // Наука и религия. 1986. № 6. С. 18—20; *Тегин Ю.А.* Идеологическая концепция ассоциации «Братьев-мусульман» как орудия реакции (критический анализ). Дис.—канд. философ, наук. М., 1983; *Peters Rudolf.* Jihad in Mediaeval and Modern Islam. Leiden: E.J.Brill, 1977; *Schwartz W.* Jihad unter Musterheiten. Studien zum Musterheiten problem in Islam. Wiesbaden, 1980; *Ferguson G.* War and Peace in the world's religions. L., 1977; *Watt W.M.* Muhammad at Mecca. L., 1953; *Watt W.M.* Muhammad at Medina. Oxford, 1956; *Khadduri Majid.* The Islamic Concept of Justice. Baltimore, 1984; *Maududi A.* Jihad in Islam. Lahore, 1980; *ал-Алай-аний Али Нафайа.* Ахдаф ал-джихад ва гайатуху. ар-Рийад, 1411; *Вахба Тауфик Али.* Ал-Харб фи-л-ислам ва фи-л-муджтама ал-дували ал-му асыр. ал-Кахира, 1393; *ал-Кадури Мухаммад ибн Абдаллах.* Ал-Джихад фи сабилиллах. — Джидда, б/г; *анг-Тантави Мухаммад.* ас-Сарайа ал-харбийя фи-л-аср ан-набави. — ал-Кахира, б/г.

ГЛАВА 2.

ссылку на суру «Ряды» (аяты 10—12): «О вы, которые уверовали! не указать ли мне вам на торговлю, которая спасет вас от мучительного наказания» (аят 10); «Вы веруете в Аллаха и Его посланника, боретесь на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Это лучше для вас, если вы знаете» (аят 11); «Он простит тогда вам ваши грехи и введет вас в сады, где внизу текут реки, и в жилища благие, в сады вечности. Это — великая прибыль» (аят 12).

Следует подчеркнуть, тем не менее, что даже взгляды самого пророка Мухаммеда на сущность джихада прошли ощутимую эволюцию во времени: в мекканский период, прошедший под лозунгом «нет принуждения в религии»¹⁸, запрещалось входить с «многобожниками» в конфронтацию, а предлагалось склонять их к истинной вере «мудростью и хорошим увещанием»: «Рассеки же, как тебе приказано, и отвернись от многобожников (сура «Ал-Хиджр», аят 94)¹⁹. Язычников следовало склонять к истинной вере путем убеждения: «Зови к пути Господа с мудростью и хорошим увещанием и препирайся с ними тем, что лучше. Поистине, господь твой — Он лучше знает тех, кто сбился с Его дороги, и Он лучше знает идущих прямо» (Сура «Пчель», аят 126). Однако уже в мединский период, когда последовали нападения на мусульман со стороны мекканских многобожников, война была санкционирована: первоначально было разрешено вести с врагами ислама оборонительную войну, затем нападать на неверных, но так, чтобы военные действия не приходились на священные месяцы, а окончательно — нападать на них в любое время и повсюду²⁰.

Другими словами, в период мекканских откровений «джихад» рассматривался скорее как усилие по спасению души, нежели чем борьба за обращение в веру. Более того, в тот период времени не было единой точки зрения в отношении обязательности участия в «джихаде» для членов мусульманской

¹⁸Коран. Сураал-Баккара(Корова), аят 56. Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1986.

¹⁹Коран/ Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М., 1986.

²⁰Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 51.

ГЛАВА 4.

общины. В мединских же сурах Корана война за веру вменяется в обязанность последователей ислама как священная, она возводится в ранг выполнения божественной миссии, подкрепленной авторитетом Аллаха: «Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду. И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха за слабых из мужчин и женщин, и детей, которые говорят: «Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника». Те, которые уверовали, — сражаются на пути Аллаха, а те, которые не веруют, — сражаются на пути тагута. Сражайтесь же с друзьями сатаны; ведь козни сатаны слабы!» «Сражайся же на пути Аллаха! Вменяется это только самому тебе, и побуждай верующих...» (Женщины, аяты 76—78, 86).

Очевидно, что религиозные проповедники, стремящиеся использовать ислам в политических целях, ссылаются на те аяты Корана, в которых прямо говорится, что выполнение только религиозных обрядовых предписаний недостаточно для того, чтобы попасть в рай. И тот, кто верует в Аллаха, совершает намазы, платит искупительную милостыню, держит пост в месяц рамазан, совершает хадж, но воздерживается от войны с неверными, боится вооруженного сражения, рассматривается как человек, предпочитающий земную жизнь загробному раю. А такое поведение недостойно мусульманина. Поэтому Коран дает сильные средства воздействия на сознание правоверного. Тем мусульманам, которые не хотят вступать в борьбу за веру, авторы Корана и Сунны угрожают такими же мучительными наказаниями, как и неверным и отступникам от ислама. Уклоняющихся от битвы священное писание грозит превратить в немусульман: «Если вы не выступите, накажет вас Аллах мучительным наказанием и заменит вас другим народом...» (Покаяние, аят 39).

Если первые мусульмане объявили джихад против арабских многобожников, а затем против отступников от ислама

ГЛАВА 2.

и «лицемеров», то после смерти Мухаммеда подобные войны за веру велись против соседних стран и народов и в отдельных исторических условиях приобретали исключительное значение в мире ислама как выполнение мусульманами священной «небесной» миссии.

В дальнейшем в ходе развития концепции джихада типология этого явления с точки зрения объекта вооруженного нападения стала включать шесть разновидностей: джихад против врагов Аллаха (т.е. тех, кто угрожает существованию исламской уммы, тех, кто преследует мусульман, а также против язычников); джихад против тех, кто покушается на неприкосновенность границ «дар-аль-ислам»; джихад против вероотступников («мунафикун»); джихад против притеснителя («аль-баги»); джихад против разбойников; джихад против монотеистов — немусульман, оказывающихся платить «джизию»²¹.

Однако вплоть до сегодняшнего дня в силу определенной разобщенности исламского движения на различные направления, идейные течения и толки (мазхабы) общепризнанной классической доктрины «джихада» так и не создано, таковой просто не существует²², как не существует и единого для всех мусульман правоверия. Сказанное объясняется тем, что ислам как идеологическая система исторически формировался и продолжает функционировать в борьбе идей и мнений, находится в состоянии поисков дальнейшего пути развития. В каждой стране имеются разные группы, которые предлагают свой путь и выступают за решение возникающих проблем на базе предлагаемых ими концепций. Однако с достаточной степенью уверенности можно утверждать, что единого для всех исламских стран, всех мусульман, единого правоверия, как и единого исламского пути, все же, не существует, а в центре общественного внимания оказываются различные, нередко противоречащий друг другу модели. Сказанное целиком и полностью относится и к исламской концепции «джихада»: в исламе не существует

²¹ Ислам. Энциклопедический словарь. С. 67.

²² См., например: Жданов Н.В. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. С. 77.

ГЛАВА 5.

такой инстанции, которая могла бы поставить точку в споре относительно того каким образом следует трактовать и осуществлять священную войну за веру.

На протяжении всей истории существования ислама концепция «джихада» выполняла зачастую противоречивые функции, была в основе внутренней и внешней политики различных субъектов политического процесса. В понятие «джихада» вкладывался и до сих пор вкладывается самый различный, зачастую противоречащий друг другу, смысл: это и борьба за сбор урожая, борьба с неграмотностью, борьба нового со старым, «джихад» рассматривался и как классовая борьба²³.

Под термином «джихад» в мусульманском «правоверии» (всеми признанного мусульманского «правоверия» реально не существует — И.Д.) понимается борьба за веру, которая ведется в следующих основных формах: «джихад сердца» — борьба с собственными дурными наклонностями; «джихад языка» — «повеление достойного одобрения и запрещение достойного порицания»; «джихад руки» — принятие соответствующих мер наказания в отношении преступников и нарушителей норм нравственности; «джихад меча» — вооруженная борьба с неверными, павшему в которой уготовано вечное блаженство в раю²⁴.

Однако следует подчеркнуть, что «в европейском общественном сознании за джихадом закрепилось, в первую очередь, представление как о «джихаде меча», тогда как, согласно Корану и сунне, это понятие является многозначным»²⁵. Подтверждением сказанному выступает, в частности, то, что в ортодок-

²³ Жданов Н.В. Указ соч. С. 79.

²⁴ Имеются и другие классификации джихада. Например: «джихад ан-нафс» (борьба за духовное самоусовершенствование), «джихад аш-шайтан» (противоборство с дьяволом), «джихад ал-куффар» (борьба с неверными) и «джихад ал-мунафикин» (борьба с лицемерами). См.: *ал-Джаузи Ибн ал-Дин Мухаммад ибн Бакр. Заад ал-ми ад фи хадйа хайр ал-ибад*. Бейрут, 1412/1991; *Мухаммад ибн Джамил Зину. Исламская Акида (вероучение, убеждение, воззрение) по священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммеда*. Баку, 1997. С. 54.

²⁵ Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. М., 2003. С. 41.

ГЛАВА 2.

сальном исламе институт «джихада» не входит в число пяти «столпов» веры («аш-шахада» — исповедание веры; «ас-сала» — молитва; «ас-саум» — пост; «аз-закят» — налог в пользу бедных; «ал-хаджж» — паломничество).

В различных идейных течениях ислама (традиционализм, модернизм, фундаментализм) понятие джихад также воспринимается по-разному.

В традиционном исламе джихад понимается в большей степени как усилие над собой, а не насилие над другими, а «малый джихад» («джихад в форме меча») — как оборонительная война, направленная против притеснения мусульман. Неотрадиционалистами (современными традиционалистами — И.Д.) в отношении одного из главных предписаний ислама — ведение джихада проповедуется принцип: «В религии нет принуждения»²⁶. В этой связи, хотя ведение «священной войны» (джихада) признается долгом мусульманина, исходя из представлений о том, что человечество делится на праведных — мусульман и неправедных — иноверцев, подлежащих обращению любыми путями, не исключая и насильственный²⁷, тем не менее, джихад в традиционном исламе, в отличие от фундаментализма, рассматривается в большей степени как усилие над собой, а не насилие над другими, а «малый джихад» («джихад в форме меча») — как оборонительная война, направленная против притеснения мусульман. Хотя в условиях серьезных социальных потрясений позиции традиционалистов в отношении джихада могут смыкаться с воззрениями фундаменталистов²⁸.

В противоположность традиционалистам и особенно фундаменталистам, реформаторы (модернисты) утверждают, что ислам — религия универсального гуманизма (*инсания*), проповедующая общечеловеческое братство. *Инсания* модер-

²⁶ Коран. Сура ал-Баккара (Корова), аят 56.

²⁷ Степаняц М. Т. Реформаторство как антитеза традиционности // Бог — человек — общество в традиционных культурах Востока / Отв. ред. М.Т. Степаняц. М., 1993. С. 222.

²⁸ См. об этом: Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону, 2003. С. 52.

ГЛАВА 5.

нистами противопоставляется национализму как идеологии, разделяющей человечество. Исходя из таких мировоззренческих установок, реформаторы настаивают на том, что религиозная терпимость представляет собой основополагающий принцип ислама²⁹. Отсюда, например, «джихад» толкуется либо как исключительно оборонительная война, либо как «битва» за экономическое процветание, либо как борьба за духовное обновление. Так, например, современный мусульманский реформатор Фазлур Рахман даже настаивает на необходимости «интеллектуального джихада»: «Священная война» такого рода должна быть направлена на изменение правил прошлого в соответствии с новой обстановкой (при условии, что эти изменения не нарушают общих традиционных принципов и ценностей) и одновременно на изменение современной ситуации там, где это требуется, чтобы привести ее в соответствие с этими общими принципами и ценностями»³⁰.

В свою очередь, фундаменталисты рассматривают джихад, прежде всего, как вооруженную борьбу. Данное обстоятельство, по нашему мнению, объясняется теми целями и задачами, которые ставит перед собой фундаментализм как идейное течение. Если традиционалисты выступают за сохранение той версии ислама, которая сложилась на определенной территории именно сегодня, а модернисты отстаивают эволюционный путь его развития, то фундаменталистские «революционеры» требуют возвращения к прошлому, в так называемый «золотой век» (VII в.) ислама. Разумеется, добровольный ценностно-мировоззренческий исход современных людей в ранее средневековые вряд ли возможен, поэтому умеренными фундаменталистами не исключается, а их радикально настроенными единомышленниками предполагается, применение насилия в той или иной форме.

²⁹ См.: *Shepard W The Faith of a Modern Muslim Intellectual. The Religious Aspects and Implications of the Writings of Ahmad Amin. Delhi, 1982.P. 132.*

³⁰ *Rahman F. Islam and Modernity. — Chicago, London, 1982. — P. 7.*

ГЛАВА 2.

На вооруженный характер «джихада» особенно последовательно делают акцент исламские радикалы (исламисты)³¹, которые считают, что единственно возможным ответом мусульманского мира нынешним режимам в странах распространения ислама, при которых там господствуют западные идеалы, может быть только священная война (джихад) в ее силовом понимании. Исламские радикалы фактически считают «джихад» шестым «столпом» веры. Именно такое понимание «джихада», как и расширительное толкование термина «такфир» (обвинение в неверии) отличает исламистов от собственно правоверных мусульман. При этом умеренные исламисты делают упор на оборонительный характер джихада, а ультра-радикалы — исключительно на наступательный аспект «священной войны».

«На языке Шариата, — пишет наиболее авторитетный в исламском мире современный теоретик и практик умеренно-радикального крыла пакистанец аль-Мауцуди, — слово «джихад» употребляется для войны, которая ведется во имя Аллаха против тех, кто является врагом Ислама. ...Если Исламское государство подвергается атаке со стороны немусульман, в этом случае каждый должен выступить на стороне джихада. В случае нехватки сил для сопротивления, соседние мусульманские государства должны помочь, в этом заключается их религиозный долг. Если же они потерпят неудачу, тогда мусульмане всего мира должны бороться против общего врага. Джихад является такой же обязанностью мусульманина, как и ежедневная молитва и пост. Тот, кто уклоняется от этого, является грешником»³². Однако этот же автор всегда последовательно выступал против построения исламского государства силовым путем. В одной из своих лекций, обращаясь к молодежной аудитории, в целях достижения стоящих перед исламским обществом задач, он не рекомендовал осуществлять свою деятельность по типу подпольных группировок и призывал исключить применение насилия и оружия для изменения существующего

³¹ См. об этом: *Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов н/Дону, 2003.*

³² *Аль-Мауцуди. Основы ислама. М., 1993. С. 100—101.*

ГЛАВА 2.

строя. Более того, насильственный метод характеризуется им как поспешный и малоперспективный, хотя он, казалось бы, и подразумевает достижение цели кратчайшим путем. По его мнению, наиболее приемлемое решение для мусульманской общины и каждого, кто занимается распространением исламского призыва— это проведение мирного и верного в своей конечной цели переворота посредством открытой и самой широкой пропаганды, обращенной к умам и сердцам людей³³.

Современный турецкий автор Харун Яхья под джихадом «в полном смысле слова» видит «любого рода идейную борьбу с антирелигиозными, атеистическими, богопротивными учениями»³⁴. Наряду с вышеуказанными значениями джихада он же под этим термином понимает также и реальную войну, которая «согласно повелениям Корана может быть только оборонительной и вестись при строгом соблюдении моральных принципов Ислама. Использование же понятия «джихад» применительно к любым формам насилия, направленным против ни в чем не повинных людей, то есть для описания террора, является величайшей несправедливостью и искажением истины»³⁵.

«Джихад в исламе, пишет современный египетский исламский теоретик умеренного направления аль-Ашмави, полностью определяется хадисом Пророка, обратившегося к верующим после битвы при Бадре, в которой они одержали победу: «Мы вернулись с Малого джихада — к Великому джихаду». И война против врагов, в которой подвергается риску жизнь и имущество, это — меньший, малый джихад с точки зрения правильного (ортодоксального — И.Д.) ислама. Что же касается настоящего Великого джихада, то это сопротивление души испытаниям, преодоление человеком порицаемых свойств характера и поведения, содействие тому, чтобы нрав [человеческий] возвышался, приучение собственного духа к щедрости»³⁶.

"Аль-Маудуди. Ислам сегодня. М., 1992. С. 26—27.

Йенам прокликает террор. Астана. 2002. С. 36.

"Там же. Указ. соч. С. 36.

³⁶ *Мухаммад Сайд аль-Ашмави. Джихад в исламе // Аль-ислам ас-сийаси (Политический ислам). 3-е изд. Каир, 1992. С. 116.*

ГЛАВА 2.

Однако достоверность приведенного аль-Ашмави хадиса ставится под сомнение не только мусульманскими теологами, но и большинством зарубежных и российских ученых-востоковедов в силу сомнительности его происхождения и противоречия с другими признанными хадисами пророка³⁷.

Ультра-радикалами этот хадис и вовсе игнорируется. Они не только не приемлют деление джихада на «большой» и «малый», но и категорически отрицают его оборонительный характер. Наиболее авторитетный теоретик этого крыла радикалов египтянин Сейид Кутб категорически выступал против оборонительного характера джихада: «... Если мы неизбежно должны назвать движение Джихада в Исламе оборонительным движением, то мы непременно должны изменить смысл слова «оборона» и понимать под ним «защита человека»... Ислам, устремляясь к миру, не имеет в виду тот дешевый мир, суть которого сводится лишь к тому, чтобы обезопасить территорию, на которой проживает население, воспринявшее исламское вероучение. Ислам желает такого мира, под сенью которого вся религия полностью бы принадлежала Аллаху, то есть, чтобы люди, все люди под сенью этого мира поклонялись только Аллаху... »³⁸. Правда, он же допускает возможность разделения джихада на военную и невоенную составляющие, подчиняя вторую первой: «Прежде чем вступить в битву на пути Джихада, мусульманин обязан иметь опыт еще более крупного боя с шайтаном на пути Джихада внутри себя, где он дал отпор сатанинским вождениям и желаниям, прихотям и страстям, опыт сражения с собственными корыстными интересами своего рода и племени; опыт боя против всякого символа, который не является символом Ислама; опыт боя против всякого мотива к действию, исключая поклонение Аллаху; опыт боя за установление власти Аллаха на земле и ликвидацию власти тиранов — тагутов, узурпировавших власть Аллаха³⁹. То есть

³⁷ *Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Россия и мусульманский мир. М., 2000. № 12. С. 99.*

³⁸ *Кутб С. Вехи на пути Аллаха. С. 245—246.*

³⁹ *Там же. С. 256—257.*

ГЛАВА 5.

здесь речь идет о необходимости первоначального сплочения собственных рядов, а уже затем борьбы с миром «неверных».

С. Кутб, вслед за аль-Маудуди, радикально ревизовал понятие джахилии, или канувшей в прошлое эпохи доисламского невежества и варварства, перенеся характеристики джахилии с прошлого на настоящее. Он также основательно пересмотрел понятие джихада, переведя его из плоскости личного духовного усилия верующего на пути познания Аллаха на уровень вооруженной борьбы с неверными, а более всего — со всеми инакомыслящими мусульманами. И, наконец, С. Кутб разработал концепцию «обвинения в неверии и ухода от мира» (*«ат-такфир валь-хиджра»*), а также утвердил чуждое правосудному суннитскому исламу право на революционное вооруженное восстание против существующего в современных мусульманских странах строя и таким образом, в разрыве с мусульманской традицией, узаконил «фитна» (бунт, смуту), поскольку распространил такфир (обвинение в неверии), прежде всего, на представителей всех тех мусульман, которые самым фактом отказа салафитам в поддержке ставят себя в один ряд с правителями-«вероотступниками»⁴⁰. В то же время, даже основатель самого жесткого суннитского мазхаба, предтеча современного фундаментализма Ибн Ханбал требовал не допускать этого бедственного состояния (фитна), разрушающего устои веры и общественной морали: плохой суннитский правитель, считал Ибн Ханбал, всегда лучше, чем «фитна»⁴¹.

Безусловно, джихад является неизменным атрибутом практически всех современных идеологических доктрин исламистов. Как подчеркивает авторитетный израильский исследователь радикального ислама Э.Сиван, «теория джихада в интерпретации исламских радикалов исходит из того, что конфликт есть и будет правилом, по крайней мере, до тех пор, пока Мессия (Махди) не прибудет на конец света. Поэтому ислами-

⁴⁰ Игнатенко А. А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 124.

⁴¹ Максименко В. И. Фундаментализм и экстремизм в исламе. Предисловие // Ислам и исламизм / Под общ. ред. Е.М. Кожокина и В.И. Максименко. М., 1999. С. 12.

ГЛАВА 5.

сты считают, что единственно возможным ответом мусульманского мира нынешним режимам в странах распространения ислама, при которых там господствуют западные идеалы, может быть только священная война в ее силовом понимании. Лишь после свержения этих режимов и восстановления единства всех мусульман, как это было в золотую эпоху Халифатов, внутри Уммы могут быть установлены мирные взаимоотношения»⁴².

Одной из форм радикального ислама стало учение, сформулированное и практически апробированное в XVIII в. арабийским религиозным реформатором Мухаммедом Ибн Абд аль-Ваххабом из Неджда. Основными составляющими его доктрины, помимо строгого единобожия (таухид) и требования очищения ислама путем отказа от «греховных нововведений» (бидаа), явились, как и в других развитых радикальных идеологических концепциях их предшественников и последователей, тахфир и джихад. Проявляя определенную терпимость в отношении «людей Писания» — христиан и иудеев, ваххабитский взгляд на **тахфир** сводился к ужесточению требований к мусульманам. Так, утверждалось, что одних деклараций о приверженности исламу и отправлений ежедневных молитв недостаточно, чтобы предотвратить многобожество. Если человек заявляет, что он мусульманин, но в то же время поклоняется другим богам, его следует разоблачить и казнить. Такой «лицемер», по мнению вероучителя, «намного хуже христиан и иудеев, поскольку последние не скрывают своего чужеродного лица». К числу многобожников были отнесены и шииты, идеи которых всеми салафитами всегда рассматривались как еретические⁴³.

Джихад в идеологии ваххабитов трактовался, в первую очередь, как вооруженная борьба, во-вторых, ведение джихада вменялась в обязанность каждому мусульманину (естественно, физически и умственно способному к этому), в третьих,

⁴² Сиван Э. Указ. соч. С. 14.

⁴³ См., напр.: Ибн-Таймийя. Минхадж ас-Сунна ан-набавийя (Метод пророческой Сунны). В 9-ти томах. Эр-Рияд, 1986.

ГЛАВА 2.

объектом джихада были определены **кафиры** (неверные). Поскольку кафирами были объявлены все, кто не был согласен с ваххабитами, то этот джихад осуществлялся против всех неваххабитов, но в первую очередь против мусульман, не разделявших мировоззренческие установки приверженцев «чистого ислама». Убеждение ваххабитов в том, что их противники — кафиры, даже если формально они являются мусульманами, оправдывало нетерпимость и жесткость по отношению к ним. Одновременно такой фанатизм сплачивал и дисциплинировал ваххабитов, создавая религиозно-идеологическое оправдание вполне антиисламским по своему духу и характеру действиям. Благодаря этому учение М. Ибн Абд аль-Ваххаба с самого начала стало идеологией военной экспансии и грабительского набега.

Социальная доктрина ваххабизма обладала ярко выраженным стремлением к установлению патриархального равенства и размыванию социальной иерархии. Она утверждала принципы «братства» мусульман и их равенства перед Аллахом, отвергая сословные и прочие общественные деления между ними. Причем акцент делался не столько на морально-этической и духовной стороне вопроса, сколько на его сугубо организационном аспекте. Такое братство предполагало особый тип организации, с внутренней дисциплиной, гораздо большей, чем в обычной мусульманской общине, ярко выраженным единоначалием, круговой порукой и т.д. Такая модель делала ваххабитскую общину не просто религиозным обществом, а особой, подчас военизированной религиозно-политической организацией. Впоследствии эти принципы были использованы в возникшем на почве ваххабизма в начале XX в. движении ихванов, а затем и в практике современных мусульманских религиозно-политических организаций⁴⁴.

Ваххабитское движение дало жизнь первому Саудовскому государству, которое к началу XIX в. охватывало всю Аравию, но в 1818г. было разгромлено египетским войском Ибра-

⁴⁴ Идрис Абдуллах. Ваххабизм: история проблемы // Мусульмане. 2000. № 1 (4). С. 36.

ГЛАВА 2.

гима-паши. Второй Риядский эмират просуществовал немногим более двух десятилетий (1843—1865 гг.) и распался в связи с ослаблением центральной власти и сепаратизмом местных правителей; третий этап возрождения эмирата, связанный с именем главы и поныне правящей ветви родового клана Аль Сауд — Абд аль-Азиза Ибн Абд ар-Рахмана — берет свое начало с 1902 г. В 1932 г. Абд аль-Азиз, объединив в единое государство Неджд, Хиджаз и Хасу, провозгласил об образовании Королевства Саудовская Аравия (КСА).

С начала 70-х гг. XX в. ваххабитские идеи стали целенаправленно и весьма активно распространяться за пределами Саудовской Аравии. Этот процесс проходил не одновременно, а тремя этапами. Первоначально (70-е—80-е гг.) «ваххабизм» стал идеологией многочисленных антиправительственных экстремистских группировок в арабских странах. В 80-е—90-е гг. он был активно использован в Афганистане при организации «джихада» против кабульского режима «неверных» и советского присутствия в этой стране. Тогда же он стал идеологией «арабских афганцев», а также «афганцев второго поколения» — экстремистов разных национальностей, готовившихся в «ваххабитских» лагерях на территории Афганистана, контролируемой движением «Талибан». С 90-х гг. по настоящее время «ваххабитская» экспансия наблюдается в направлении республик бывшего Советского Союза, в том числе и России, а также Юго-Восточной и Западной Европы, Америки, Австралии, Африки. В результате этого процесса сегодня создана сложная сеть «ваххабитских» (салафитских) группировок, форпостов, плацдармов, тренировочных лагерей, учебных заведений, координационных центров во многих странах мира.

Экстремисты формально (сегодня консолидированное радикальное исламское движение в мире существует, скорее, виртуально, нежели реально — *И.Д.*) входят в радикальное мировое исламское движение, рекрутируя своих приверженцев для участия в «джихаде» в различных «горячих точках» планеты, предпринимают попытки координировать свою деятельность с аналогичными структурами в других странах. Именно сто-

ГЛАВА 5.

ронники этого крыла «ваххабизма» представляют собой угрозу сложившемуся мировому порядку. Выступая самостоятельным субъектом политики, экстремисты нередко становятся и объектами манипуляций других сил, в том числе спецслужб собственных и иностранных государств, примеров чему множество.

Вместе с тем, как представляется, ваххабизм — это явление, которое исторически было присуще арабийцам два с половиной столетия назад. Сегодня же вольное применение этого термина в отношении экстремистов и террористов не совсем корректно, потому что ислам в Саудовской Аравии и некоторых других монархиях Персидского залива проявляется именно в «ваххабитской» форме. Она стала в регионе традиционной, то есть ей следует большинство населения, которые ни радикалами, а тем более экстремистами и террористами, не являются. В то же время, идеология и практика религиозных экстремистских групп в Саудовской Аравии и во многих других странах сегодня зачастую в массовом сознании ассоциируется не с мусульманским радикализмом, а с «ваххабизмом» в целом, что, как представляется, ошибочно. На самом деле угрозы и вызовы существующему миропорядку формируют не все «ваххабиты» (салафиты), а их экстремистски настроенные единомышленники, которых, по нашему мнению, предпочтительнее называть неоваххабитами. Именно они, взяв на вооружение в качестве базовой ваххабитскую доктрину, разработанную М. Ибн Абд аль-Ваххабом и его сподвижниками, дополнили ее содержанием новыми идеями. Иначе говоря, современная «неоваххабитская» доктрина, базируясь на положениях раннего, первоначального ваххабизма, выдвинутых в свое время самим вероучителем М. Ибн Абд аль-Ваххабом, за два с лишним века своего существования существенно эволюционировала в сторону усиления радикализма.

По мнению авторитетного российского исследователя А.А.Игнатенко, такой «ваххабизм», представляя еретическое течение в исламе, являет собой результат селекции (от-

ГЛАВА 2.

бора) и адаптации (приспособления) положений Корана и Сунны к ваххабитским представлениям и идеям⁴⁵. Особенно это характерно для основных положений ваххабитской доктрины — обвинения в неверии (*такфир*) и священной войны за веру (*джихад*). Паразитируя на этих общеисламских понятиях, современные «ваххабиты» искажают их суть до неузнаваемости.

Так, произвольно расширяя круг объектов такфира, они абсолютизируют понятия «неверие» (*куфр*, или «безбожие») и «многобожие» (*ширк*, или «язычество»). Провозглашая строгое единобожие, «ваххабиты» и их последователи квалифицируют «неверными» и «многобожниками» всех тех, кто, по их мнению, не является «единобожниками». В категорию «врагов ислама», по их мнению, входят⁴⁶: иудеи и христиане (люди Писания, *ахль аль-китаб*)⁴⁷, мусульмане-вероотступники (*муртадд*), совершившие «самомалейшее отступление» от принципа единобожия; так называемые «лицемеры» (*мунафикун*) — те мусульмане, которые «выказывают приверженность к исламу и скрывают неверие»; последователи всех без исключения идеологических течений (кроме ваххабизма); отвергающие шариат в качестве единственно возможного источника права. «Неверием» объявляется и любая человеческая законотворческая и нормотворческая деятельность: предоставление права законотворчества кому-либо, кроме Аллаха, по мнению радикалов, противоречит исламу⁴⁷.

В противоположность обвиняемым ими в «неверии» и «многобожии», «ваххабиты» называют себя «спасенной группой», то есть такой, которая «избегнет на Страшном Суде адского пламени»⁴⁸ и попадет в рай. Более того, приверженцы этого

⁴⁵ Игнатенко А.А. Обыкновенный ваххабизм. Ч. 1. Еретическое течение в Исламе // www.russ.ru. 2001. 14 сент.

⁴⁶ Игнатенко А.А. Обыкновенный ваххабизм. Ч. 2. Особенности учения «единобожников» // www.russ.ru 2001. 17 сент.

⁴⁷ Ибрагим М. А. -Л. Установление законов Аллаха. Махачкала, 1997.

⁴⁸ Зину Мухаммед ибн Джамиль. Исламская Акида (вероучение, убеждение, воззрение) по священному Корану и достоверным изречениям пророка Мухаммеда. Баку, 1997. С. 120—121.

ГЛАВА 5.

течения утверждают, что «спасенная группа» представляет собой меньшинство в умме — сообществе правоверных⁴⁹. По мнению А.А.Игнатенко, «в этом случае реально выделяется миноритарный характер ваххабитов (то, что они составляют меньшинство) и сектантский характер их движения»⁵⁰.

Исходя из вышеуказанных мировоззренческих посылок, идеологами радикального неоваххабизма основательно разработана человеконенавистническая, лженаучная концепция «Симпатии и антипатии» (Аль-валя ва-ль-бараа)⁵¹. Ее суть излагается, в частности, в книге салафитского автора, шейха Салеха бин Фаузана аль-Фаузана «Дружба и непричастность в исламе». В ней все человечество разделено на три группы: 1) тех, кого следует только любить, не испытывая к ним никакой враждебности; 2) тех, кого следует только ненавидеть и только враждовать с ними, не испытывая к ним ни любви, ни дружеских чувств; 3) тех, кто с одной стороны заслуживает любви, а с другой стороны — ненависти⁵².

Разумеется, в первую категорию попадают только члены «спасенной группы», неоваххабиты, к которым единоверцы обязаны проявлять только терпимость и благожелательность: «Следует любить, благожелательно относиться и помогать каждому верующему единобожнику, который не допускает никаких запрещенных шариатом действий»⁵³. При этом решающим свидетельством единобожия того или иного человека, согласно концепции «Симпатии и антипатии», является только абсолютное подчинение неоваххабитской группировке и активная вражда (вплоть до убийства) по отношению ко всем, кто к ней не принадлежит. Другими словами, решающий довод в отношении «единобожия» того или иного мусульманина, при кото-

⁴⁹ Там же. С. 121.

⁵⁰ Игнатенко А. А. Особенности учения единобожников. С. 4.

⁵¹ Игнатенко А.А. Самоопределение исламского мира//Ислам и политика / Отв. ред. В.Я. Белокриницкий и А.З. Егорин. М., 2001. С. 14.

"См.: Салех бин Фаузан аль-Фаузан. Дружба и непричастность в исламе. Баку, 1997.

⁵³ Цит. по: Коренько В. Ваххабизм без посредников // Газета RU. 2000. 25 ьлр.

ГЛАВА 2.

ром он не провозглашается «неверным», состоит в лояльности (симпатии, любви, признании) по отношению к «ваххабитам» и враждебности, ненависти ко всем «неваххабитам». Это требование зафиксировано в трудах самого М. Ибн Абд аль-Ваххаба: «Это может быть достигнуто лишь любовью к исповедующим таухид Аллаха (т.е. к единобожникам, или ваххабитам — *И.П.*), преданностью им и оказанием им всяческой помощи, а также ненавистью и враждой по отношению к неверным *имуирикам* (многобожникам, политеистам — *И.Д.*)»⁵⁴. Истинный единобожник, член ваххабитского джамаата, обязан ненавидеть всех тех, кого его единоверцы считают «неверными» («многобожники», «лицемеры» и «отступники»). Причем такого рода ненависть должна неизбежно проявляться в практической деятельности адепта веры, вплоть до лишения жизни своих идеологических противников.

Ко второй группе причисляются все немусульмане, а к третьей — все мусульмане, не разделяющие салафитский призыв. К этим последним и применяется *такфир*, именно они являются его главным объектом, поскольку немусульмане и так *кафиры* — неверные. Другими словами, радикально настроенные «ваххабиты» провозглашают *кафирами* — неверными — всех *мусульман*, которые не следуют той, специфической интерпретации ислама, которую салафиты провозглашают единственно правильной. В результате чего именно с ними, в первую очередь, следует бороться, осуществляя «джихад на пути Аллаха». Их главное преступление — дружба с другими категориями «неверных». Проявлениями этой дружбы, как подчеркивает аль-Фаузан, являются: — уподобление им в одежде, словах и прочем; проживание в странах неверных и отказ от переезда в какую-нибудь из стран ислама ради сохранения своей религии; совершение поездок в страны неверных для развлечений и наслаждений; оказание им помощи и содействия против мусульман, а также их восхваление и защита; обращение к ним

⁵⁴ *Ат-Тамими М.С. (Ибн Абд аль-Ваххаб). Книга единобожия. М., 1999. С. 70.*

ГЛАВА 2.

за помощью, оказание им доверия, назначение их на те посты, пребывание на которых позволят им узнать тайны мусульман, и избрание их в качестве приспешников и советников; использование их летоисчисления, особенно если речь идет об их обрядах и праздниках наподобие рождества; участие в проведении их праздников, оказание им помощи в их организации и поздравление их в связи с этим; их восхваление за достижения их культуры и цивилизации и выражение восхищения их нравами и мастерством, без учета порочности их воззрений и ложности их религии; использование их имен; испрашивание для них прощения и обращение к Аллаху с молитвами о ниспослании им милости⁵⁵.

В отношении каждого, «кто нарушает Закон Аллаха», согласно требованиям религиозных радикалов, «следует питать ненависть, относиться с враждой, вести с ними Джихад словом и сердцем по мере сил и возможностей»⁵⁶. Убийство «врагов ислама» должно, по убеждению носителей радикальной идеологии, проводиться системно и организовано — в форме джихада против всех категорий «неверных». И тогда становятся понятными и военные преступления, и террористические акции, и захваты людей для получения за них выкупа, и издевательства над пленными. Ведь неоваххабиты буквально воспринимают и трактуют аяты Корана, а там, в частности, сказано: «И когда закончатся запретные месяцы, то убивайте многобожников [нарушивших договор], где их найдете, захватывайте их, осаждайте и ведите против них разведывательные маневры...» (Сура «Покаяние, аят 5); «Вот внушил Господь твой ангелам: «Я — с вами, укрепляйте тех, которые уверовали! Я брошу в сердца тех, которые не веровали страх: бейте же их по шеем, бейте их по всем пальцам» (Сура «Добыча», аят 12); «А когда встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее, а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы» (Сура «Мухаммад, аят 4).

³⁵ Сев, lex бен Фаузан аль-Фаузан. Указ. соч. С. 95—96.

⁵¹ Коренько В. Указ. соч.

ГЛАВА 2.

Так что не стоит удивляться, когда, например, в Чечне, торгуют пленными, людям отрубают головы, отрезают и отстреливают пальцы.

Таким образом, если идеологической доктриной радикальных неоваххабитов являются теоретические разработки аль-Ваххаба и его последователей, вершиной чего стала концепция «Симпатии и антипатии», то основой практической деятельности исламистов, бесспорно, выступает джихад в его узком понимании, как агрессивной войны со всеми ради достижения победы своих идеалов.

Такой джихад представляет собой вооруженную борьбу против всех, кто препятствует распространению «ваххабитского» учения и его монопольному господству, а его целью является борьба с «врагами ислама» («многобожниками», «отступниками» и «лицемерами»). Мир же в трактовке радикально настроенных «ваххабитов» есть вынужденное обстоятельствами воздержание от обязательного джихада как вооруженной борьбы: «Ведение Джихада зависит от того, насколько это возможно. И так претворяются в жизнь мекканские аяты, где говорится о мире, о прощении, пока мусульмане еще слабы, и мединские аяты, предписывающие в обязательном порядке воевать и участвовать в военных действиях, когда мусульмане обретут силы»⁵⁷.

Одновременно религиозные радикалы категорически отказываются воспринимать провозглашаемый ими джихад как политический экстремизм и терроризм. В результате многочисленных террористических акций, осуществляемые исламистами во многих точках мира, но интерпретируемые ими в качестве «священной войны за веру», создали новую, совершенно нетерпимую для мирового сообщества, ситуацию. А побуждающим мотивом религиозного терроризма выступает именно ваххабитско-салафитская проповедь джихада, снявшая общечеловеческий моральный запрет на убийство невинных людей, определяемых «врагами ислама»⁵⁸.

⁵⁷ Зину. Указ. соч. С. 99.

⁵⁸ Цит. по: Игнатенко А.А. Обыкновенный ваххабизм. Ч. 3. Социально-политические последствия распространения ваххабизма в мире // www.russ.ru. 2001. 19 сент.

ГЛАВА 4.

Ислам имеет исключительное значение и в духовной жизни большинства северокавказских народов, в том числе и чеченцев, для которых он неоднократно выполнял социально мобилизующую роль, особенно в переломные исторические периоды. Среди них можно выделить национально-освободительные движения под руководством имама Мансура (1785—1791 гг.), имама Шамиля (1834—1859 гг.), восстания и абречество (1866—1916 гг.), революцию и гражданскую войну (1917—1920 гг.), депортацию (1944—1957 гг.), кампании по «восстановлению конституционного порядка» (1994—1996 гг., октябрь 1999 г. — по настоящее время).

Как верно подметила М. Броксат, «все северокавказские войны велись как джихад против неверных: вначале — царской России, затем — Деникина (1918—1919 гг.), наконец, против большевиков»⁵⁹. Лозунгами джихада пытаются облечь свое движение и орудующие сегодня в регионе откровенные националисты, сепаратисты и даже просто криминальные элементы, преследующие собственные политические цели.

Современная ситуация в северокавказских республиках, и особенно в Чечне, характеризуется ростом значимости ислама во всех сферах жизнедеятельности общества. Именно в Чечне в связи с сепаратистскими тенденциями, берущими отсчет с начала 90-х, а также длительными военно-политическими кампаниями по «восстановлению конституционного порядка», произошла более резкая и ущербная по сравнению с другими регионами исламизация социума с привнесением в республику идей и практики крайнего религиозного радикализма. Они начали проникать сюда уже в конце 80-х гг..

Сторонников фундаменталистского ислама в Чечне, как и в остальных республиках Северного Кавказа, стали называть «ваххабитами». Пришедшее к власти в Чечне в начале 90-х гг. сепаратистски настроенное руководство во главе с Д. Дудаевым не только не препятствовало, но всячески способствова-

⁵⁹ Броксат М. Северный Кавказ — это Афганистан? // Мусульманский Курьер. 2000. № 13. Апр.

ГЛАВА 2.

ло укреплению позиций исламских радикалов. Уже тогда в Грозном был открыт центр «ваххабитов», который распространял религиозную литературу, организовывал коллективные моления, проповедовал идеи своего учения через средства массовой информации. Его распространение в Чечне стало возможным, так как дудаевцы заявляли, что они строят исламское государство, которое нуждалось в единой идеологии. В качестве таковой и должен был выступить «ваххабизм».

Распространению идеологии этого крайне политизированного мусульманского течения способствовали и внешние факторы: финансовая помощь международных исламских организаций фундаменталистского толка, идеологическая обработка эмиссарами этих организаций чеченских паломников во время хаджа и чеченских студентов, обучающихся в зарубежных исламских университетах, распространение массовыми тиражами салафитской литературы и деятельность мусульманских проповедников в регионе. Существовало также немало причин внутреннего характера, которые сделали «ваххабизм» привлекательным в глазах определенной части населения, прежде всего религиозной молодежи, которая составляет важнейший сегмент социальной базы этого движения.

Мощный импульс радикализации исламского фундаментализма на Северном Кавказе придали события в Чечне (1994—1996 гг.) и последующая ее «суверинизация». Мероприятия по «восстановлению конституционного порядка» в Чечне повлекли за собой тяжелейшие последствия для России и российской государственности. Тейпово-вирдовое чеченское общество, в мирное время раздираемое противоречиями, в военном противостоянии с федеральным центром сумело сплотиться посредством идеи мусульманского единства. Эта же идея во многом стала определяющей для многих сотен «воинов джихада» из Пакистана, Афганистана, Турции, различных арабских государств, принявших участие в чеченской кампании.

В эти годы несколько крупных террористических акций, осуществленных под руководством известных полевых командиров, резко изменили ситуацию, заведя в тупик «наведение

ГЛАВА 2.

конституционного порядка». Речь идет, прежде всего, об акциях 1995 г. в Буденновске, возглавлявшейся Ш.Басаевым, и 1996 г. в Кизляре и в Первомайском под руководством С.Радуева. Сопровождавшиеся исламской символикой и риторикой, эти беспрецедентные террористические акции привели к хасавюртовскому, а затем и московскому соглашениям.

Ставка на «ваххабизм» как интегрлистское фундаменталистское учение лидерами чеченских сепаратистов была окончательно сделана после завершения военных действий в 1994—1996 гг. Однако последовавшая «ваххабизация» Чечни была осуществлена не без воздействия со стороны прибывших в Чечню в первую военную кампанию многочисленных зарубежных «моджахедов». Характерной вехой этого процесса явилось формирование весной 1995 г. на территории республики отряда иностранных наемников под названием «Джамаат Ислами», которым командовал иорданец чеченского происхождения Хабиб Абд аль-Рахман Хаттаб (Амир Хаттаб)⁶⁰. Целью своего пребывания на российской территории он объявил необходимость участия в «джихаде на пути Аллаха», до тех пор, пока «над Кремлем не взойдет черное победное знамя джихада»⁶¹.

В 1996 г. при помощи чеченской общины в Иордании в районе селения Сержень-Юрт Шалинского района Чечни был создан учебный диверсионно-террористический центр — «Кавказский институт исламского призыва» («Кавказский институт — Да'ва»), который фактически являлся филиалом международной экстремистской организации «Братья-мусульмане»⁶².

Институт «Да'ва» представлял собой специализированный лагерь, готовивший диверсантов и террористов. Здесь обучались потенциальные «моджахеды» в возрасте от 17 лет и стар-

⁶⁰ Абд аль-Рахман Хаттаб, 1961 г.р., по происхождению — иорданский чеченец. Он стал первым в Иордании добровольцем, отправившимся в Афганистан в составе батальона, сформированного палестинцем Абдаллахом Аззамом на средства «Лиги исламского мира», где принимал участие в боевых операциях против советских войск в провинции Нангархар. во время нахождения в Афганистане имел контакты с находившимися там сотрудниками ЦРУ CIA.Intelligence Newsletter. 1999. N 364. Aug.26. P. 7.

⁶¹ Аль-Каф. 1998. Апр.

⁶² Челноков А. Ваххабиты в Тобольске // Совершенно Секретно. 1999. № 10.

ГЛАВА 2.

ше. В течение двух месяцев они изучали идейные положения радикального исламского фундаментализма и проходили специальную военную подготовку. Затем некоторая часть из них направлялась на стажировку в зарубежные мусульманские страны. Будущих террористов А.Хаттаб призывал к ненависти к русским. Инструктируя их, он рекомендовал: «...всех патристически настроенных русских обвинять в фашизме. Тех же, кто из них захочет встать под святое знамя пророка, необходимо вязать кровью»⁶³. «Институт» имел свои представительства в Баку и Киеве, вербовавшие наемников, которые затем направлялись в Сержень-Юрт для прохождения спецподготовки⁶⁴. На базах в Чечне в 1996—1999 гг. были подготовлены сотни террористов.

На усиление позиций чеченских «ваххабитов» повлиял также переезд в январе 1998 г. на территорию Чечни Генерального штаба и военной инфраструктуры ваххабитского дагестанского «Джамаата» во главе с его лидером — М. Багаутдином, что произошло после нападения 23 декабря 1997 г. боевиков Хаттаба на российскую воинскую часть в Буйнакске.

В тот период в Чечне отмечался невиданный разгул преступности: процветал нелегальный нефтяной промысел, похищения и торговля людьми превратились в доходное предприятие. В декабре 1998 г. бандой «ваххабита» Арби Бараева осуществляется зверское убийство трех англичан и одного новозеландца.

В этой связи в одном из своих телеобращений к населению Чечни по грозненскому телевидению зимой 1999 г. бывший президент А. Масхадов, разоблачая сущность «ваххабизма» как крайне реакционного течения в исламе, заявил: «Эта идеология сюда привносится искусственно... Сумели вдолбить в головы определенной части населения идеологию ваххабизма... Они говорят, что только они избранные Аллаха, и только они на истинном пути. А все остальные — их враги... Приезжают из арабских стран, уверяя, что они алимы-богословы».

⁶³ Труд. 1999. 7 апр.

"Middle East International. 1995. Sept. 2. P. 17.

ГЛАВА 2.

Берут в руки Коран... и находят в нем положения о том, что якобы можно похищать людей, ...людьми можно торговать...»⁶⁵.

Тем не менее, «ваххабиты» все более активизировались, ими была осуществлена серия террористических акций в отношении руководства республики и других известных государственных функционеров (покушения на А. Масхадова, В. Арсанова, генерального прокурора М. Магомадова, убийство заместителя министра шариатской госбезопасности Ш. Увайсаева и группы сотрудников этого министерства и т.д.).

17 апреля 1999 г. в Грозном прошел очередной съезд КНИД, который принял концептуальное решение о вторжении на территорию Дагестана. В апрельском номере яндарбиевской газеты «Кавказская Конфедерация» «амир Урус-Мартана» Бен-Исмаил и «амир Исламского джамаата Дагестана» М. Багаутдин обратились с призывом к молодежи Кавказа «принять участие в джихаде», вступив в созданную ими «Исламскую армию Кавказа» (ИАК). Молодым людям внушалась мысль о том, что «нам — мусульманам — необходимо за свою дорожную религию воевать и начать джихад»⁶⁶.

Как известно, вторжение в Дагестан отрядов «ваххабитов» произошло 2 августа 1999 г. Тогда на территорию Цумадинского и Ботлихского районов Дагестана вторглись вооруженные боевики из Чечни, захватившие ряд населенных пунктов. Руководило операцией т.н. «Объединенное командование дагестанских моджахедов» (ОКДМ) во главе с Ш. Басаевым. Основные силы «ваххабитов» были сведены в три группировки — «Исламскую армию Кавказа» (М. Багаутдин), «Дагестанскую повстанческую армию Имама» (М. Тагаев) и «Миротворческие силы межджилиса народов Ичкерии и Дагестана» (Э. Хаттаб). По замыслу руководства ОКДМ, объявившего вторжение первым этапом по «освобождению» Дагестана под кодовым названием «Имам Кази-Магомед», на территории РД их должны были поддержать местные сторонники «чистого ислама», эк-

Цит. по: *Добаев И.П. Исламский радикализм в международной политике. С. 143.*

"Кавказская Конфедерация. 1999. Апр.

ГЛАВА 2.

стремистски настроенная часть чеченцев-аккинцев и некоторые другие силы. Однако этого не произошло: вторжение боевиков вызвало рост нетерпимости дагестанского населения к различным проявлениям исламского экстремизма. Именно негативная реакция на вторжение со стороны подавляющего большинства населения республики и международной общественности стала одной из основных причин, по которой от участия в вооруженной борьбе отказались дагестанские «исламисты». Население Дагестана, особенно приграничных с Чечней районов, крайне негативно отнеслось к действиям боевиков и оценило их как бандитские. И это становится понятным, поскольку «ваххабиты» не только призывали к вооруженному джихаду против неверных, но и против мусульман, которые не разделяют их интерпретации ислама.

Агрессия против Дагестана стала причиной проведения с октября 1999 года антитеррористической операции непосредственно на территории Чечни. В ходе ее осуществления «ваххабитские» анклавы в Чечне были уничтожены, а «джамааты» рассеяны. Агонизируя, в этот период исламисты совершают крупные террористические акции в Москве и Волгодонске, потрясшие своей бессмысленной жестокостью население страны и мировую общественность.

Сегодня противостоящее законным властям сепаратистское движение в Чечне не представляет собой единого целого. Достаточно условно его можно классифицировать по следующим основным направлениям: националистическое (А.Масхадов, Р.Гелаев и др.), «ваххабитское» (Абу аль-Валид, Ш. Басаев и др.) и криминально-бандитское (представлено многочисленными полевыми командирами небольших по численности банд). Несмотря на свои идеологические «расхождения», все они активно используют исламскую риторику и символику, в том числе и в ходе осуществления террористической деятельности, которая постоянно «совершенствуется», в том числе путем привлечения «шахидов» и «шахидок» к «террору самоубийц». Тем не менее, в руководстве чеченских сепаратистов отмечаются глубокие и практически непреодолимые противо-

ГЛАВА 5.

речия, в основе которых лежит борьба за власть и ресурсы (внутренние и внешние). Как свидетельствует практика, идеи «независимости» и «исламизации» Чечни, выдвигаемые некоторыми лидерами банддвижения, не находят широкой поддержки среди масс населения. Большинство диверсионно-террористических акций осуществляется не из-за идейных убеждений, а в результате финансовых подпиток, зачастую поступающих в республику из-за рубежа. Неоднократно фиксировались случаи фальсификации «акций сопротивления», прикармливания финансовых средств, выделяемых для ведения «джихада» как крупными полевыми командирами (А.Масхадов, Р.Гелаев и др.), так и среднего звена. Между различными группировками существуют разногласия и взаимное недоверие, неприязнь. Например, «гелаевцы» крайне негативно относятся к «ваххабитам» и не желают координировать с ними свои усилия.

«Ваххабиты», хотя они также не являются какой-то монолитной силой, представляют собой наиболее боеспособные формирования, прежде всего в связи с финансовой и иной подпиткой из-за рубежа и присутствием в их рядах значительной группы зарубежных «моджахедов» из многих стран Ближнего и Среднего Востока. Вместе с тем, как подчеркивают многие исследователи, чеченских последователей «чистого» ислама (Ш. Басаев, М. Удугов, З. Яндарбиев и др.) неправомерно называть «ваххабитами», поскольку это оскорбительно для мусульман тех стран, где ваххабитская идеология является доминирующей, а ислам ваххабитской направленности — традиционным (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ и др.). Скорее их можно отнести к сепаратистам, националистам и даже криминальным бандитам, что роднит их с другими группами чеченского банддвижения. Сказанное позволило исследователю радикального ислама на Северном Кавказе Д.В. Макарову охарактеризовать происходившее и все еще происходящее в Чечне как «ваххабизацию» радикальных националистов⁶⁷.

⁶⁷ Макаров Д. В. Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня // Конфликт — Диалог — Сотрудничество (Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе). М., 1999. № 1. С. 42—58.

ГЛАВА 2.

Таким образом, исламский фактор в регионе зачастую используется в качестве идеологической и организационной оболочки при реализации практических интересов вовсе не исламских сил и субъектов политического и социального действия. Речь идет о заурядных сепаратистах, националистах, мафиозных структурах и кланах, криминалитете. Причем, «исламский экстремизм» и «исламский терроризм» нередко подпитывается архаичными формами социального поведения горских народов, такими как «наездничество», абречество, обычай кровной мести. Все эти факторы в невиданной степени укрепляют позиции исламизма, одновременно используя его идеологические конструкты для оправдания своей политической практики и мобилизации верующих на джихад против «неверных».

Отличительной особенностью религиозно-политического терроризма в регионе выступает то обстоятельство, что он теснейшим образом переплетается и блокируется с терроризмом национально-этнической направленности, который нередко использует «исламское» прикрытие. В этой связи, по нашему мнению, правомерно утверждать, что особенность современного терроризма, с которым столкнулась Россия, прежде всего в Чечне, заключается в сращивании на основе идеологии радикального ислама религиозного, этнического и криминального терроризма, поддерживаемого международными экстремистскими и террористическими структурами.

Не случайно в 2002 г. министерством финансов США квазивахабит Ш. Басаев признан международным террористом, а в докладе госдепартамента США «Черты международного терроризма», подготовленном по итогам 2002 года, отмечается, что, по меньшей мере, три бандформирования, действующие на территории Чечни, непосредственно связаны с международными исламскими террористами и используют террористические методы. К разряду террористических группировок причислены «Разведывательно-диверсионный батальон чеченских мучеников «Риядус-Салихин», «Исламский полк специального назначения» и «Исламская интернациональная бригада». Первую из них возглавляет лидер чеченских боевиков

ГЛАВА 2.

Шамиль Басаев. Второй руководил Мовсар Бараев. Третьей командует Абу аль-Валид. В составе этих группировок действуют десятки иностранных — в основном арабских — моджахедов, осуществляющих теракты против российских войск и мирного населения Чечни. Они финансируются международными террористическими организациями, в том числе сетью «Аль-Каида».

Разумеется, фиксируемый на Северном Кавказе терроризм не тождественен джихаду в его ортодоксальном понимании, что подтверждается представителями «эталонного» ислама. По их мнению, террористы «применяют в своих действиях методы, в корне противоречащие предписанным мусульманам»⁶⁸. Террористические организации, следуя отставимой ими идеологии, «преследуют целью устранение несправедливых и жестоких, по их мнению, режимов и правителей и создание народу более счастливой и справедливой жизни. Между тем как подобный подход полностью абсурден. Всевышний Аллах предупреждает о глубочайшем заблуждении тех, кто совершает их»⁶⁹: «А когда им говорят: «Не распространяйте нечестия на земле!» — они говорят: «Мы — только творящие благое». Знайте же, они, истинно, распространяющие нечестие, но не понимают они этого» (Сура «Корова», аяты 11—12).

Осуждают терроризм подавляющее большинство мусульманских улемов, факихов, официальных служителей культа. Так, например, бывший верховный муфтий Королевства Саудовская Аравия (КСА) Абд аль-Азиз бин Абдуллах Ибн Баз в своей фетве в связи с акцией террористов (взрыв в июле 1989 г. в г. Мекке) подчеркнул, что «все мусульмане считают это тяжким и отвратительным преступлением, поскольку оно явилось попыткой запугать паломников, пришедших к священному Дому Аллаха... Это отвратительное преступление с использованием взрывчатых веществ, совершенное рядом со свя-

⁶⁸ Харун Яхья. Указ. соч. С. 59.

⁶⁹ Там же. С. 62.

ГЛАВА 2.

щенным Домом Аллаха, относится к числу тяжчайших преступлений и величайших грехов»⁷⁰. А уже упоминавшийся нами автор книги «Дружба и непричастность в исламе» шейх Салих бин Фаузан аль-Фаузан на вопрос: «Являются ли такие действия, как убийства и взрывы правительственных учреждений в немусульманских странах, необходимыми и можно ли назвать это джихадом?» ответил: «Убийства и взрывы недопустимы, поскольку они только навлекают на мусульман бедствия и приводят к их убийствам и преследованиям, что же касается джихада на пути Аллаха, то речь может идти только об открытом бое и только при определенных условиях»⁷¹.

Представляется интересным также посмотреть на отношения мусульманских стран к проблеме международного терроризма, осуществляемого под прикрытием ислама. Еще десять лет до трагических событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, в своей Дакарской декларации (1991 г.) Организация Исламская конференция решительно осудила международный терроризм. «Мы еще раз подтверждаем наше решительное осуждение феномена терроризма, идущего в разрез с учением исламской религии, ценностями, нормами и традициями наших стран, где относятся к жизни человека с уважением и достоинством, — говорится в этом документе, — Мы подтверждаем нашу решимость искренне сотрудничать с мировым сообществом в его борьбе с международным терроризмом во всех его формах и проявлениях в рамках закона и уважения принципов международного права»⁷².

Не менее последовательной является антитеррористическая позиция и другой влиятельнейшей международной организации, объединяющей главным образом мусульманские страны — Лиги арабских государств (ЛАГ). Еще в 1998 г. было заключено общерабское соглашение о борьбе с терроризмом, под-

⁷⁰ Ислам против терроризма. С. 24, 26.

⁷¹ Там же. С. 41.

⁷² Нуруллаев А.А. Исламский мир: ответы на вызовы глобализации // Мат. серии семинаров, проведенных в апреле-декабре 2002. ИСАА при МГУ. М., 2003. С. 12.

ГЛАВА 2.

тверждающее «единую арабскую позицию против международного терроризма». Внеочередное заседание Совета Лиги арабских государств, состоявшееся после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 г., выразило солидарность с американским народом и подтвердило свою приверженность к упомянутому выше общеарабскому соглашению по борьбе с международным терроризмом⁷³.

Со специальным заявлением, осуждающим террористические акты, совершенные в США, выступило руководство Лиги исламского мира. Оно призвало глав мусульманских стран и исламских духовных лидеров вести неустанную борьбу против терроризма. Одновременно была высказана рекомендация во всех мечетях мира провести соответствующую разъяснительную работу. И такая работа была проведена⁷⁴.

Таким образом, и светские ученые, и исламские богословы, и представители официального духовенства, подавляющее большинство рядовых мусульман не приемлют терроризм, не ассоциируют его с джихадом, осуждают неадекватное применение насилия в политических целях. Концепция джихада в его агрессивной форме идеологически обосновывается и практически осуществляется экстремистами и террористами, по сути, использующими и компрометирующими Ислам как авторитетную мировую монотеистическую религию.

В целом исламофобия на Юге России носит ситуативный характер. Ее причины связаны с системным кризисом поразившем особенно сильно национальные республики сепаратистскими тенденциями рубежа 80—90 гг. XX в., более значительными темпами возрождения ислама, чем других традиционных для региона конфессий, использованием зарубежными экстремистскими центрами псевдоисламской риторики для ослабления позиций России в Каспийско-Черноморском регионе. По мере ослабления этих факторов исламофобия приобретает все более маргинальный характер.

⁷³ Независимая газета. 2001. 13 апреля.

⁷⁴ Нуруллаев А.А. Указ. соч. С. 12.

ГЛАВА 2.

Россия имеет достаточный опыт построения конструктивных отношений между различными конфессиями, противоположный мифологеме неизбежности столкновения цивилизаций. На базе диалога традиционных для России конфессий сложился баланс духовно-нравственных ценностей (при полном сохранении независимости каждой из них и отказа от прозелитизма в отношении этнических групп исторически исповедующих другие религии), которые лежат в основе социокультурной системы России и без опоры на которые невозможна реализация ни одного крупного социального проекта.

ГЛАВА 3. ЭТНОФОБИИ НА ЮГЕ РОССИИ

Этнофобии — недоброжелательность или ненависть к другим народам и этническим группам. Она часто опирается на негативные стереотипы, т.е. схематизированный образ представителей какой-либо этнической общности, в котором выражается одностороннее, упрощенное (искаженное) знание о психологических особенностях, характере и поведении людей другой национальности. Как правило, этнические стереотипы о других народах биполярны, существуют парами, в которых одни стереотипы отражают «положительные», а другие «отрицательные» качества представителей соседнего этноса. В зависимости от конкретной ситуации (кризисной или равновесной) начинает доминировать тот или иной стереотип. Негативные этнические стереотипы, лежащие в основе этнофобии доминируют в условиях войн, конфликтов, кризисов.

На Юге России этнофобии представляют наибольшую угрозу для региональной и национальной безопасности. Юг России самый полиэтнический регион страны, обеспечение межэтнического согласия, толерантности является необходимым условием его существования и устойчивого развития. На Юге России проживают представители более ста народов, около пятидесяти из которых могут быть отнесены к коренным.

На современном Юге России доминирующими являются европеоидная и монголоидная расы. Европеоидная раса представлена восточно-европейским антропологическим типом (славянские народы) и кавкасионской разновидностью южно-европейского, который в свою очередь подразделяется на переднеазиатский (абхазы, армяне, грузины), каспийский (азербайджанцы, курды, талыши и др.); понтийский (балкарцы, ингуши, кабардинцы, карачаевцы, осетины, чеченцы и др.).

Монголоидная раса представлена преимущественно центральноазиатским антропологическим типом (калмыки, казахи, ногайцы и др.), сочетающим европеоидные признаки. Ан-

ГЛАВА 3.

тропологическое многообразие региона тем не менее не стало почвой для возникновения расизма — одной из крайних форм ксенофобии — ни в прошлом, ни в современных условиях.

Еще более многообразной является языковая картина Юга России: более сорока основных языков (с многочисленными диалектами), которые относятся к индоевропейской языковой семье (славянские языки, осетинский, армянский, курдский, татский, талышский), северокавказской семье (нахо-дагестанские, адыгские), картвельской (грузинский), монгольской (калмыки), и тюркской группам алтайской языковой семье (карачаево-балкарцы, кумыки, ногайцы, татары, казахи, туркмены).

Современная этническая картина Юга России сложилась к XVIII в., а в XIX в. и в XX в. происходили процессы этнической консолидации. Этнодемографическая структура региона коренным образом изменилась в ходе Кавказской войны (1818—1864), мухаджирства (переселение в Османскую империю) второй половины XIX в. и заселения Северного Кавказа русскими в конце XIX — первой половины XX вв.

Трансформации этнодемографической ситуации на Юге России в последние 150—200 лет происходили чаще скачкообразно, чем эволюционно, создавая мигрантам и принимающим этносам значительные сложности во взаимной адаптации, что усугублялось просчетами и неадекватным пониманием происходящего со стороны имперской, а затем советской и современной российской бюрократии. Следствием стало формирование социальной почвы и предпосылок для возникновения этнофобии. Мы остановимся на трех основных формах этнофобии на Юге России, представляющих открыто или латентно основные угрозы национальной безопасности: русофобия, кавказофобия (внешние и внутрикавказские), антисемитизм, а также мигрантофобия, тесно переплетенных и взаимообусловленных.

Русофобия — неприятие основ национально-государственной и духовной жизни русских, основанное на мифах и ложных стереотипах об извечном тоталитарном характере русского общества, тупиковости развития русских со времени

ГЛАВА 4.

принятия Православия, склонности к репрессивному характеру авторитарной власти и агрессивности по отношению к соседним народам и государствам. Русофобия активно пропагандировалась и закреплялась в массовом сознании Запада XIX в. — нач. XX в. и в годы «холодной войны», сохраняет свою инерцию в современном мире.

На юге России проявления русофобии имеют свою специфику, что связано с особенностями исторического сознания местного полиэтнического населения, формировавшегося в процессе присоединения к России.

Русско-северокавказские отношения своим корнями уходят во времена образования древнерусского государства и существования русско-адыгского Тмутараканского княжества (X—XI вв.).

Но массовое проникновение русского населения на Дон, нижнее Поволжье и Северный Кавказ (т.е. современный Юг России) прослеживается по письменным источникам с середины XVI в.¹ К этому времени происходит складывание кавказской горской цивилизации².

В результате начинается противоречивый диалог двух различных по системообразующим факторам традиционных локальных цивилизаций. Под цивилизацией мы понимаем развивающийся, но устойчивый в своих типологических чертах и архетипах духовный, социокультурный и хозяйственный этнорегиональный комплекс. Его систематизирующие факторы — религиозно-нравственное мировоззрение, система экзистенциальных ценностей и табуирования, природно-ландшафтные условия и способы хозяйствования, формы государственно-политической организации, самоорганизации и правоотношений, которые проявляются в определенных пространственно-временных рамках уникально, разновекторно, получают раз-

¹ См.: Патракова В.Ф., Черноус В.В. Русские на Северном Кавказе: исторический экскурс // Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI в. Ростов-н/Д., 2002. С. 36.

² Черноус В.В. Кавказ: контактная зона цивилизаций и культур // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2.

ГЛАВА 5.

личную иерархию, что находит выражение в рождении и бытие самобытных региональных цивилизаций.

Исходя из этого, мы можем сравнить две цивилизации. Кавказская горская цивилизация определяется полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и различными течениями ислама), сочетанием высокогорья, предгорий и равнин, которое определяет взаимосвязь террасного земледелия, альпийского скотоводства и наездничества, закрепленных в своеобразных этических горских кодексах, психологических чертах, преобладанием неэтикетских форм самоорганизации. В XVII—XVIII вв. Кавказская горская цивилизация испытала сильное влияние исламской цивилизации (Персидская и Османская империи).

В XVI—XVII вв. складывается также дочерняя по отношению к византийско-славянскому миру (VI—XV вв.) Русская цивилизация³. Она по своим типологическим чертам и системообразующим факторам резко отличалась от кавказской горской цивилизации и северокавказской культуры.

Русская цивилизация определяется православным типом духовности и экзистенциальными ценностями, равнинными (лесо-степными) природно-ландшафтными условиями с относительно суровым климатом, общинно-артельными формами хозяйственной деятельности в условиях мобилизационного типа развития, государственностью как доминантной формой национальной самоорганизации, правовой культурой не абсолютизирующей формальный закон.

В XVI—XVII вв. диалог двух цивилизаций носил в целом взаимообогащающий характер, преимущественно ознакомительный, выражался в союзно-вассальных отношениях и в постепенном нарастании пророссийской ориентации владельцев и вольных обществ Северного Кавказа. Несмотря на военные столкновения, достаточно частые, ни междоцивилизационный конфликт между разными, но традиционными обществами, ни русофобия в регионе не фиксируются. Напро-

³См. подробнее: Патракова В.Ф. Черноус В.В. Русская (российская) цивилизация // Российская историческая политология. Ростов-н/Д., 1998.

ГЛАВА 3.

тив, источником пополнения южнороссийского казачества становятся представители горских народов, а некоторые этнические группы, включая чеченские тайпы, ведут свою родословную от русских. Княжеско-боярская элита Московского царства интегрирует в свой состав горскую знать, например, князья Черкасские заняли ведущие позиции в Боярской Думе XVI—XVII вв.⁴, а в 1613 г. конкурировали с Романовыми в борьбе за московский престол.

Положение меняется в XVIII в. Русская цивилизация начинает модернизироваться и становится ядром все более полиэтничной российской — уже не локальной, а трансрегиональной цивилизации, включившей в себя периферию других локальных цивилизаций, поглотившей в XVIII—XIX вв. Кавказскую горскую цивилизацию.

Кавказская горская цивилизация оказалась втянута в мировые геополитические и модернизационные процессы, борьбу за Кавказ великих держав Востока (Персия, Османская империя), России и Запада (прежде всего Англия и Франция), что привело ее к кризису.

Этнокультурные и этнополитические процессы развивались у народов Северного Кавказа неравномерно. У одних народов происходило уменьшение численности занимаемой ими территории, у других — наоборот, территория расширялась, а численность населения вырастала⁵. Ожилились миграционные процессы, которые были обусловлены как внутриэтническими противоречиями, так и были связаны с последствиями русско-турецких и русско-иранских войн. В ходе частых северокавказских междоусобиц каждая из борющихся сторон обращалась за помощью и поддержкой к России или ее противникам. Если кавказское российское командование поддерживало одну сторону, то другая получала поддержку Османской империи, Ирана и наоборот.

⁴ Мальбахов Б. К. Дзамихов К. Ф. Кабарда во взаимодействиях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Н., 1996.

⁵ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — нач. XX вв. М., 1974.

ГЛАВА 3.

Изменения в политике на Кавказе Российской империи, трансформация и модернизация российской цивилизации обострили русско-кавказские отношения, которые стали приобретать все более насильственные формы и переросли в Кавказскую войну (1818—1864 гг.). Внешняя угроза усилила процесс исламизации народов Северного Кавказа. Поэтому Кавказскую войну можно рассматривать как цивилизационно-культурный конфликт, прежде всего как конфликт ценностей в контексте геополитической экспансии России. Цивилизационно-культурные фобии проявлялись в XVIII—XIX вв. с обеих сторон: русские не понимали и не принимали основ кавказской горской цивилизации, а народы Северного Кавказа русских государственных порядков. В этот период формируются негативные стереотипы о русских, точнее российской власти, как жестоких завоевателей, но в этнофобию они не переходят. В войсках Шамиля было довольно много перебежчиков солдат и казаков, а в русской армии сражались представители практически всех народов Северного Кавказа.

Память о потерях в Кавказской войне, карательных акциях российских войск и последующей трагедии мухаджирства стали ядром болезненной исторической памяти, которая в мифологизированном виде и негативных стереотипах используется идеологами этнонационализма для периодической актуализации русофобии (ответственность русских за все исторические трагедии своих народов) в качестве импульса для начала этнической мобилизации под сепаратистскими лозунгами. При этом полностью игнорируются факты проявления конструктивности в проведении кавказской политики Российской империей, мирного сотрудничества и взаимообогащения культур. К началу XX в. Северный Кавказ в значительной степени был интегрирован в социокультурную систему империи.

После Октябрьской революции, принятия Декларации прав народов России (ноябрь 1917), провозгласившей право народов на самоопределение, единое государственное пространство распалось, а процесс суверенизации стал лавинообразным и перерос в Гражданскую войну. Одним из его послед-

ГЛАВА 3.

ствий стала сегментированность государственной власти: в границах отдельных областей, губерний и даже селений возникали многочисленные республики, которые провозглашались большевистскими и антибольшевистскими, включая националистические, силами. В годы Гражданской войны социальный и этнический факторы были переплетены теснейшим образом вокруг земельного вопроса. Реализация на Северном Кавказе Декрета о земле привела к попытке ликвидировать чересполосицу и перераспределить в пользу горцев и бедняков помещичьи, казенные, церковные и казачьи земли, что вылилось на местах во взрыв крайних форм взаимной ксенофобии, в резню и выселение казачества.

С приходом в феврале 1919 г. Добровольческой армии генерала А.И. Деникина казаки и горцы поменялись ролями, на горцев обрушились карательные экспедиции за поддержку большевиков и антиказачьи акции. Организаторы красного и белого террора с равной жестокостью обходились с аулами и станицами, если они вставали на противоположную сторону. В результате в горской и казачьей среде разжигались противоречия и настроения ксенофобии.

В то же время в массовом сознании сохранялись и преобладали идеи обеспечения порядка и спокойствия, как на местах, так и в целом в крае. Поэтому постоянно возобновлялась тенденция к объединению возникающих административно-политических единиц Северного Кавказа друг с другом как большевиками, так и их противниками: Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, Северо-Кавказская республика, Горская республика, Горская советская республика и др.

Победа Советской власти на Северном Кавказе создала предпосылки для преодоления центробежных тенденций и положила начало социальной инженерии, этносоциальному и этнокультурному конструированию, а также экспериментам в национально-государственном строительстве. Право наций на самоопределение в рамках Советской Федерации реализовывалось в форме права этнотерриториальных образований

ГЛАВА 3.

на объединение с Россией в разнообразных формах советской автономии⁶.

Национальным территориям были возвращены этнические названия. Следует отметить, что в условиях Северного Кавказа определение границ национальных территорий без ущемления интересов тех или иных этносов было объективно невозможным. Постоянные изменения внешних и внутренних административных границ носили часто хаотичный и произвольный характер. Положение осложнялось как исторически сложившимся чересполосным проживанием различных народов, так и проблемой конструирования того или иного этноса, исходя из марксистских критериев нации или народности. Большевики фактически отождествили естественный генезис этнонаций, решение национального вопроса с социально-экономическими преобразованиями и целенаправленными преобразованиями в культуре на основе марксистского мировоззрения — культурной революции.

Первоначально (Декрет ВЦИК 20.01.1921) были созданы две полиэтнические автономии, объединяющие основные горские народы — Дагестанская АССР и Горская АССР в составе РСФСР. В основе высокого уровня ксенофобии в этот период — острота аграрного вопроса, антагонизм, сложившийся в ходе гражданской войны, между горцами и казачеством (практически со значительной частью всего русского населения) вылились в репрессии и выселение казачества, принадлежавшие которым земли вновь занимали горцы⁷. Казакофобия, расправы над казаками, санкционированные сверху, приобрели такие масштабы, что И.В. Сталин на съезде народов Терской области (17 ноября 1920) резко заявил: «Советская власть долго терпела, но всякому терпению бывает конец. И вот, вследствие того, что некоторые группы казаков оказались вероломными, пришлось выселить провинившиеся станицы и заселить их

⁶ Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917—1941). Майкоп, 1995.

⁷ Тонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса (20—30-е гг.). Ростов н/Д., 1997.

ГЛАВА 5.

чеченцами. Горцы поняли это так, что теперь можно терских казаков безнаказанно обижать, можно их грабить, отнимать скот, бесчестить женщин. Я заявляю, что если горцы думают так, они глубоко заблуждаются. Горцы должны знать, что Советская власть защищает граждан России одинаково, без различия национальности, все равно, являются ли они казаками или горцами. Следует помнить, что если горцы не прекратят бесчинство, Советская власть покарает их со всей строгостью революционной власти».⁸ Однако, реально политика в отношении казачества изменилась лишь в 1925 г.

Аграрный вопрос в ГАССР пытались решить не только за счет казачества, но и за счет передела земель между горскими народами и внутри них между различными обществами. Такая политика с произволом и бюрократическими злоупотреблениями, жертвами продолжалась в 20—30-е гг., когда в условиях советской модернизации проводилось переселение чеченцев, ингушей, осетин, карачаевцев и других из горных районов на плоскость. Столь интенсивные и сжатые во времени изменения оказывали существенное влияние на этнокультурные процессы у горцев.

Обострение межэтнических процессов сделало нежизнеспособной ГАССР и начался созревший в ее недрах переход к автономии отдельных народов: были образованы Кабардинская, а затем Кабардино-Балкарская Автономная область, Карачаево-Черкесская АО, Чеченская АО (1921), Северо-Осетинская АО, Ингушская АО, Сунженский округ (1924). В 1922 г. из Кубано-Черноморской области была выделена Черкесская (Адыгейская) автономная область.

В результате неоднократных административно-территориальных преобразований этническая карта Северного Кавказа существенно изменилась. Естественные этнические процессы оказались заменены советским нациестроительством на основе теорий по национальному вопросу, которые противоречиво и спорно, а подчас искусственно, ассиметрично и разностатус-

⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 395—396.

ГЛАВА 3.

но делили народы на нации, народности, национальные группы, для чего в одних случаях форсировали этническую консолидацию, в других не допускали или сдерживали ее, соответственно управляя национально-государственным строительством, объективно сея латентные зерна взаимных ксенофобий.

К середине 30-х гг. советская модернизация добилась значительных успехов, коренным образом изменив социально-экономическую и этнодемографическую структуру Северного Кавказа. Репрессивный режим, утвердившийся в 30-е гг., исключил открытые проявления этнофобии.

В годы Великой Отечественной войны культурная инфраструктура Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области, других оккупированных территорий в значительной степени оказалась разрушенной в ходе военных действий и политики фашистских оккупационных властей. Значительный ущерб был нанесен социокультурному потенциалу всех республик Северного Кавказа. Тяжелейшие последствия для развития культуры народов Северного Кавказа имели репрессии и незаконные депортации некоторых народов. Во второй половине 1941 г. были депортированы немцы. В 1942 г. были выселены греки, которые проживали на территории Краснодарского края от Анапы до Сочи, а также турки, армяне на относительно небольшое расстояние, иногда в пределах Северного Кавказа.

В ходе освобождения территории Кавказа, захваченной фашистами, были сфабрикованы (с использованием отдельных фактов этнического коллаборационизма) материалы, на основании которых целые народы были обвинены в измене, военных преступлениях и подверглись репрессиям и депортации.

В 1943—44 гг. были депортированы более 478 тыс. чеченцев и ингушей, около 70 тыс. карачаевцев, более 93 тыс. калмыков, около 40 тыс. балкарцев, а также представители других народов всего более 680 тыс. чел. Кроме того, была ликвидирована их государственность, упразднены автономии, включавшие в качестве титульных депортированные народы⁹.

⁹Л.Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995

ГЛАВА 5.

Репрессии по этническому принципу привели к разрыву названных народов со своим месторазвитием, природной средой обитания. Огромные людские жертвы, потеря материальной базы для развития модернизированной культуры привели к актуализации механизмов воспроизводства традиционной культуры карачаево-балкарцев, чеченцев и ингушей и других репрессированных народов, росту ее закрытости. Историческая память о несправедливых и незаконных репрессиях, накладываясь на сохраняемые воспоминания о Кавказской войне и ее последствиях, дали кумулятивный эффект в национальном самосознании и становятся идеологическим механизмом этнокультурной и этнополитической мобилизации как условия выживания этносоциумов, важнейшим элементом которой в то же время была актуализация ксенофобии.

В послевоенные годы идеологическая мифологема «дружбы советских народов навеки», образ русского народа как старшего брата, реальная роль русских в развитии экономики, культуры всей социальной сферы Юга России, придавали русским престижный статус, а власть не допускала открытых проявлений ксенофобии.

В конце 80 — нач. 90-х гг. XX в. кризис социалистической идеологии, составлявшей мировоззренческую основу системной целостности метанациональной общности советского народа и его культуры, ведет к сегментации постсоветского культурного пространства, оно становится мозаичным, много-составным, состоящим из типологически различных культурных систем.

Культурное пространство региона сегментируется на традиционного типа северо-кавказскую культуру (состоящую из многочисленных этнотрадиционных культур) и близкую к ней по ценностной системе исламскую, русскую национальную (включая казачью традиционную культуру), «советскую» и современную массовую западную культуру, находящихся в состоянии латентной и открытой конфликтности¹⁰.

¹⁰ Черноус ВВ. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа. 1993. № 3.

ГЛАВА 3.

Системный баланс культур, сложившийся на Северном Кавказе, оказался разрушен, что привело к всеобщему кризису не только советской идентичности, но и российской. Стремясь подтолкнуть Россию к модернизации, на основе западнизации (американизации или европеизации), смене социокультурного кода культурная политика федеральных властей, деятельность электронных СМИ была направлена на дискредитацию всего, что было связано с Российской империей и СССР. Такая политика углубляла кризис русского национального самосознания, создавала образ русской культуры, как вторичной, якобы своего рода ретранслятора европейской, что в полиэтническом государстве не могло не иметь деструктивных последствий. Магнетизм, притягательность русской культуры, ее доминантная, интернациональная роль на Северном Кавказе стала утрачиваться, часть интеллигенции народов Северного Кавказа стала испытывать потребность дистанцироваться от «непристижной», «суррогатной» и «тупиковой» российской социокультурной системы и ее «пагубного» влияния как условие этнического самосохранения.

Военные конфликты, насилие, рост русофобии и сепаратистских настроений на постсоветском пространстве вызвали массовые вынужденные переселения. На Северном Кавказе демографическая катастрофа постигла Чечню, которую из-за политики режимов Д. Дудаева, А. Масхадова, и военных действий 1994—1996 и 1999—2000г., покинуло более 2/3 населения. Северная Осетия в 1989—1992 гг. приняла до 60 тыс. беженцев из Южной Осетии (Грузия), но затем в ходе территориального конфликта из-за Пригородного района было изгнано около 40 тыс. ингушей. В Ингушетию от военных действий бежала также значительная часть населения Чеченской Республики. Всего Северный Кавказ принял у себя более 20% имеющих в России вынужденных переселенцев и беженцев. В то же время продолжается отток русского и русскоязычного населения из республик Северного Кавказа. Основное сосредоточение вынужденных переселенцев, кроме Ингушетии, — Ставропольский и Краснодарский края, Ростовская область". Миграционные

¹¹ Вынужденные мигранты на Северном Кавказе. М., 1997.

ГЛАВА 4.

процессы оказывают растущее влияние на этнокультурную и этнополитическую ситуацию на Юге и в России в целом.

Все субъекты Российской Федерации на Северном Кавказе полиэтничны, в то же время около 40 этнических общностей живут компактно, в рамках этнотерриториальных образований, сохраняют язык и этническое самосознание.

Одним из факторов этнокультурного развития Северного Кавказа при переходе к открытому обществу в конце XX в. стало восстановление взаимодействия с диаспорами за рубежом до 3 млн. чел. (внутренние диаспоры, находящиеся на территории Российской Федерации, в целом находились и находятся в общем культурном контексте). Диаспоры народов Северного Кавказа, включая русскую диаспору, с одной стороны, сохранили формы и ценности традиционных культур своих народов, с другой стороны, частично вошли и восприняли культуру народов и стран, среди которых они расселились. Идет процесс синтеза двух моделей развития национальных культур, сложившихся в XX в. — на родовой исторической территории и в диаспоре. Одним из мотивов, проходящим через все формы духовной культуры диаспоры является тоска по родине и стремление вернуться¹².

Процессы демократизации, кризис российской идентичности привели к возобновлению многоканальности и прежде всего, каналов восточного культурного влияния и на этой основе актуализировали этническую, религиозную, северокавказскую и кавказскую самоидентификацию горских народов в цивилизационно-культурной оппозиции переходящей в фобии по отношению к России, русским.

В этих условиях переходного периода к современному открытому демократическому обществу модернизационные процессы наложились на этническую мобилизацию. В результате на Северном Кавказе, как и в других обществах в условиях кризиса и процессов дезинтеграции проявляется архаический синдром, т.е. возрождение комплекса архаических явлений,

¹² Магомедханов М. Дагестанцы в Турции. Мах., 1997; Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993.

ГЛАВА 3.

представлении, стереотипов и норм поведения, размывание или сужение сферы рационального, усиливается воздействие иррационального и чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, укрепляется мифологическое мышление¹³.

Этот процесс проявляется на разных уровнях и в различных формах. Актуализация традиционной культуры происходит для нынешнего поколения с того времени и состояния, как она пережила свою катастрофу, т.е. с XVIII — первой пол. XIX в. (до окончания Кавказской войны). В связи с этим выросло внимание к формированию исторического сознания горских народов, как фактора, определяющего этническое и панэтническое самосознание, а тем самым культурно-цивилизационную самоидентификацию. Прессу региона всех субъектов РФ на Северном Кавказе захлестнул поток псевдонаучных и наукообразных публикаций (монографий, статей, публицистики) по проблемам истории отдельных народов, которые в принципе проявляют между собой очевидное сходство в одном — в стремлении к чрезмерному приукрашиванию и преувеличению, вопреки фактам, былой исторической роли своих народов, в способах внушения им чувства собственной национальной исключительности и превосходства, идеи этноцентризма.

Как отмечалось в «Обращении участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения» к источникам — кавказоведам, ко всем представителям науки и образования» (апрель 1996 г.)), эти искажения и извращения «находят свое выражение в том, что на коренное этнолингвистическое, генетическое родство своих предков с шумерами, египтянами, этрусками, скифо-сарматами и другими теми или иными известными этносами древних эпох одновременно претендуют в разных республиках региона представители и тюркоязычных народов (балкаро-карачаевцы, кумыки)» и адыгов (кабарди-

¹³ *Пространство и время в архаических культурах. Мат-лы colloquium. М., 1992; Зобов Р.А. Келасьев В.Н. Мифы российского сознания и пути достижения общественного согласия. СПб., 1995 и др.*

ГЛАВА 4.

но-черкесы, адыгейцы) и вайнахов (чеченцы, ингуши), а формирование осетин прямолинейно связывают с индо-арийцами эпохи ранней бронзы вайнахов и англичан; о генетическом единстве касогов (предков адыгов) с китайцами или казаками, а тех же казаков с половцами; о принадлежности тюркам почти всех древних и средневековых кочевнических культур евразийских степей и о создании ими же нескольких ранних цивилизаций».

Вместе с тем доказывается, что предки современных этносов занимали огромные территории: «осетин — от Палестины до Британии, вайнахов — от Кавказа до Дона и Днепра, адыгов — от Малой Азии и Средиземноморья до Каспия, балкаро-карачаевцев и кумыков — от Средиземноморья до Каспия, балкаро-карачаевцев и кумыков — от Эгейского моря до Сибири и от Месопотамии до Поволжья и Урала»¹⁴.

Поток этой литературы достиг своего апогея в 90-е гг. и начал переключаться в школьные учебники,¹⁵ являясь интеллектуальной основой для накопления настроений ксенофобии. Протесты профессиональных археологов и историков в малолитражных изданиях тонут в потоке подобных паранучных теорий, которые определяют формирование массового исторического сознания, «этнических мифов» поколений, формирующихся в этот период. Внедрение в обыденное сознание мысли об «утраченных» территориях предков стимулирует взаимные территориальные претензии и фобии, а также предъявление «прав» на южнорусские области вплоть до Поволжья.

Сказанное относится и к возрождению южнорусского казачества (донского, кубанского, терского), социокультурная идентификация которого неоднозначно понимается его лидерами и идеологами, также активно использующими мобилизационный потенциал ксенофобии.

¹⁴ Научная мысль Кавказа. 1998. № 1. С. 56.

¹⁵ См. напр.: Школьные учебники «История Адыгеев: «за» и «против» / Под ред. проф. В.Б. Виноградова. Армавир, 2003.

ГЛАВА 3.

Очевидна тенденция ослабления доминантной роли российской культуры¹⁶ на Северном Кавказе и борьба за замещение ее западной массовой культурой и различными исламскими течениями. Северный Кавказ постепенно приобретает в цивилизационно-культурном отношении все более сущностные восточные черты, восстанавливает восточную, исламизированную ментальность, особенно на Северо-Восточном Кавказе.

Русофобия выступает в различных формах, не ограничивается формированием в учебной литературе и публицистике негативных стереотипов «русско-кавказская война», «русский фашизм» и т.д. Русофобия проявляется в выдавливании русских из престижных и доходных сфер политической, экономической жизни, культуры и высшего образования. С.И. Попов отмечает: «Фактически во всех республиках Северного Кавказа происходит вытеснение русскоязычного населения из властных структур, некоторых важных социально-профессиональных групп, из исторически сложившихся центров их проживания»¹⁷. На территории Ингушетии русских осталось менее 2%, в Дагестане за последние 10 лет доля русских сократилась с 12% до 6%, а в Северной Осетии с 50% до 30%. Но независимо от численности русские превратились в «политическое меньшинство» (М.В. Савва).

В наиболее и агрессивных формах русофобия проявилась в Чечне в 90-е гг. XX в., когда активно формулировалась соответствующая мифология. В ст.2 Устава Безапелляционной Судебной Коллегии ЧРИ отмечалось «Чеченская нация является этнической корневой частью Кавказской расы, одним из древнейших источников человеческой цивилизации, первоосновой духовности, прошла хурритскую, митганскую, урартскую культуры и выстрадала свою историю и право на достойную жизнь, стала образцом жизнестойкости и демократии...

¹⁶См. *Ханаху Р.А. Традиционная культура северного Кавказа: вызовы времени. Ростов-н/Д., 2001; УнежсвК.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Н., 1997 и др.*

¹⁷*Попов С.И. Русские на Кавказе — проблема государственная // Славянские народы на Северном Кавказе: проблемные вопросы. Ростов-н/Д., 2003. С. 10.*

ГЛАВА 3.

Русизм — это особая форма человеко-ненавистнической идеологии, основанной на великодержавном шовинизме, полной бездуховности и безнравственности. Отличается от известных форм фашизма, расизма, нацизма особой жестокостью, как к человеку, так и к природе, к самому Создателю Миров. Принцип действия — уничтожение всего и вся, так тактика выжженной земли. Отличается шизофренической формой мании мирового господства. Обладая рабской психологией, паразитирует на ложной истории, экспансированных территориях и народах. Русизму характерен постоянный политический, юридико-правовой, идеологический терроризм.

Русизм — национальная и государственная политика и идеология России»¹⁸. Еще более агрессивно звучит русофобский миф в книге известного идеолога северокавказского (дагестанского) сепаратизма и создания Кавказского халифата М. Тагаева: «Русская нация — это симбиоз финно-горских, славянских и тюркских племен, распыленный в сибирских, среднеазиатских и кавказских анклавах, никогда не имевшие национальной территории и конкретно очерченных национальных границ. Она никогда не представляла себя цельной нацией. Она привлекала к себе всю нечисть, что была в других народах... Весь этот сброд и составляет русскую нацию. Нацию душегубов, мародеров, пьяниц, насильников, беспредельщиков и уголовников. Они создали империю, для которой нет другого названия, кроме как империя насилия и зла, империя растлевателей, империя душегубов, империя уголовников, империя пьяниц и мародеров, империя-тюрьма, империя-зона! Помните, пока мы не избавимся от русско-московских колонизаторов, мы не сдвинемся с мертвой точки и не очистимся от их вековой скверны»¹⁹.

Идеология русофобии в форме крайней этнической ненависти, питалась мифами исторической вины русских перед кав-

¹⁸ Цит. по: Россия и Чечня (1990—1997). Документы и свидетельства. М., 1997 С. 211.

¹⁹ Тагаев М. Наша борьба, или повстанческая армия имама. Киев, 1997. С. Б—14.

ГЛАВА 3.

казскими народами, о русском питии как базовой культурной черте и т.д., насаждавшихся в том числе федеральными и местными СМИ. «Такое небрежение вполне способно быть обернутым в различную аффектационную оболочку: от презрения до сопереживания уже состоявшейся духовной катастрофе, жертвами которой русские стали в гораздо большей степени, чем кавказцы...»²⁰. В форме ненависти и презрения негативные стереотипы стали культурной легитимацией убийств, насилий и этнической чистки Чечни от русских. В менее масштабных формах агрессивные формы русофобии проявились и в других регионах Северного Кавказа, где «прямым силовым воздействием на русское население со стороны отдельных групп коренного населения»²¹ оно выдавливалась из национальных республик.

С конца 90-х гг. XX в. положение начинает меняться. Прямое насилие над русскими как проявление ксенофобии практически прекратилось. Разгром отрядов международных террористов и чеченских сепаратистов, ограничение этнонационалистической пропаганды и пропаганда толерантности ограничили проявления умеренной русофобии, которые никогда не были доминирующей чертой этнического самосознания народов Северного Кавказа и не перерастали в устойчивую этническую неприязнь.

Современные этнокультурные процессы на Северном Кавказе характеризуются неустойчивостью, противоречивостью взаимодействия традиционалистской, фундаменталистской и модернизационной альтернатив. Их конкуренция проявляется через архаический синдром, что имеет разрушительные последствия для культурного развития²². В Чечне он привел к бессмысленной войне, обернулся крахом всей социокультурной системы. Этот горький опыт привел известного чеченского историка и общественного деятеля проф. Д.Д. Гакаева к мысли, что «в интересах Российского государства по-

²⁰ Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий. Ч. II // Научная мысль Кавказа. 2001. №3. С. 47.

²¹ Народы Дагестана. М., 2002. С. 544.

²² Пути мира на Северном Кавказе. С. 99.

ГЛАВА 3.

мочь Чечне выбраться из порочного круга культурной отсталости. Чем больше молодых чеченцев получает образование в российских школах, вузах, приобщаются к российской культуре, тем быстрее исчезает существующее межэтническое напряжение. Вопрос стоит так: в пользу какой культуры сделают выбор современные поколения чеченцев? У России сегодня больше шансов решить эту проблему в свою пользу, ибо традиционная вайнахская культура давно стала составной частью российской культурной традиции»²³. То же можно сказать о всей северокавказской культуре.

Подобный выбор способен восстановить, складывавшийся последние два века баланс культур на Северном Кавказе, восстановить системное единство северокавказской культуры и ее синтез с российской культурой, ослабить механизмы поддержания взаимных фобий.

Русская культурная традиция никогда не ставила своей задачей полную ассимиляцию народов России, они все сохраняют самобытность своих традиций и культур, нравственных стандартов. Но два века со-развития объективно сблизили народы Северного Кавказа друг с другом, сделали его составной и яркой частью цивилизационно-культурного пространства России. Именно русская культура, взаимодействуя с этнотрадиционными культурами, усиливает общность северокавказской культуры и народов региона, создает почву для формирования установок толерантности. Как отмечают исследователи: «Прежде всего, в результате вхождения в состав Российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой, Северный Кавказ обрел черты той общности, которые позволяют говорить о нем как об историко-культурном, а не только экономико-географическом регионе»²⁴.

Кавказофобия выступает отражением русофобии на Юге России, их обострение с 80-х гг. XX в. взаимообусловлено. Спектр положительных и негативных стереотипов «кавказцев»

²³ Гакаев Дж. Чеченский кризис: истоки, итоги, перспективы. М., 1999. С. 122.

²⁴ Пути мира на северном Кавказе. С. 99.

ГЛАВА 3.

у русских достаточно широк и восходит к временам Кавказской войны XIX в. Как уже отмечалось Кавказскую войну можно рассматривать как открытый вооруженный конфликт двух разных по структурообразующим факторам и находящихся на различных стадиях цивилизаций: модернизирующейся российской и традиционной кавказской горской. Цивилизационно-культурный конфликт приобрел титанический характер полувеквой войны и породил, на первый взгляд, парадоксальный феномен: романтический образ кавказца и цивилизационно-культурную фобию в отношении горцев²⁵. Эта раздвоенность отразилась в русской литературе, публицистике, научных трудах, а через них в бытовом сознании. М.Ю. Лермонтов воспевал поэтичность Кавказа и свободолюбие горцев («Как я любил, Кавказ мой величавый, твоих сынов величественные нравы»). Ему вторила Е.П. Лачинова, говоря о горских набегах: «Это не европейский разбойник, у которого нет ничего святого. Я еще не встречал между черкесов примера личного коварства или постыдного душегубства... Я люблю его честность! Возьмите черкеса, разберите его как человека — это что за семьянин! Как набожен! Он не желает отступничества, несмотря на тяжкие обряды своей веры. Как он трезв, целомудрен, скромнен в своих потребностях, как верен дружбе, как почтителен к духовенству, к старшим, к родителям. О храбрости нечего и говорить — она слишком известна»²⁶.

Она же отмечала, что «черкесов укоряют в невежестве, но взгляните на их садоводство, ремесла, особенно в тех местах, где наша образованность не накладывала просвещенной руки своей, и вы согласитесь со мной, что они не такие звери, какими привыкли мы их почитать»²⁷.

Взаимная жестокость в затянувшейся войне, при сохранении романтических стереотипов, рождает новое видение рус-

²⁵ См. подробнее: Патракова В. Ф. Кавказская война в общественном сознании России первой трети XIX в. // *ESSE quam videri: памяти Ю.И. Серого*. Ростов-н/Д., 2003. С. 144—160.

²⁶ Хамар-Дабанов Е. Прodelки на Кавказе. СПб., 1844. С. 202—203.

²⁷ Там же. С. 203.

ГЛАВА 5.

ско-кавказских взаимоотношений и образа горцев. В 1829 году А.С. Пушкин отмечает, «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ: аулы их разорены, целые селения уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единомышленникам. Дух древнего их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, иногда на пехоту и бегут завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Зде́шняя сторона полна молвой о их злодействах»²⁸.

Романтическое восприятие кавказцев в русской классике, затуманенное «величием гор», с самого начала имело свою позицию у чиновников: «В России общее мнение о горцах довольно лестное: их привыкли воображать какими-то рыцарями. Но чем больше знакомишься с ними, чем чаще приходишь с ними в столкновение, тем резче выясняется ошибочность такого мнения... Чуждые благородства, незнакомые с великодушием, корыстолюбивые и вероломные, они в высшей степени исполнены себялюбия и самосохранения. Самая их пресловутая храбрость есть кровожадность или рассвирепелость дикого зверя. Напасть на безоружного, убить слабого, зарезать сонного—дело не только обыкновенное, но и обычное... Гостеприимство горцев также ниже того, как привыкли воображать его: без расчета туземец не испечет гостю чурека, не зарежет барана... Умственное развитие далеко опередило нравственное»²⁹.

Российские кавказоведческие исследования XIX в. перекликались с чиновничьими воззрениями. Практически все историки обосновывая насильственные методы «цивилизаторства» на Кавказе, подчеркивали социальную и культурную отсталость горцев как якобы их природную черту³⁰. Н.Я. Данилевский подчеркивал:

²⁸Пушкин А.С. Соч. в 3-х т. Т.3. М., 1987. С. 378.

²⁹Грабовский Н. Ф. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 20—21.

³⁰См.: Черноус В.В. Отечественная историография народно-освободительных движений на Северном Кавказе в 20—50-х гг. XIX в.: наука в контексте политического процесса// Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 50—64.

ГЛАВА 3.

«Кавказские горцы и по своей фанатической религии, и по образцу жизни, и по привычным, по самому свойству обитаемой ими страны — природные хищники-грабители, никогда не оставлявшие и не могущие оставлять своих соседей в покое»³¹.

В фундаментальных работах Н.Ф. Дубровина, А.М. Зайончковского, П.И. Ковалевского, П. Романовского, С.С. Эсадзе и др. горцы именовались исключительно «разбойниками», «хищниками», «злодеями», как «дикие племена», противящиеся развитию «образования и народного благоустройства»³².

После окончания Кавказской войны и трагедии мухажирства быстрыми темпами стала осуществляться колонизация русскими переселенцами земель, которые ранее в основном принадлежали горцам. Наряду с процессами взаимодействия и взаимовлияния, постепенной интеграции горцев в социокультурную систему империи, переселенцы, а это были в основном крестьяне, сталкивались с насилием и грабежами со стороны части местного населения, которые в свою очередь жестоко подавлялись, как и любые формы сопротивления дискриминационной в отношении горцев политики империи.

Вместе с колонизацией на Кавказ приходит иной русский персонаж, иной наблюдатель. Это уже и не гребенской/терский казак, который горцу — кунак и родственник (или «заклятый враг», но — «той же натуры»). Это уже и не имперский чиновник, рассуждающий о нравах горцев как чем-то податливом и встречающий их в приемной своей резиденции. «На авансцене появляется русский обыватель, одинокий и тревожный. Он не имеет ни сил играть роль цивилизатора, ни желания внимать романтической любви к высокому рыцарскому этосу горцев. Нет у него и какой-либо склонности истолковывать ненависть к себе в категориях причинно-следственных связей «характера» и «климатических условий». Он внемлет только самой враждебности и видит в горском характере угрозу своему миру, своей чести и достоинству. Его приговор — отсутствие у горцев

³¹Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1895. С. 37.

³²Башиев Н. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис, 1914. С. 4—5.

ГЛАВА 5.

великодушия — является признание того, что романтическое «величие души горской» оказалось пустышкой, обманом.

Молчаливая неприязнь-страх к эксцессам архаичной «рыцарской» культуры становится доминантой нового образа горцев, далекого от былого романтического»³³.

Утверждение русских государственных порядков на Северном Кавказе наталкивалось на неприятие горским населением и порождало кавказофобию. Выявление причин этого явления делает необходимым небольшой исторический экскурс, позволяющий выявить социокультурные корни некоторых элементов политической культуры современных горских народов.

До присоединения к России в конце XVIII — I пол. XIX вв. ядро традиционной культуры (включая потестарную) горских народов Северного Кавказа составляли морально-этические кодексы, формирование которых связано с феноменом наездничества³⁴ или, так называемой, набеговой системой.

Экономика горских народов основывалась на сочетании скотоводства и земледелия с другими производящими отраслями. Однако, производящее хозяйство в горных природно-ландшафтных условиях не могло удовлетворить всех потребностей местного населения, особенно молодежи. Дополняющую роль играли работорговля и набеги жителей горных селений на равнину, Грузию, казачьи станицы и русские крепости. Русские власти стремились пресечь работорговлю, но наталкивались не только на сопротивление местной знати, но иногда и рабов, рабынь, для которых в случае продажи появлялся шанс «сделать карьеру» в гареме высокопоставленного турка или в войсках Османской империи. Генезис наездничества горцев исторические источники фиксируют в XIП — XIV вв., но как система они проявляются с XVII в.³⁵ В XVII — нач. XIX вв.

³³ Цуциев А. А. русские и кавказцы: очерк привычных восприятий Ч. 1 // Научная мысль Кавказа. 2001. № 2. С. 70.

³⁴ Ханаху Р. А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. РОСТОФ-ЫД., 2РО) С. 85

³⁵ Мегреладзе Д. Г. Из истории грузино-дагестанских взаимоотношений/? Мацне, 1967, № 6; Гамрекелли В. Н. Социально-экономическая почва развития «Ле' наноба» в XVIII в. // Мацне, 1972. № 1; Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала, 1980 и др.

ГЛАВА 4.

у многих народов Дагестана, чеченцев, ингушей, адыгов, тушин и др. набеги становятся своего рода промыслом: захватывалось продовольствие, скот, пленные для работорговли или выкупа и т.п. В ответ на требование российского генерала Румянцева прекратить набеги горцы в XVIII в. заявили: «Набеги и грабеж наше занятие, как ваше — хлебопашество и торговля»³⁶. Часть пленников продавали на сторону, другая оседала в хозяйствах «наездников» в качестве рабочих рук, «иногда составляя для всей дружины объект коллективной эксплуатации»³⁷.

В тоже время набеги совершались не только ради военной добычи, но были одной из форм социализации горской молодежи. Как отмечал И.Бларамберг (1834 г.), «ингуши рассматривают охоту, грабительские набеги как самые достойные занятия для молодежи: они зачастую грабят не из нужды, а чтобы прославиться»³⁸. Аналогичные наблюдения делали и многие другие авторы в отношении большинства народов Северного Кавказа. Так, черкесы поясняли итальянцу Ксаверио Главани (нач. XVIII в.), что набеги «дают нам возможность развивать воинственный дух в молодежи»³⁹. И. Клингер писал о чеченцах: «При существующем в народе равенстве, уважение и почетное звание приобретаются богатством, ловкостью и заслугами, удачами в набегах»⁴⁰.

В практике создания военных отрядов для совершения набегов Ю.Ю.Карпов усматривает косвенное использование социальных связей характерных для мужских союзов, которые выступали автономной частью горских общин⁴¹. Будучи порождением

³⁶ Цит. по: Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М. 1994. С. 110.

³⁷ Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. №2. С. 21.

³⁸ Бларамберг И. Историческое, топографическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 343.

³⁹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов. Нальчик, 1974. С. 163.

⁴⁰ Кавказ. 1856. №97.

⁴¹ Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 122, 147.

ГЛАВА 3.

общины, молодежные мужские союзы иногда вступали с ней в конфликт: «молодые люди, настроенные, как правило, радикально, нападают на осторожность старейшин. Иногда дело доходит до драк, и несколько раз проливалась даже кровь. Особенно члены общества, виновные в нескольких преступлениях, те, кто находится под подозрением властей, всеми возможными средствами стараются возбудить молодежь, сколотить из них своих приверженцев, способных защитить их от суда джамаата»⁴².

Набеги были хорошо организованы, носили систематический характер, модели сбора военных отрядов и организации набегов были очень сходными у различных горских народов. У горских народов выработался своеобразный культ наездничества, оказавший влияние на формирование горского менталитета, своеобразного рыцарского духа, правил поведения, воинской доблести и т.п., особенно у адыгов⁴³.

В тоже время, у горских народов сохранялись сильные общинные традиции, которые проявлялись в убийстве или изгнании местных или пришлых князей, а также непомерно возвысившихся удальцов, героев. Такова знаменитая «Пши-орк зау» (война против князей и дворян) у адыгов или предание у чеченцев: «Если кто-нибудь из нашей среды желает возвыситься и заделаться князем, находится всегда человек, который убивает его»⁴⁴.

По мере распространения ислама одной из целей набегов становится утверждение новой религии⁴⁵. И.П.Петрушевский выявил, что с середины XVIIIв. определяющим становится «коммерческий» фактор набегов, которые превращаются в организованную охоту за людьми в целях получения прибыли (работорговля, выкуп)⁴⁶. В качестве идеологического обоснования

⁴² Цит. по: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 127.

⁴³ Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени. Ростов н/Д., 1997; Бгажноков Б.Х. Адыгская этика Нальчик, 1999 и др.

⁴⁴ Ошаев Х.Д. Малхиста//Революция и горец. 1930. № 8. С.65.

⁴⁵ Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931. С. 3.

⁴⁶ Петрушевский И.П. Джаро-Белоканские вольные общества первой трети XIX столетия. Тифлис, 1934. С. 19.

ГЛАВА 4.

набегов стали использоваться исламские представления о делении мира на две части: мусульман и неверных, толкования некоторых сур Корана как поощрение войны, в том числе, и ради добычи (1/5 часть добычи передавалась мусульманскому судье Кадию, который стал играть заметную роль в организации набегов).

В годы Кавказской войны (1818—1864) этнические кодексы горцев подверглись сильной эрозии, что сказалось на характере наездничества, которое выродилось в откровенный разбой. Это отметил один из видных адыгских просветителей А.-Г. Кешев: «самый способ ведения войны, принявший с самого начала партизанский характер, не разбиравший средств к достижению предположенной цели, извратив рыцарские понятия древнего черкесского наездничества, заставил адыгские племена употреблять в видах самосохранения и возмездия много таких уловок, которые не вытекали вовсе из духа народа и считались бы им, при других обстоятельствах, унижительными для чести наездника»⁴⁷.

Тема набегов и добычи романтизируется и становится традиционной эпосе и фольклоре⁴⁸. В одной из чеченских народных песен это звучит так: «Я положу ЭДКу под голову моему молодцу-храбрецу. Он среди ночи, на вороном коне, не разбирая броду, переплывет Терек. Вот он подъехал к казацкой станице, перепрыгнул ограду Вот он схватил курчавого мальчугана; вот он увозит мальчугана... Мой храбрец-молодец продает мальчугана в Эндери, в Дагестан, и привозит мне подарок. То-то мы будем жить поживать с ним!»⁴⁹.

В этот период по свидетельству первого чеченца-этнографа У. Лаудаева (1872) в поговорку вошел возглас «Мир наш, кто кроме нас на свете!», который выражал состояние духа че-

⁴⁷Кешев А.-Г. Характер адыгских песен // Избр. произведения адыгских просветителей. М., 1980. С. 126.

⁴⁸Долгот У. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 116—117, 192, 198.

⁴⁹Потто В.А. Кавказская война. Т. 2. Ставрополь, 1994. С. 65.

ГЛАВА 4.

ченцев, когда «поступкам их нет ответа, преступлениям — возмездия»⁵⁰.

Легитимация в народном сознании горских народов наездничества и набегов отразилась на романтизации абречества — террористической формы народно-освободительной борьбы горских народов Северного Кавказа. Юридически идейная форма абречества была не отделимой от обычных разбоев. Пользуясь поддержкой местного населения, укрываясь с его помощью от преследования полиции, казачества и войск, абреки действовали небольшими группами или индивидуально. Абреки убивали представителей царской администрации, грабили банки, поместья, захватывали в плен помещиков, состоятельных людей независимо от этнической принадлежности с целью получения выкупа⁵¹. С 1901 по 1913 гг. самым известным абреком был чеченец Зелимхан Гушмузукаев из селения Хорочой, приобретший славу народного мстителя в результате ряда успешных ограблений и убийств чиновников, офицеров.

Совместить подобные традиционные институты горских народов с государственно-правовой системой империи было невозможно, что и являлось одним из источников кавказофобии, представления о горцах как неподдающихся «цивилизаторству» у самых различных слоев населения городов, станиц, сел, как русских, так и грузинских, армянских.

Поэтому внимание местного русского населения все чаще в рутине обыденной жизни фиксирует факты проявления русофобии: «Проезжая по (их) селениям, зачастую можно наткнуться на кучку едва поднявшихся от земли мальчуганов и девочек, которые, посылая проезжему русскому плевки, сопровождают это самую отборную русскою бранью. Естественно, что такое направление с детства, поддерживаемое потом все-

⁵⁰Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. 172. Вып. 7. С. 26.

⁵¹Марченко Г. В. Россия на Кавказе. Военно-исторический аспект национальной политики Северо-кавказском регионе в 20—90-е гг. XX в. Ростов-н/Д, 1999. С. 7.

ГЛАВА 4.

возможными способами и в более зрелом возрасте, не могло дать залогов дружелюбного отношения к нам — русским»⁵², хотя доминирующими тенденциями в конце XIX — начале XX в. становятся процессы взаимной адаптации.

В периоды кризиса российской (советской) государственности политический бандитизм в форме набегов и «абреческого террора» воспроизводился в годы гражданской войны, в середине 20—30-х, в годы Великой Отечественной войны. Центрами возрождения «набеговой политической культуры» были горные районы Кавказа в меньшей степени затронутые советской модернизацией, сохранившие традиционные социальные связи и ментальность.

Тем не менее, кавказофобия стала табу к 30-м годам XX в., что определялось значительной ролью представителей кавказских народов в руководстве советской государственно-примирительной системы. Образ кавказца был романтизирован в литературе, киноискусстве. Исключения составили фобии в отношении репрессированных народов, но после проведения депортации режим не допускал их актуализации.

Прежние страхи и прежние конфликты полностью поглотились силой новых потрясений. Советский социальный эксперимент породил новые надежды на цивилизаторскую миссию, и эти надежды, подкрепленные мощью государства, в серьезной степени ослабили русские фобии в отношении кавказцев.

В 50—70 гг. XX в. кавказофобия в Советском Союзе не проявлялась открыто, но существовала латентно. Новая вспышка кавказофобии связана с 80—90 гг. XX в. «Двумя самыми существенными основаниями для возвращения фобий в русское восприятие Кавказа были утверждение кавказского торговца на рынках русских городов, а также постепенное и неуклонное становление системы этнической стратификации в северокавказских республиках. Эту стратификацию можно определить как расслоение на «титовых», коренных (или

"Грабовский Н. Ф. Ингуши // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 19 и др.

ГЛАВА 4.

«полноправных») и «нетитульных», некоренных (с неявно усе-
ченными правами)»⁵³.

Актуализация традиционной культуры народов Северного Кавказа в условиях кризиса и растущей этнической асимметрии⁵⁴, реконструировала прежние фобии, основанные на неприятии специфики и основных ценностей, противоречащих модернизации. Но она же пробудила и новые — в контексте которых представители народов Кавказа стали рассматриваться девиантами как собственной, так и в целом советской культуры. Оба типа фобий были закреплены в неуклюжем стереотипе «лицо кавказской национальности», в котором были сфокусированы основные современные виды социальных девиаций и которым охотно злоупотребляли все виды средств массовой информации.

Чеченский кризис, терроризм, взрывы домов в Москве и других городах привели к появлению чеченофобии, которую можно рассматривать как один из крайних инвариантов кавказофобии.

Кавказофобия проявляется на Юге России не так остро как в мегаполисах Москвы и Санкт-Петербурга, но существует в достаточно многообразных формах. Кавказофобия проявляется в СМИ казачьих организаций, в ходе полемики между славянскими и национальными движением кавказских народов, в проведении региональной миграционной политики, действиях силовых структур. Актуализация кавказофобии происходит в связи с террористическими и другими насильственными акциями сепаратистов.

Современная кавказофобия не отделима от *мигрантофобии*. Старожильческое население не испытывает фобий (хотя имеет не только позитивные, но и негативные стереотипы) в отношении своих соседей другой этнической принадлежности. Юг России является одним из основных принимающих регионов, а значительную часть легальных и нелегальных мигран-

⁵³ Цуциев А.А. Указ соч. С. 71.

⁵⁴ См. подробнее: Денисова Г.С. Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-н/Д., 2003.

ГЛАВА 4.

тов и вынужденных переселенцев представляют кавказские этнические группы: турки-месхитинцы, армяне, чеченцы, даргинцы и др. Тем не менее факторы формирования мигрантофобии иные: резкое изменение этнодемографической ситуации в регионе, ухудшение ситуации на рынках труда, обострение жилищных проблем, социально-льготная конкуренция, ухудшение криминогенной ситуации и др.⁵⁵ Большинство конфликтов мигрантов и прижимающего населения обычно заканчивается требованиями выселения мигрантов. Но в стабильных условиях мигрантофобия не значительна⁵⁶. Наиболее сильные настроения мигрантофобии в Краснодарском и Ставропольском краях⁵⁷, слабее в Ростовской области.

Аналогичные механизмы лежат в проявлении ксенофобии в отношениях между кавказскими народами: грузинами и абхазами, грузинами и осетинами, адыгами и карачаево-балкарцами и т.д.⁵⁸ Исторически между кавказскими народами преобладали толерантные отношения, взаимодействия и взаимовлияния во всех сферах жизни. Но в условиях распада постсоветского пространства, кризиса идентичности и социально-экономического кризиса актуализировались негативные стереотипы, основанные на исторических обидах, территориальных и экономических противоречий, в том числе как следствие манипулирования со стороны этнических и региональных элит.

Антисемитизм — обычно рассматривается как основная и наиболее социально-опасная форма этнофобии⁵⁹. Не отрицая

⁵⁵ *Ракова И.В. Факторы формирования конфликтной мигрантофобии // Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преследования. Ростов-н/Д., 2002. С. 136—137.*

⁵⁶ *Повышение открытости общества и динамика толерантности. Ростов н/Д., 2003. С. 132.*

⁵⁷ *Савва М.В., Савва Е.В. Пресса, власть и этнический конфликт. Краснодар, 2002; СМИ и межэтнические отношения в Краснодарском крае. Краснодар, 2003; Авксентьев В.А. и др. Ставрополь: этноконфликтологический портрет. Ставрополь, 2002 и др.*

⁵⁸ *См.: Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1997. С. 94—118 и др.*

⁵⁹ *Кислицын С.А. Угрозы безопасности: национализм и антисемитизм. Ростов-н/Д., 2000; Нетерпимость в России. Старые новые фобии. М., 1999 и др.*

ГЛАВА 4.

опасность антисемитизма для безопасности общества и государства необходимо признать, что он на современном Юге России проявляется незначительно. Это связано как с массовым выездом евреев в Израиль и США, так и со слабеющими антисемитскими предубеждениями, которые на Юге России исторически (в отличие от Украины) не были сильны. На Юге России проживают две этнические группы евреев: горские евреи и ашкенази. Горские евреи (около 20 тыс. чел.) — потомки древнейших евреев, бежавших в результате Вавилонских завоеваний из Израиля на Кавказ через Иран. На Кавказе они подвергались гонениям в период имамата Шамиля, пользовались защитой российской военной и гражданской администрации и не подвергались ограничениям, которые были в черте оседлости. В советский период горские евреи ассимилировались с татами, в то время как большая часть татов идентифицировала себя с азербайджанцами⁶⁰. Миграция евреев-ашкенази на территории Юга России начинается с конца XVIII в. Дисперсное проживание, репрессии конца 40 — нач. 50-х гг. XX в., ограничения 70—80-х гг., миграция в Израиль усилили ассимиляционные процессы и привели к сокращению численности ашкенази на Юге России (до 15 тыс. чел.).

Антисемитизм, тем не менее, встречается на бытовом уровне, в заявлениях некоторых политических партий и государственных деятелей. На наш взгляд, нельзя квалифицировать как антисемитизм отрицательное отношение мусульманского населения к политике Израиля на Ближнем Востоке, даже если подобные оценки носят тенденциозный характер, так как они ни как не влияют на отношение к евреям как этносу. Какая-либо дискриминация в отношении евреев в регионе отсутствует. Антисемитизм в наиболее яркой форме проявлялся в риторике бывшего губернатора Краснодарского края Н. Кондратенко в виде заклинаний против сионизма, а также в эпизодических высказываниях некоторых казачьих атаманов на Дону и Кубани⁶¹.

⁶⁰ См. Народы Дагестана. М., 2002. С. 519.

⁶¹ Савва М.В., Савва Е.В. Указ. соч.

ГЛАВА 4.

Эпизодически*; антисемитизм, как и русофобия, кавказофобия, исламофобия проявляются в актах вандализма на кладбищах и оскорбительных надписях на стенах.

Открытие формы антисемитизма проявлялись в период существования Чеченской Республики Ичкерия, в которой он тесно был переплетен с русофобией как в теории, так и в практике криминально-сепаратистского режима. Один из идеологов чеченского этницизма Дени Баксан связывал «русизм» и «сионизм» общими корнями и задачами, объявляя их проявлением сатанизма⁶².

Рассмотренные нами фобии вносят ситуативный характер, актуализированы социально-экономическим кризисом, особенно сказавшимся на национальных республиках региона. В то же время актуализация ксенофобии связана с негативными этническими и религиозными стереотипами, установками, сложившимися в имперскую и советскую эпохи. Поэтому, хотя межэтнические отношения на Юге России определяются в целом конструктивным взаимодействием, толерантностью, многочисленные фобии требуют постоянного внимания институтов гражданского общества и государства, чтобы искоренять и предотвращать проявления радикальных форм ксенофобии, угрожающих безопасности личности, общества и государства.

⁶² Дени Баксан. След сатаны на тайных тропах истории. Грозный, 1997. С. 157—159 и др.

ГЛАВА 4: СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Особую опасность ксенофобия представляет в таком уникальном многонациональном государстве, как Россия, оказывая серьезное влияние на социальную безопасность российского общества.

История свидетельствует, что потребность обеспечения безопасности относится к числу первостепенных основных мотивов деятельности людей и сообществ. Стремление к безопасности обусловило объединение людей в сообщества, государства, предопределило образование многих международных организаций и, в конечном счете, привело к созданию ООН, призванной обеспечивать безопасность всего населения Земли¹.

События 11 сентября в США придали проблемам обеспечения безопасности любого государства глобальный характер и заставили рассматривать практически все события общественной жизни через «призму безопасности».

Важное место в системе обеспечения безопасности любого общества, государства занимает социальная безопасность. Слабость системы обеспечения социальной безопасности оборачивается большими бедами: крушением государств, уничтожением народов, большими кровопролитиями, разрушением и гибелью материальных ценностей. Государства, общества, не проявляющие должной заботы о социальной безопасности страны, как правило, оказываются нежизнеспособными.

Крупные изменения в мире, прошедшие в различных областях жизни общества в 90-х гг. XX в., оказали на Россию самое прямое и кардинальное воздействие. Они сказались на всех сторонах ее международного и внутреннего положения. Все это выдвигает на первое место проблему обеспечения безопасно-

¹ Алешенков А/С. Комплексная безопасность объектов и субъектов сложных систем. М., 2001. С.6.

ГЛАВА 4.

сти, в которой по существу, фокусируется вся сложность процесса преобразований в России, являясь и условием, и целью реформирования страны.

Проблема создания в стране сильной, дееспособной государственности, опирающейся на устойчивую социальную систему, требуют изучения проблемы обеспечения комплексной социальной безопасности на строго научной основе с учетом всех аспектов этой многофакторной проблемы.

Стратегия укрепления вертикали власти, реализуемая Президентом России В. Путиным, строящаяся на признании определяющей роли власти, государства, политики в обеспечении благополучия, социально-экономического и культурного развития народов, населяющих страну, поддержании внутреннего порядка, управлении страной, осуществлении взаимодействия с другими государствами, направлена, прежде всего, на укрепление социальной безопасности России.

Проблема обеспечения социальной безопасности особо актуальна на Юге России, т.к. большая часть вызовов и угроз региону сосредоточена в социальной сфере. Поэтому обеспечение социальной безопасности в данном регионе являются для федеральных властей приоритетным. Проблемы социальной безопасности обсуждаются в обществе и существует множество вариантов решения этой задачи. Однако единого и целостного понимания путей ее решения к настоящему времени не достигнуто в силу различного видения как роли и места России в геополитическом раскладе мировых сил, так и путей ее дальнейшего развития.

Безопасность — феномен многоплановый. Само понятие «безопасность» не имеет устоявшегося содержания: оно употребляется и для характеристики положения, при котором отсутствуют угрозы кому-либо или чему-либо, равно как и для человека, личности, общества, государства, и для обозначения сложной дивилизационной проблемы. Последняя означает, что современная цивилизация вырвала человека из пут природной опасности, позволила снизить степень влияния на общество, и в то же время поставила на грань глобальной катастро-

ГЛАВА 4.

фы в результате антропогенной деятельности, непрекращающихся международных и социальных конфликтов.

В английском Билле о правах 1689 г.², безопасность поставлена в один ряд с единением, миром и спокойствием народа и благосостоянием государства; в американской Декларации независимости 1776 г.³ создание гарантий своей безопасности объявляется правом и обязанностью народа, а задачей власти — обеспечение людям безопасности и счастья; французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., прямо провозгласила, что безопасность наряду со свободой, собственностью и сопротивлением угнетению входит в число неотъемлемых естественных прав человека⁴.

В толковом словаре В. Даля безопасность трактуется, как «отсутствие опасности; сохранность, надежность». В советскую эпоху в академическом Словаре современного русского языка это понятие трактовалось так же, но в несколько урезанном виде — как «отсутствие опасности, сохранность».

Социальная безопасность является важной частью обеспечения национальной безопасности любой страны. Для России обеспечение социальной безопасности страны являлась на протяжении всего существования государства являлась важнейшей приоритетом деятельности элиты. В нынешних условиях предупреждение и нейтрализация внешних и внутренних угроз социальной безопасности является жизненно важными приоритетом сохранения российской государственности.

Для понимания сущности понятия «социальная безопасность» необходимо проследить генезис данного понятия.

В древности понимание не выходило за рамки обыденного представления и трактовалось как отсутствие опасности или зла для человека. В таком житейском значении термин «безопасность» употреблялся, например, древнегреческим филосо-

² Билль о правах // Международные акты о правах человека. Сб. документов. М., 1999. С. 17.

³ Декларация независимости 4 июля 1776 г. // Там же. С. 21.

* Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Там же. С. 32.

ГЛАВА 4.

фом Платоном. В средние века, согласно словарю Робера⁵, под безопасностью понимали спокойное состояние духа человека, считавшего себя защищенным от любой опасности. Однако в этом значении данный термин не вошел прочно в лексику народов Европы и до XVII в. использовался редко. Сравнительно редкое употребление на протяжении почти шести веков термина «безопасность» объясняется, в частности, тем, что с середины XIII в. все более широкое распространение получало иное понятие: полиция. Содержание его было чрезвычайно широким, оно трактовалось как государственное устройство, государственное управление, цель которого вообще благо и безопасность.

Широкое распространение в научных и социальных кругах западноевропейских государств понятие «безопасность» приобретает благодаря философским концепциям Т. Гоббса, Д. Локка, Ж. Ж. Руссо, Б. Спинозы и других мыслителей XVII—XVIII вв., которые утверждали, что государство имеет своей главной целью общее благосостояние и безопасность⁶. Поэтому термин «безопасность» получает в это время новую трактовку, означая состояние, ситуацию спокойствия, появляющуюся в результате отсутствия реальной опасности (как физической, так и моральной), а также материальные, экономические, социальные условия, соответствующие органы и организации, способствующие созданию данной ситуации.

Именно в этот период предпринимались первые попытки теоретической разработки этого понятия. Наиболее интересной представляется версия, предложенная Зоннеафельсом⁷, который считал, что безопасность — это такое состояние, при котором никому нечего опасаться. Для конкретного человека такое положение означало частную, личную безопасность, а со-

⁵Павленко С.З. Проблемы теории безопасности. Методология, концепция, обучение. М., 1995. С. 55.

⁶Тарасов Е.Н. Национальная безопасность России. М., 1994. С. 34.

⁷Гуцун ВВ. Понятие безопасности и ее предметно-объектные сферы. Вопросы правового регулирования//Сб. науч. реф. Всеросс. НИИ МВД РФ. 1994. № 151. С. 5

ГЛАВА 4.

стояние государства, при котором нечего опасаться, составляло общественную безопасность.

При таком теоретическом подходе в условиях постоянного присутствия каких-либо опасностей, исходящих от других людей, иностранных государств или стихийных сил природы безопасность выступала в качестве целевой установки, определяющей всю деятельность государства. «Безопасность собственная есть высший закон в политике...», — писал наш великий соотечественник Н. Карамзин⁸.

Весьма длительный промежуток времени в России термин «безопасность» употреблялся редко.

В «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года употреблен термин «государственная безопасность», но однопорядковый с «общественной безопасностью». Но уже через несколько лет в законодательстве прочно укрепилось понятие «охранения общественной безопасности» как деятельности, направленной на борьбу с государственными преступлениями и являющейся прерогативой политического сыска.

Впервые в российской научной литературе термин «государственная безопасность» мы встречаем в работах XIX в. Так, в частности профессор И. Тарасов отмечает, что опасность может иметь общее значение и частное. Однако такое различие не включает столь резкого обособляющего признака, на основании которого можно было бы правильно разграничить и сгруппировать меры борьбы с обоими этими видами опасности. Так, например, измена угрожает всей государственной безопасности, но она в то же время угрожает и безопасности частной; класс воров и мошенников посягает на имущество единичных лиц, но развитие этого явления угрожает и всему государству.

В этот период понятие «социальная безопасность» по своему содержанию совпадало с такими понятиями, как «безопасность Российской империи», «безопасность царской России», «безопасность государства». «...В нашей стране как до, так

⁸ *Ильяхин В.И. О состоянии национальной безопасности России // Русская мысль. 1995. №1/2/3/4/5/6. С. 2.*

ГЛАВА 3.

и после революции, в силу особенностей исторического развития общества и власти, термин «государственная безопасность» понимался гораздо шире — как безопасность общества», — заключает А. Малыгин⁹.

Советская юридическая наука и практика отказались от многих общепринятых терминов. Долгое время предпочтение отдавалось чрезвычайно широким и неопределенным понятиям «революционный порядок», «борьба с контрреволюцией».

В советский период термин «государственная безопасность» был введен в нашей стране в апреле 1934 г. при образовании в составе НКВД Главного управления государственной безопасности, которому были переданы функции ОГПУ при ликвидации последнего. При этом следует отметить, что термин «государственная безопасность» в известной мере отражал официальную точку зрения о приоритете интересов государства диктатуры пролетариата перед интересами общества в целом и интересами личности («общество для государства»). Термин «государственная безопасность» в 1936 г. был официально включен в текст Конституции СССР (пункт «и», статьи 14, главы 2) и начал употребляться в документах и актах органов советского государства, в советской правовой литературе. Долгое время этим термином пользовались без какого-либо разъяснения его значения. И только в 50-е гг. в юридической и специальной литературе стали предприниматься попытки глубоко проанализировать указанную проблему. Однако до недавнего времени изучение этих проблем не носило системного, комплексного характера и проводилось отдельными авторами в основном в рамках закрытых научно-исследовательских и учебных заведений КГБ СССР, ГРУ Генерального штаба и других учреждений¹⁰.

Глубокие изменения социальной и экономической ситуации в стране и мире в конце 80-х гг. потребовали серьезного пересмотра существующей концепции обеспечения безопасно-

⁹ *Ананьин В.А. Социальный прогресс. Безопасность. Этнонациональный фактор. Социально-философский анализ / Киев. воен. ин-т упр. и связи. К., 1997. С.110.*

¹⁰ *Жинкина И.Ю. Стратегия безопасности России: проблемы формирования понятийного аппарата. М., 1995. С. 120.*

ГЛАВА 4.

сти нашего государства. Это обстоятельство привело к тому, что, примерно с 1990 г., исследование проблем социальной безопасности выходит за рамки закрытых учреждений бывшего СССР и начинает разрабатываться российскими учеными.

Как мы видим, с древности понятие «социальная безопасность» употреблялось сначала в рамках общего понятия безопасности, начиная с 17 в. было включено в понятие «государственная безопасность», а затем, начиная с начала 90-х гг., стало употребляться как самостоятельное понятие, что связано с этапами развития социальной системы страны, ее ролью в обществе и государстве.

Анализ научной литературы по проблемам безопасности, опубликованной за последние 10 лет, показал, что границы понимания безопасности учеными нашей страны в сравнении с предыдущими закрытыми разработками в этой области существенно расширились. Так, если ранее безопасность, за редким исключением, рассматривалась только применительно к государству, затем и к обществу, то сегодня чаще всего безопасность рассматривается в отношении триединства личности, общества, государства. И сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения понятие «безопасность», «национальная безопасность», «социальная безопасность».

Необходимо отметить, что если проблемы общеметодологического, системного характера (к ним следует отнести труды: Арбатова А.,¹¹ Алексина В.¹², Гречко П.К.¹³, Жинкиной Н.Ю.¹⁴, Синецкого В.П.¹⁵, Белова П.¹⁶, Хмара Н.¹⁷, В. Мол-

¹¹ Арбатов А. Национальная безопасность России в многополярном мире / МЭМО. 2000. № 10. С.21—28.

¹² Алексин В. Новые ориентиры безопасности // Независимая газета. 2000. № 4. С. 1.

¹³ Гречко П. К. К вопросу о понятии «национальная безопасность» // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 94—106.

¹⁴ Жинкина Н.Ю. О понятии «безопасность государства» // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 9. С. 58—70.

¹⁵ Синецкий В.П. О понятийном аппарате общей теории безопасности // Военная мысль. 1994. № 8. С. 5—11.

¹⁶ Белов П. Законодательство и национальная безопасность России // Свободная мысль. 1996. № 7. С. 44—49.

¹⁷ Хмара Н. Межнациональные отношения и безопасность России // Россия и мусульманский мир. 1998. № 4. С. 18—26.

ГЛАВА 4.

чановского¹⁸, Манилова В.¹⁹, Илларионова Н.С.²⁰, Ильяхина В.И.²¹, Кургиняна С.²², Лупаиной О.В.²³, Митрохина В.И.²⁴, Игнатова В.Г., Таранцова В.П., Понеделкова А.В., Старостина А.М.²⁵), с точки зрения аксиологического подхода (Абалкин Л.И.²⁶, Мартынов Б.²⁷, Бабурин С.Н.²⁸, Загладин Н.В.²⁹, Митрохин С.С.³⁰, Михалкин Н.³¹, Мусихин Г.И.³², Окара А.Н.³³ и др.), экономической безопасности (Абалкина Л.И.³⁴, Алмаева М., Мехеда Н., Фомина А.³⁵, Корягиной Т.³⁶, Медведева В.³⁷,

¹⁸ Молчановский В. «Нация», «национальные интересы», «национальная безопасность» // Независимая газета. 1997. № 25. С. 4.

¹⁹ Манилов В. Национальная безопасность: ценности, интересы и цели // Военная мысль. 1995. № 6. С. 14—18.

²⁰ Илларионов Н.С. Безопасность России: системный подход // Безопасность. 1993. № 5.

²¹ Ильяхин В.И. О состоянии национальной безопасности России // Русская мысль. 1995. № 1/2/3/4/5/6. С. 1—2.

²² Кургинян С. Концептуальная безопасность и ее роль для России в XXI веке // Россия XXI век. 1995 № 11/12. С. 29—41.

²³ Лупаина О.В. Системные основы национальной безопасности России // Национальная безопасность и геополитика России. 1999. № 5. С. 95—96.

²⁴ Митрохин В.И. Концептуальные основы стратегии национальной безопасности России // Социально-политический журнал. 1995. № 6.

²⁵ Игнатов В.Г., Таранцов В.П., Понеделков А.В., Старостин А.М. Проблемы обеспечения общенациональной безопасности на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2000. С. 4.

²⁶ Абалкин Л.И. О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 1994. № 2. С. 14—15.

²⁷ Мартынов Б. Защита национальных интересов: опыт Латинской Америки и России: (национальная безопасность) // Свободная мысль. 1997. № 1. С. 106—112.

²⁸ Бабурин С.Н. Национальные интересы России на рубеже XXI в. М., 1995.

²⁹ Загладин Н.В. Национальные, национально-государственные интересы в системе международных отношений. М., 1995.

³⁰ Митрохин С.С. Потенциал национальных интересов // Полис. 2000. № 1.

³¹ Михалкин Н. Национальные интересы и национальные интересы России // Власть. 2000. №2

³² Мусихин Г.И. Деформирование механизма формирования национально-го интереса // Полис. 2000. № 1.

³³ Окара А.Н. Национальные интересы в эпоху «столкновения цивилизаций» // Полис. 2000. №1.

³⁴ Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4—13.

³⁵ Алмаев М., Мехед Н., Фамин А. Сущность и угрозы экономической безопасности // Власть. 1996. № 12. С. 38—42.

³⁶ Корягина Т. Экономическая безопасность: критерии, современное состояние и перспективы // Обозреватель. 1997. № 7. С. 34—41

³⁷ Медведев В. Проблемы экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 111—127.

ГЛАВА 4.

Михайленко А.³⁸ и др.). с точки зрения институционального подхода — (Лобов О.³⁹, Митюкова М.А.⁴⁰, Бачило И.Л., Сергеенко Л.А., Шорина Е.В.⁴¹, Гейвандов Я.А.⁴² и др.), геополитическом контексте — (Арсентьев М.В.⁴³, Артамонов В.А.⁴⁴, Бзежинский З.⁴⁵, Вахрамеев А.В.⁴⁶, Гаджиев К.С.⁴⁷, Подберезкин А.⁴⁸, Гливаковский А.К.⁴⁹, Дерюгин Ю.И.⁵⁰, Даниленко И.С.⁵¹, Дугин А.Г.⁵², Ивашов Л.Г.⁵³, Кисинджер Г.⁵⁴, Колосов В.А., Семенов В.А.⁵⁵,

³⁸ Михайленко А. Механизм обеспечения экономической безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 1996. №7. С. 119—127.

³⁹ Лобов О. Совет Безопасности России и национальные интересы страны // Международная жизнь. 1995. № 4. С. 15—22.

⁴⁰ Митюков М.А. Совет безопасности Рос. Федерации: становление и развитие правового статуса // Журнал российского права. 1997. № 9. С. 33—42.

⁴¹ Бачило И.Л., Сергеенко Л.А., Шорина Е.В. О правовом статусе органов управления в области безопасности. В сб.: Право и чрезвычайные ситуации / Отв. ред. Бринчук М.М., Колбасов О.С. М., 1992. С. 166—177.

⁴² Гейвандов Я.А. Организации обеспечивающие вооруженную защиту РФ (Правовые аспекты) // Государство и право. 1999. № 2. С. 45—64.

⁴³ Арсентьев М.В. Геополитика России. Стратегический успех: предпосылки и препоны // Национальная безопасность и геополитика России. 1999. № 3. С. 84—88.

⁴⁴ Артамонов В.А. Геополитика России и «ближнее зарубежье» // Национальная безопасность и геополитика России. 1999. № 2. С. 67—83.

⁴⁵ Бзежинский З. Вне контроля. Глобальный беспорядок накануне XXI в. / США: Экономика, политика, идеология. 1994. № 4. С. 5—9.

⁴⁶ Вахрамеев А.В. Геополитическое положение и внешняя политика России // СПб., 1998. № 2. С. 214—230.

⁴⁷ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.

⁴⁸ Подберезкин А. Геостратегическое положение и безопасность России // Свободная мысль. 1996. № 7. С. 86—101.

⁴⁹ Гливаковский А.К. Национальная безопасность России и геополитика // Кентавр. 1991. №4/5/6. С. 47—52.

⁵⁰ Дерюгин Ю.И. Россия в современном геополитическом пространстве и защита ее интересов // Национальная безопасность и геополитика России. 1999. № 5. С. 69—78.

⁵¹ Даниленко И.С. Геополитика и безопасность // Кентавр. 1994. № 2. С. 39—47.

⁵² Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997.

⁵³ Ивашов Л.Г. Новые реалии. Новая геосоциальная модель мира // Национальная безопасность и геополитика России. 1999. № 4. С. 63—85.

⁵⁴ Кисинджер Г. Рецепт хаоса // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 1.

⁵⁵ Семенов В.А. Этногеосоциальные аспекты безопасности России. М., 1998.

ГЛАВА 4.

Туровский Р.Ф.⁵⁶, Косов Ю.В.⁵⁷, Поздняков Э.А.⁵⁸ и др.) рассмотрены достаточно полно, то проблемы социальной безопасности освещены недостаточно полно. В силу этого научный интерес представляют работы: Николайчука И., Терехова В.⁵⁹, Серебрянникова В.⁶⁰, Анохина М.Г.⁶¹, Барсамова В.А.⁶², Ипполитова К.Х.⁶³, Жирикова А.А.⁶⁴, Макеева А.В.⁶⁵, Шаброва О.Ф.⁶⁶, Чумаковой М.Л.⁶⁷, Цветкова О. М.⁶⁸ и др.

Анализ и обобщение имеющихся публикаций позволяет выделить следующие важные факторы влияния социальной безопасности на развитие общественных отношений:

Во-первых, разрешение социальных, экономических и иных противоречий внутри страны осуществляется при обеспечении безопасности и прав граждан; Во-вторых, социально-

⁵⁶ Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI в.: реалии и перспективы // Полис. 2000. № 3.

⁵⁷ Косов Ю.В. Безопасность: геополитический аспект // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Фил., полит., соц., псих., право, межд. отнош. 1999. Вып.2. С. 79—86.

⁵⁸ Поздняков Э.А. Современные геосоциальные изменения и их влияние на безопасность и стабильность в мире // Военная мысль. 1993. № 3.

⁵⁹ Николайчук И., Терехов В. Макросоциальные рамки национально-государственной безопасности России // Власть. 1996. № 8. С. 44—50.

⁶⁰ Серебрянников В. Социальная безопасность: [России] // Свобод. мысль. 1997. № 1. С.18—32.

⁶¹ Анохин М.Г. Социальные системы: адаптация, динамика, устойчивость. М., 1996.

⁶² Барсамов В.А. Социальные кризисы и смуты (история, теория, современность). М., 1997.

⁶³ Ипполитов К.Х. В чем выбор: «что делать» или «куда идти»? [Социальная безопасность России] // Национальная безопасность и геополитика России. 2000. № 6/7. С. 50—59.

⁶⁴ Жириков А.А. Этнические факторы политической стабильности. М., 1995.

⁶⁵ Макеев А.В. Политика и безопасность: взаимосвязь и соотношение // Вестн. Моск. ун-та, Сер.18. Социология и политология. 1998. № 1. С. 129—140.

⁶⁶ Шабров О.Ф. Политическое управление: проблемы стабильности и развития. М., 1997.

⁶⁷ Чумакова М.Л. Векторы политической безопасности // Латинская Америка. 2000. № 4. С.4—24.

⁶⁸ Цветков О.М. Актуальные проблемы обеспечения политической безопасности в Северо-Кавказском регионе // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. Отв.ред. Ю.Г. Волков. Ростов-н/Д., 2000.

ГЛАВА 4.

психологический климат внутри страны не доходит до «точки кипения», после которой события могут приобрести лавинообразный, непредсказуемый характер, а действия государственных органов являются достаточно предсказуемыми для субъектов экономики и политики;

В-третьих, возможно создание устойчивой системы взаимовыгодных международных связей.

Особенность современной ситуации состоит в том, что прежние схемы обеспечения социальной безопасности уже не работают, а новые подходы и методы еще невозможно полностью использовать в переходных социальных условиях. Этим обусловлено повышенное внимание отечественных ученых к проблемам обеспечения социальной безопасности.

Вместе с тем становление понятия «социальная безопасность» происходит противоречиво. Часть авторов, исследующих проблему национальной безопасности полагает, что вводить это понятие в научный оборот нецелесообразно, поскольку оно включает все виды безопасности экономическую, политическую, экологическую, военную, духовно-нравственную и т.д. Другая — напротив, исходит из узкого понимания социальной и считает, что в силу многозначности и неопределенности исходной дефиниции выделить собственно социальную безопасность невозможно.

На наш взгляд, проблема утверждения понятия «социальная безопасность» в системе национальной безопасности связана с идеологизированным мифом о первичности и вторичности сфер общественной жизни. Социальная сфера обычно относится к «непроизводственной», следовательно, менее важной области жизнедеятельности, куда включают систему здравоохранения, социального обеспечения, народного образования, культуру и науку.

В последние годы положение начинает меняться: «...мы не осознали, что эта сфера самая главная. Именно в ней осуществляется и обеспечивается сохранение, функционирование, воспроизводство и поступательное («устойчивое») развитие человека и общества (социума). Очевидно, следует по-новому, не-

ГЛАВА 3.

взирая на ведомственные барьеры, определить границы социальной сферы. Эта задача для ученых, врачей, социологов и наконец, для политиков»⁶⁹.

Серия работ реализует разные подходы к определению понятия «социальная безопасность». Одни авторы считают: «Социальная безопасность — защита человека в социуме»⁷⁰. В других определениях: «Социальная безопасность — состояние гарантированной защиты личности, общества, народа, образа жизни, государственных институтов, суверенитета страны, территориальной целостности и природных ресурсов, нерушимости ее границ, конституционного строя и системы управления страной»⁷¹; третьи — сохранение существующего конституционного строя, социальной стабильности⁷²; как «состояние защищенности социума как определенной устойчивой общности людей, характеризующейся единством условий жизнедеятельности в своих существенных отношениях»⁷³ или под социальной безопасностью понимается совокупность мер по выявлению, предупреждению и устранению тех факторов, которые могут нанести ущерб интересам страны, народа, общества, граждан, обусловить регресс и даже гибель государства, а также превратить политику из созидательно-конструктивной в разрушительную, источник бед и несчастий для людей, страны⁷⁴.

Анализ этих и других определений, каждое из которых со своих позиций раскрывает природу такого явления, как социальная безопасность, позволяет выделить в них наиболее

⁶⁹ Венедиктов Д.Д. Современные взгляды на социальную безопасность // Женщины за социальную безопасность и устойчивое развитие. Третий Всероссийский женский Конгресс. 8—9 апреля 1996 года. М., 1997. С. 10—11.

⁷⁰ Венедиктов Д.Д. Современные взгляды на социальную безопасность // Женщины за социальную безопасность и устойчивое развитие. Третий Всероссийский женский Конгресс. 8—9 апреля 1996 года. М., 1997. С. 8.

⁷¹ Социальная безопасность государства, общества, личности: состояние, проблемы, перспективы. М., 1996.

"Реалисты. Информационно-аналитический бюллетень. 1996. №20. С. 20—222.

⁷³ Яновский Р.Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999. С. 341.

⁷⁴ Вахрамеев А.В. К вопросу об обеспечении национальной безопасности РФ // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 29.

ГЛАВА 4.

существенные, базовые элементы: во-первых, социальная безопасность — категория системная, она — свойство (функция) социальной системы, построенной на принципах устойчивости, саморегуляции, целостности. Социальная безопасность призвана защитить каждое из этих свойств системы, так как разрушительное воздействие на любое из этих свойств приведет к гибели системы в целом. В силу этого социальная безопасность весьма часто рассматривается как способность объекта, явления, процесса сохранить свою сущность и основную характеристику в условиях целенаправленного, разрушающего воздействия извне или в самом объекте, явлении, процессе.

Социальная безопасность является гарантом жизнедеятельности личности, общества, государства, что позволяет им сохранять и умножать их материальные и духовные ценности. В силу этого социальная безопасность взаимосвязана с таким свойством социальной системы как «социальная стабильность».

Во-вторых, социальная безопасность — категория системная, она — свойство социальной системы, которая раскрывается в рамках модели, включающей ее подсистемы: интересы, угрозы, механизм обеспечения.

В-третьих, обеспечение социальной безопасности — совокупность мер по выявлению, предупреждению и устранению тех факторов, угроз, которые могут нанести ущерб интересам общества, личности, государства, обусловить политический регресс, гибель государства. Это — прежде всего безопасность социума: а) для данной страны, ее народа и граждан; б) для самих себя; в) для мирового сообщества.

В-четвертых, структура системы обеспечения социальной безопасности России включает в себя ряд элементов: субъекты (органы законодательной, исполнительной, судебной власти, общественные организации, партии и граждане), объекты (территория Российской Федерации, государственные и общественно-социальные институты страны, органы власти, социальные права и свободы, а также реальная деятельность граж-

ГЛАВА 5.

дан, партий, социальных групп и ассоциаций и т.п.), система соответствующих законов (правовая основа), средства, методы и способы обеспечения социальной безопасности.

В-пятых, угрозами социальной безопасности России, если суммировать мнение выше перечисленных авторов, на современном этапе являются:

- противоречия между модернизацией в технологической и культурной сферах и традиционной социокультурной средой («раскольничество», борьба между «западниками» «почвенниками» в России, «исламский» фактор в Турции, «внутренняя война» в Алжире, «исламская революция» в Иране и т.п.);

- явное преобладание в государственной политике корпоративных интересов господствующих элитарных групп. Эти интересы часто (если не всегда) далеки оттого, чтобы стать обобщающим вектором интересов большинства населения, и их реализация возможна в этом случае только радикальными средствами, применение которых дестабилизирует социально-политическую ситуацию;

- межнациональные и межрегиональные противоречия, вызванные историко-культурными, конфессиональными причинами, неравномерностью в развитии отдельных регионов и т.п. (характерными примерами в этом отношении является осетино-ингушский конфликт, ситуация вокруг провинции Квебек в Канаде, штата Пенджаб в Индии, Северной Ирландии в Великобритании);

- утрата официальной властью значительной части контроля над ситуацией в стране в целом или над экономической ситуацией и т.п. (переход под экономическое и политическое **ВДП И Ю»** **т^ККWiXK^** **т т л ч ж л к** **«svujw^**, **^** **гмнальиык** элит, иностранных групп влияния и т.п. через некоторый критический порог. Например, ситуация в Чеченской республике в 90-е гг. XX в., ситуация в Китае 20—40 гг. и т.д.);

- неумение или нежелание властей добиться конструктивного диалога с оппозицией, обеспечить ее участие в политическом процессе в рамках правового поля (примером из истории России «опричнина» Ивана IV, приведшая к смуте; фактичес-

ГЛАВА 4.

ческое «вытеснение» в терроризм зачатков левых социальных движений в 60—70-е гг. XIX в.);

- внешнеполитический авантюризм высших эшелонов власти (примерами влияния этого фактора могут быть связь между последствиями русско-японской войны и революцией в России);

- полнота и достоверность информированности, как государственных органов, так и населения о реальной ситуации. Н. Винер указывал на то, что из всех антигомеостатических общественных факторов «манипуляция информацией является наиболее действенной и важной». Следует упомянуть и о мифологизированной информации, не поддающейся опытной проверке и действующей на уровне гипотез, символов и т.п. Искаженное информирование нередко порождается не только потребностями стратегии и тактики социальной и политической борьбы отдельных социальных слоев и групп, но и социальной безответственности средств массовой информации, вызванной отсутствием профессионализма, непониманием социальной действительности, нарушением этических норм информационной деятельности (ярким примером является мифологизированность северокавказских конфликтов, выборы в России и т.д.);

- проблема кадров. Опасения вызывает как качественный уровень групп, вовлеченных в социальные отношения, так и формирование «пятой колонны». Игнорирование данного фактора в конечном итоге может привести к распаду, подчинению иностранному государству (примером из российской истории служит деятельность Павла I, давшая огромные выгоды Великобритании, деятельность Петра I и т.д.);

- борьба за власть между конкурирующими группировками правящей элиты;

- этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда национальных общественных формирований, способствующие усилению национального сепаратизма, создающие благоприятные условия для возникновения конфликтов на этой почве;

ГЛАВА 4.

- размывание единого правового пространства страны, в силу принятия субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству;

- враждебная деятельность иностранных государств, как явная, так и скрытая.

В-шестых, большая часть авторов под социальной безопасностью понимают состояние объекта опасности, так как в последнее время широкое распространение получило следующее определение социальной безопасности: «защищенность социальных интересов личности, общества, государства от опасностей и угроз». Такое определение сужает смысл социальной безопасности термином «защищенность», т.е. фактически отрывает действие защиты от нападения. Защищать — значит оборонять, загроживать, закрывать кого-либо или что-либо. При этом принижаются и теряются важнейшие свойства и функции социальной безопасности — превентивные действия обеспечения безопасности: снижение, ослабление, устранение и предупреждение опасностей и угроз. Важнее не допустить формирование условий, которые привели бы социальные отношения, бытие к состоянию, требующему их защиты. Иначе говоря, задача социальной безопасности выходит далеко за пределы необходимости защиты данного состояния бытия и заключается, прежде всего, в формировании условий, обеспечивающих стабильное, прогрессирующее развитие социальных отношений, сохранение, укрепление и обогащение бытия, т.е. защищенности качественного состояния социальных отношений, обеспечивающих прогрессирующее развитие личности, общества и государства.

Таким образом, под *социальной безопасностью* по нашему мнению следуют понимать состояние защищенности социальных интересов личности, общества, государства от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие, стабильность страны.

Представляется, что угрозу безопасности таят в себе два крайних подхода правящей элиты к проблеме социальной бе-

ГЛАВА 5.

зопасности общества: первый — «безопасность любой ценой», второй — «езда на тигре», т.е. явная недооценка безопасности.

Тупиковость первого и второго подходов очевидна. Обеспечить жесткую безопасность, в том числе и социальную, в меняющемся мире — значит «забетонировать» общество, устранить источники его саморазвития и в конечном счете приводит не к укреплению безопасности государства, а к его вступлению в «спор со временем», к неэффективному расходованию ресурсов, к господству насилия, а ряде случаев подводит страну к социальному взрыву, военному поражению и другим катаклизмам. В истории России это например правление Николая I, приведшее к поражению в Крымской войне, советские годы, завершившиеся к смутой 90-х гг..

Второй подход — это, как правило, путь в ад, высланный благими намерениями. На этом пути процветает нежелание и неумение считаться с реальными социально-психологическими особенностями населения, с инерционностью социальных процессов и т.п. Это путь является уделом либо великих реформаторов, либо исторических авантюристов. Подобное расшатывание социальной безопасности в результате нежелания или неумения ее сохранить приводит к политизации общества, т.е. к пропитыванию всех сколько-нибудь значительных вопросов общественной жизни политическим звучанием, к попыткам видеть политический смысл в любом действии государственного или общественного лидера, в любом шаге общественной организации. Результатом является социальная поляризация общества, возникновение в стране атмосферы конфронтации, совершенно не соответствующей реальному уровню социальных противоречий. Ярким примером служит ситуация в России с февраля по октябрь 1917, 90-е гг. XX в. и т.д.

Исходя из этого, оптимальное функционирование системы социальной безопасности не должно препятствовать ни количественным (эволюционным), ни качественным (революционным) изменениям, если они объективно назрели, а напротив, должна способствовать преодолению без ущерба для общества

ГЛАВА 4.

и граждан устаревших форм жизни. Именно такую прогрессивную роль не смогла сыграть система безопасности бывшего СССР, что явилось одной из причин его краха.

Важное место в обеспечении социальной безопасности занимает определение социального интереса, так как любая стратегия обеспечения безопасности, исходит из интересов. Таким образом, можно говорить об аксеологическом измерении безопасности. Как справедливо отмечает Л.И. Абалкин, «неясность в вопросе об интересах России, беспечное отношение к его решению или стремление отмахнуться от самой проблемы — одна из причин социальных катаклизмов и зигзагов политического курса, столь характерная для сегодняшней «смутного времени»⁷⁵.

Социальные ориентации и ценности, распространенные в обществе, выступают в качестве источников мотивации человеческой деятельности в социальной сфере, в том числе и в сфере обеспечения безопасности, и определенных эталонов при оценке ее результатов.

Для сегодняшней России процесс формирования социальных ценностей имеет многомерный и противоречивый характер. Он происходит в условиях краха многих иллюзий и идеалов предшествующего общественного развития, и, одновременно, в условиях возрождения исторических традиций народа, обращения к его духовному опыту и общечеловеческим идеалам.

Анализ работ, посвященных проблемам безопасности России, показывает, что процесс осознания российских жизненно важных интересов, их теоретического обоснования и закрепления в официальных документах находится на начальной стадии. В стране все еще не найден баланс интересов между различными социальными группами, политическими партиями и общественными движениями, отсутствует необходимое единство взглядов на жизненно важные интересы личности, общества и государства. Причиной этого являются различные социальные отношения и условия жизни людей, еще недостаточно устойчивые позитивные тенденции

⁷⁵ Абалкин Л.И. О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 1994. № 2. С. 8.

ГЛАВА 4.

во внутреннем развитии государства и общества, сохранение кризисных явлений в экономике Российской Федерации, отсутствие среднего класса в стране.

Изменения мирового, европейского, и, особенно, отечественного социального бытия сделали проблему социального интереса весьма актуальной, так как в современном мире усиливаются противоречия социально-групповых, классовых, этнических, конфессиональных интересов, а формы существования этих противоречий и способы их разрешения чрезвычайно усложнены. Обращения же к политическому интересу дает возможность реального исследования всеобщего и специфического во взаимоотношения между субъектами социальных интересов, будь-то индивиды, социальные группы, социальные партии, классы, государства.

В этой связи приобретает особую актуальность проблема теоретической проработки сущности социальных интересов Российской Федерации в современных условиях, их содержания в различных сферах жизнедеятельности, разработки механизмов согласования и формирования интересов различных групп населения и общества в целом.

Обращение к категории «интерес» можно найти у древнегреческих философов. Парменид и Демокрит упоминали о явлении, сходном с современным пониманием интереса. Но им свойственно было иметь в виду нужду или потребность в самом необходимом. Следы такого же понимания интереса можно найти в трудах Платона и Аристотеля. Французские материалисты (Д. Дидро, П. Гольбах, К. Гельвеций) усматривали в интересе реальное основание общественного строя в целом, нравственности и политики в частности. Показательным в этом отношении был «закон интереса» К. Гельвеция, суть которого сводилась им к пониманию интереса как непосредственной причины всех действий человека⁷⁶.

Г. Гегель применил понятие интереса к объяснению общественных явлений, и выделил гражданское общество как систему потребностей и интересов, впервые соотнеся интерес

"Гельвеций К.А. Об уме. М., 1938. С. 34.

ГЛАВА 4.

с другими категориями философии, с такими как потребность, необходимость, свобода. Он отмечал, в частности, что «ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов... и лишь они играют главную роль»⁷⁷.

Ф.Энгельс, говоря о роли и значении интересов в жизни людей, писал: «...в реализации интересов и благодаря им происходит процесс соединения объективной данности, обстоятельств, условий, отношений и т.д. с их осознанием и с деятельностью субъектов. Тем самым в интересах объединяются как объективное, существующее независимо и вне сознания, воли и желания человека, что дано объективными отношениями и закономерностями, так и субъективное, что дает человеческой деятельности ориентацию, направление и цель. И как все, что приводит человечество в движение, проходит через голову людей»⁷⁸.

Проблему социального интереса в контексте собственных исследований, так или иначе, затрагивали Р.Арон, Г.Моска, Р. Михельс, Т.Парсонс, В.Парето, К.Поппер, Дж.Катона, Дж.Хомэн, Ю. Хабермас, Ф.Хайек Р.Пэрри, И.Шапиро, Й.Шумпетер, Э.Фромм, К.Ясперс и др.. А среди современных российских авторов: Абалкин Л.И.⁷⁹, Мартынов Б.⁸⁰, Бабурин С.Н.⁸¹, Загладин Н.В.⁸², Митрохин С.С.⁸³, Михалкин Н.⁸⁴, Мусихин П.И.⁸⁵, Окара А.Н.⁸⁶ и др.

Анализ специфики социальных интересов в системе социальной безопасности позволяет утверждать, что они прямо

⁷⁷ Гегель. Соч. Т.8. М.-Л., 1935. С.20

⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С.308.

⁷⁹ Абалкин Л.И. О национально-государственных интересах России // Вопросы экономики. 1994. № 2. С. 14—15.

⁸⁰ Мартынов Б. Защита национальных интересов: [Опыт Лат. Америки и России: (нац. безопасность)] // Свобод.мысль. 1997. № 1. С. 106—112.

⁸¹ Бабурин С.Н. Национальные интересы России на рубеже XXI в. М., 1995.

⁸² Загладин Н.В. Национальные, национально-государственные интересы в системе международных отношений. М., 1995.

⁸³ Митрохин С.С. Потенциал национальных интересов // Полис. 2000. № 1.

⁸⁴ Михалкин Н. Национальные интересы и национальные интересы России // Власть. 2000. № 2.

⁸⁵ Мусихин Г.И. Деформирование механизма формирования национального интереса // Полис. 2000. № 1.

⁸⁶ Окара А.Н. Национальные интересы в эпоху «столкновения цивилизаций» // Полис. 2000. № 1.

ГЛАВА 4.

или косвенно связаны с механизмом и способами осуществления власти в обществе. Так как социальные интересы выражаются в концентрированной форме коренные назревшие потребности в различных сферах общественной жизни, удовлетворение которых требует властно-принудительного воздействия.

Потребности субъектов политики (личности, социальных групп, социальных партий, общества в целом) зависят от уровня развития общества, социальной системы, а также от специфических социальных условий их деятельности. Размер социальных потребностей и способы их удовлетворения в большой степени зависят от развития социальной культуры той или иной страны.

Социальные интересы являются побудительными моментами социальной деятельности, конструирующими социальную действительность. Функции социальных интересов заключаются в том, что они направляют социальную активность субъектов политики, находясь в формируя цели социальной деятельности. В силу этого они лежат в основе обеспечения социальной безопасности.

Социальные интересы — это не просто система целей и приоритетов политики страны, это продукт согласования мнений и интересов ее граждан. И поэтому налаживание способствующего такому согласованию механизма само по себе должно стать частью социальных интересов. До тех пор, пока в нашем обществе не войдут в обыкновение последовательное агрегирование и консолидация интересов, а также распределение ответственности между договаривающимися сторонами, в качестве социальных интересов будут выступать сформулированные властью цели и задачи практической государственной политики», а значит, обеспечение социальной безопасности будет основываться только на основе интересов государства.

Механизмы представительства и реализации социальных интересов представлены через систему партий. Роль партий в институционализации данного согласования заключается в создании структурных и социальных возможностей для абсорбции общественных инициатив, агрегирование мнений, для

ГЛАВА 4.

представительства и защиты интересов своих реальных сторонников. Процесс интеграции социальных интересов проходит через преобразование личных интересов на базе общих проблем в конкретные требования и объединение этих требований в социальные программы действий, то есть через образование групп интересов и социальных партий, которые представляют интересы разных социальных групп и классов в социальной сфере.

Социальные интересы основываются на социальных ценностях. Социальные ценностные ориентации действуют как на уровне социального сознания, так и на уровне подсознания, определяя направленность волевых усилий, внимания, интеллекта. Целый ряд отечественных исследователей определяет социальные ценности как общепринятую в обществе систему образцов, при помощи которых люди соотносят и опосредуют свои взаимодействия друг с другом и при помощи которых систематизируется опыт. Разделяемые индивидами и группами социальные ценности служат мерой оценки поступков с точки зрения их соотношения с данной системой ценностей.

На основе социальных ценностей определяется степень важности социальных интересов, приоритетность их реализации соответствующими институтами и органами государственного управления. В этой связи последние вырабатывают и формулируют цели государственной политики обеспечения безопасности.

Система социальных ценностей образует внутренний стержень социальной культуры, духовную quintessence потребностей и интересов тех или иных социальных общностей, выступает одним из важнейших стимулов социального действия, поведения индивидов.

Социальные ценности имеют двойственную природу. Во-первых, они включены в процесс функционирования и развития данной социальной системы, имеют объективный характер; во-вторых, они носят нормативный характер, но, будучи окрашены эмоциями, чувствами, имеют субъективный оттенок. Система социальных ценностей выступает основой социальной

ГЛАВА 4.

культуры, нормативно определяющей характер социальной деятельности людей, обеспечения социальной безопасности.

Правовое закрепление господствующих в обществе ценностей государство реализует через включение соответствующих норм в законодательные акты, в частности в конституцию. Тем самым система социальных ценностей получает официальный статус и соответственно гарантию защиты силой государства, через систему обеспечения социальной безопасности.

Россия сейчас находится на переходном этапе своей истории, и в этой связи, представляют интерес выбор субъектами политики из двух школ — ориентации на общечеловеческие (западные) ценности и опоры на чисто русские ценности. Данный выбор имеет огромное значение для обеспечения социальной безопасности, т.к. в соответствии с этим меняются социальные интересы, стратегия обеспечения безопасности.

Неоспоримое влияние на формирование и характер российских социальных ценностей оказывает геополитический фактор. Географическое положение России наложило глубокий отпечаток на всю ее историю, на особенности ее становления как особой социально-этнической общности. В этой связи обычно отмечают обширная слабозаселенная территория, не защищенная естественными преградами граница, оторванность (на протяжении почти всей истории) от морей (и соответственно от морской торговли), благоприятствующая территориальному единству исторического ядра России речная сеть, промежуточное между Европой и Азией положение русских территорий. К указанным геополитическим факторам следует добавить природно-географический, климатический и демографический факторы.

Своеобразие положения России в историческом плане состоит в том, что она представляет собой культурно-историческое образование, для которого характерно соединение славянского и тюркского, православного и мусульманского начал. При этом нельзя сбрасывать со счетов того факта, что ряд территорий был в разное время силой присоединен к Российской империи.

В целом *социальные ценности* — это совокупность материальных и духовных ценностей, которым присущи вполне оп-

ГЛАВА 4.

ределенные мировоззренческие, исторические, культурологические, социально-экономические, географические и демографически признаки.

Социальные ценности и интересы России изложены во вводной части Конституции РФ⁸⁷.

Классификация социальных интересов может осуществляться по различным признакам:

- по субъектам социальных отношений интересы классифицируются на личные, общественные, государственные, национальные и т.д.
- по характеру влияния на политическое развитие — прогрессивные, реакционные, консервативные;
- по степени осознанности — стихийные, программируемые;
- по важности — жизненно важные, важные, мачоважные и т.д.;
- по срокам действия — кратковременные и длительные и т.д.;
- по характеру взаимодействия разных субъектов — совместные, параллельные, расходящиеся, конфронтационные.

К жизненно важным политическим интересам российского *общества* относят:

- реальное функционирование структур гражданского общества;
- эффективную деятельность механизмов контроля общества над государством;
- формирование социальной и правовой культуры населения, соответствующей принципам гражданского общества;
- достижение и поддержание общенационального согласия по жизненно важным интересам в социальной, эко-

⁸⁷ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. М., 1996.

ГЛАВА 4.

номической, социальной, этнонациональной и других сферах жизни общества;

- недопущение кризисных ситуаций;
- повышение созидательной социальной активности каждой личности;
- содействие обеспечению признанных международным правом социальных интересов граждан страны в других странах.

К жизненно важным интересам *российского государства* в социальной сфере относят:

- сохранение и укрепление суверенитета и территориальной целостности;
- обеспечение регулируемости общественных процессов;
- обеспечение гармонизации межнациональных отношений;
- обеспечение устойчивых основ правового, демократического, гражданского общества;
- обеспечение социальной стабильности в обществе и государстве;
- укрепление конституционного строя, обеспечение правопорядка, в том числе посредством борьбы с организованной преступностью и коррупцией;
- обеспечение эффективной внешней политики, налаживание и развитие эффективной системы международных связей на основе партнерства и сотрудничества;
- обеспечение способности страны к сдерживанию и отражению любой внешней агрессии.

Жизненно важные социальные интересы любого из объектов безопасности могут быть как длительными, так и кратковременными. Именно длительные социальные интересы отража от относительно постоянные черты личности и общества

ГЛАВА 4.

и играют наиболее существенную роль в жизни и деятельности человека, будучи тесно связаны с мировоззрением человека и **«ощес.г'ежью»* самосознанием.**

Как видим, структура социальных интересов личности, общества и социальной системы (институтов) государства является весьма сложной. Они тесно и многогранно переплетаются между собой, будучи по характеру взаимодействия одновременно частично совпадающими, параллельными, расходящимися и даже конфронтационными. Поэтому так актуально и остро стоит сложнейшая задача достижения баланса жизненно важных интересов всех трех объектов социальной безопасности.

Жизненно важные интересы любого из объектов безопасности не ограничиваются в пространстве. Они в значительной мере подвержены влиянию внутренних и внешних факторов, которые в свою очередь подвержены временной зависимости.

Социальные интересы, как внутренние, так и внешние, не могут оставаться вечными и неизменными. По мере изменений объективной реальности внутри страны и в мире меняются содержание социальных интересов и стратегия деятельности государства по обеспечению этих интересов. Однако коренные социальные интересы, такие, как сохранение суверенитета, территориальной целостности, обеспечение безопасности государств остаются постоянными.

Кроме того, следует учитывать, что при реализации собственных социальных интересов любое государство должно учитывать интересы других государств и интересы международной системы в целом, добиваясь их определенного баланса. Без этого не сохранить достаточный уровень международной безопасности, в условиях которой только и можно надежно обеспечить социальные интересы своего государства.

Безусловным приоритетным направлением внешнеполитического курса России является и будет являться деятельность по обеспечению территориальной целостности государства, защите его конституционного строя от возможных посягательств других государств.

ГЛАВА 4.

Социальные интересы России имеют долгосрочный характер и определяют основные цели социальной безопасности, формируют стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства, реализуются через систему государственного управления.

Необходимым условием реализации социальных интересов России является возможность самостоятельно решать внутренние социальные, экономические и социальные задачи независимо от намерений и позиций иностранных государств и их сообществ, поддерживать такой уровень жизни населения, который бы обеспечивал национальное согласие и общественно-социальную стабильность в стране.

В связи с этим необходимо рассмотреть категорию «социальная угроза». Категория «социальная угроза» имеет большое значение в обеспечении социальной безопасности. Своевременное обнаружение угроз и реагирование на них со стороны системы обеспечения социальной безопасности имеют первостепенную важность в практической деятельности по защите социальных интересов личности, общества и государства. Характер и уровень угроз определяют основные направления деятельности по их предупреждению и локализации, формы, способы, средства и методы решения задач обеспечения социальной безопасности при рациональном использовании имеющихся ограниченных ресурсов.

Однако, несмотря на теоретическую и практическую значимость данной, категории, ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе еще не выработано единого подхода к этому понятию. Анализ существующих определений понятия социальной угрозы свидетельствует, что в каждом из них так или иначе отражен процесс нанесения вреда в качестве ущерба, опасности, посягательства, помехи, негативного воздействия и т.п.

Исходя из Закона Российской Федерации «О безопасности» (ст.3) можно дать следующее определение социальной угрозы:

Угрозы социальной безопасности — совокупность условий, процессов и факторов, препятствующих реализации социальных интересов или создающих им опасность.

ГЛАВА 4.

Обеспечение социальной безопасности означает устранение угроз стабильности конституционного строя, институтам государственной власти, создание условий для гражданского мира и национального согласия, соблюдение законности, развитие демократических процессов.

Необходимо отметить, что в российской науке стало традиционным отождествление понятий «угроза» и «опасность», что вносит терминологическую путаницу, приводит к не совсем верным выводам по поводу состояния социальной безопасности государства. Считаем целесообразным рассмотреть различия этих понятий; таковыми являются следующие положения:

1. Угроза должна включать в себя два компонента: намерение и возможность нанесения ущерба интересам безопасности, опасность ограничивается наличием только одним из этих компонент.
2. Угроза всегда имеет адресный характер, предполагает наличие явных субъектов угрозы и объекта, на который направлено ее действие. Опасность часто безадресна.
3. Опасность включает в себе потенциальную угрозу причинения ущерба тем или иным интересам.

Социальную угрозу отличает от опасности степень готовности к причинению того или иного ущерба. Социальная угроза — стадия крайнего обострения социальных противоречий. Социальная опасность — стадия зарождения и насыщения социальных противоречий.

Угрозы социальной безопасности имеют объективный характер и возникают в результате появления противоречий между индивидами, слоями общества, классами, государствами при их взаимодействии в процессе социального развития.

Противоречия по-разному проявляются в различных сферах жизнедеятельности в зависимости от конкретных условий, в которых осуществляется взаимодействие тех или иных объектов безопасности. Социальные угрозы появляются под воздействием антагонистических противоречий, являющихся резуль-

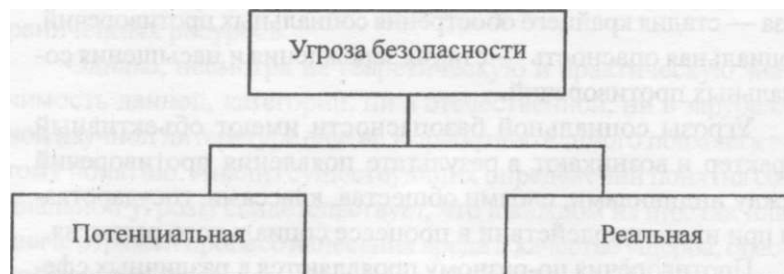
ГЛАВА 4.

татом столкновения конфронтационных интересов объектов безопасности — участников социальных отношений.

Только столкновение конфронтационных или встречных социальных интересов объектов безопасности порождает социальные угрозы — сначала потенциальные, а затем и реальные. Другие виды социальных интересов — совпадающие, параллельные и расходящиеся — по своему содержанию не могут формировать условия для появления угрозы. Наоборот, они являются базой для достижения единства, взаимопонимания и сотрудничества в социальных отношениях.

Важную роль в практической деятельности по обеспечению социальной безопасности играет классификация угроз социальной безопасности по определенным критериям на отдельные виды, что помогает улучшить организацию противодействия угрозам с учетом их конкретных особенностей. Наиболее значимыми в этом отношении критериями являются: местонахождение источника опасности; степень сформированности угрозы; характер угрозы; сферы и области человеческой деятельности; уровень субъективных оценок угроз.

По степени сформированностиTM социальные угрозы подразделяются на потенциальные и реальные, отражая философские категории действительности возможности.

Такое разделение угроз позволяет прогнозировать и предупреждать возможность нанесения вреда на самых ранних стадиях формирования угрозы. При появлении же реальной угрозы перед системой обеспечения социальной безопасности

ГЛАВА 3.

возникает задача создания таких условий, которые позволили бы снизить остроту угрозы и перевести ее в потенциальную.

Подобное деление угроз имеет важное значение при организации системы обеспечения социальной безопасности и определении основных направлений ее функционирования

Исключительно важное, если не определяющее значение в организации деятельности по обеспечению социальной безопасности имеет субъективная сторона восприятия угроз. Несмотря на объективную природу угроз безопасности, отражение человеком этого явления сплошь и рядом не совпадает с реальным положением. Оценка объективно существующей угрозы всегда несет в себе элементы субъективизма и уже в силу этого является искаженным отражением объективной действительности. Порой искажения в восприятии угрозы могут достигать значительных масштабов. Более того, угроза реально существует, формируется, а субъекты безопасности могут не знать об этом, не осознавать надвигающейся катастрофы.

Поэтому для практики важное значение имеет классификация угроз по степени их субъективного восприятия.

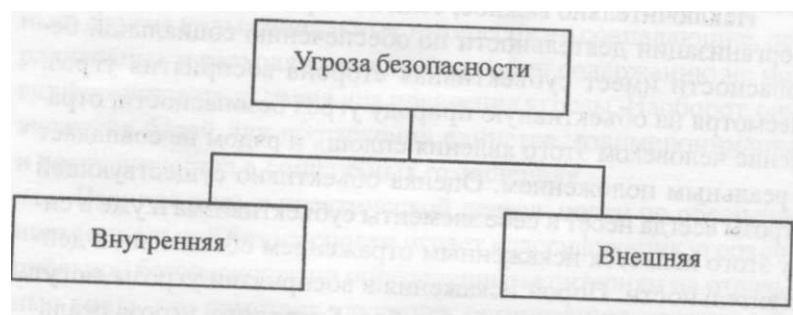

Причины неадекватного восприятия угроз могут быть самыми различными: ограниченность знаний законов природы, отсутствие необходимого объема достоверной информации о событиях и обстановке, низкий уровень методов и оператив-

ГЛАВА 4.

НЮПИ обработки имеющейся информации, отсутствие навыков прогнозирования и предвидения последствий, особенности реальной обстановки и т.д.

Социальная угроза может быть внешней или внутренней в зависимости оттого, где расположен источник опасности.

Деление социальных угроз безопасности на эти два вида имеет практическую значимость, хотя в настоящее время воздействие многих угроз носит трансграничный характер.

Обеспечение социальной безопасности означает устранение угроз стабильности конституционного строя, институтам государственной власти, создание условий для гражданского мира и национального согласия, соблюдение законности, развитие демократических процессов.

ГЛАВА 5: КСЕНОФОБИЯ — УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ

Проблема обеспечения социальной безопасности особо актуальна на Юге России, т.к. большая часть вызовов и угроз региону сосредоточена в социальной сфере. Этничность является обязательным фактором формирования и функционирования социальной структуры местных сообществ Юга России, что делает особенно уязвимыми их безопасность перед вызовом этнорелигиозной ксенофобии.

Территория южно-российского региона складывалась практически три столетия, последовательно охватывая низовья Волги и Дона, левобережье Терека, Кабарду, Дагестан, степи западного Предкавказья и, наконец, горные территории Кавказа и его черноморское побережье, этот процесс сопровождался интеграцией кавказских народов в систему российской государственности. Произошедшие после распада СССР перемены существенно отразились на региональном статусе и рейтинге Юга России. Будучи ранее внутренним регионом страны, Юг России теперь стал ее приграничной территорией, приобретая стратегическую функцию представления и защиты геосоциальных интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и на Балканах.

На позицию и статус южного региона существенно повлияло изменение социальной обстановки, вызванное суверенизацией Российской Федерации. Увеличилось значение Юга как источника продовольствия в стране. Курортно-оздоровительные ресурсы европейской части России оказались в основном ограниченными санаторным комплексом Черноморского, Каспийского побережья и Кавминвод. На территории располагаются богатые природно-ресурсным потенциалом для горных видов рекреации, формируемые уникальным

ГЛАВА 4.

сочетанием естественных условий и соответствующей инфраструктуры¹.

В соответствии с указами Президента РФ №849 от 13 мая 2000 г.² и №1149 от 21 мая 2000 г.³ Южный регион России получил наименование Южный федеральный округ. Территория округа занимает 3,5% территории России и оставляет 589,2 тыс. кв. м., численность населения более 21,5 миллионов человек (14,3% населения России).

В его состав вошли республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Чечня, Краснодарский и Ставропольский края, Астраханская, Волгоградская и Ростовская области.

С нашей точки зрения, приоритетом обеспечения социальной безопасности России на Юге страны является сохранение государственной и территориальной целостности Российской Федерации, социальная стабильность и недопущение вооруженных конфликтов, эффективное функционирование системы управления, социальных институтов в регионе.

В свою очередь, это требует политического управления, учитывающего специфику региона как некоей целостности и обеспечивающего эффективность социальных решений, не достижимую при реализации иных подходов. Это нашло воплощение в структуре аппарата Полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе.

Теоретической проработкой вопросов безопасности на Юге России занимались в своих работах Р. Абдулатипов⁴,

¹ Южный федеральный округ 2000. Социально-экономические итоги: Информ.-анал. мат. /Ростоблкомстат. Ростов-н/Д., 2001. С. 6—7.

² О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе: Указ Президента РФ от 13.05.2000 N 849 // Собрание законодательства РФ. 15.05.2000. N 20. Ст. 2112.

³ Вопросы обеспечения деятельности аппаратов полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах: Указ Президента РФ от 21.06.2000 N 1149 // Собрание законодательства РФ. 26.06.2000. N 26. Ст. 2748.

⁴ Абдулатипов Р. Национальная политика России на Кавказе: концептуальное видение // Власть. 1998. №1. С. 3—6.

ГЛАВА 5.

С.О. Алехнович⁵, И.П. Добаев, В.Г. Казанцев,⁶ Л.Л. Хоперская⁷, А. Славохотов⁸, С. Кургинян, Ю. Бялый, Л. Подкопаева⁹, А. Мальчин¹⁰, Н. Авдулов¹¹, Р. Алиев¹², А. Гумер, А. Славохотов¹³, В.В. Дегоев¹⁴, Д. Малышева¹⁵, В.Н. Смирнов, В.В. Черноус и др.

Юг России, по сравнению с иными регионами как России, так и мира, отличается высокой степенью этнокультурного многообразия. Здесь живут представители таких мировых религий как ислам, христианство, буддизм. Исторически Закавказье и Северный Кавказ всегда были естественным «мостом» между Европой и Азией, контактной зоной исламской и христианской цивилизаций, и в то же время объектом столкновений интересов великих держав. И сегодня он является жизненно важным для России средоточием сухопутных, морских и воздушных коммуникаций, соединяющих два континента.

⁵ Алехнович С.О. Противоречия федеративного устройства Северо-Кавказского региона в структуре политического анализа угроз национальной безопасности России // Национальная безопасность и геополитика России. 2000. № 3. С. 84—88.

⁶ Казанцев В.Г. Социальная и этносоциальная ситуация в южном регионе России / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-н/Д., 2000.

⁷ Хоперская Л.Л. Проблемы безопасности в Северо-Кавказском регионе // Бюллетень Центра социальных и гуманитарных исследований Владикавказского института управления и Владикавказского центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН. 1999. № 3.

⁸ Гумер А., Славохотов А. Стратегия национальная безопасность России на Юге // Азия и Африка сегодня. 1997. № 1. С. 28—35

⁹ Кургинян С., Бялый Ю., Подкопаева Л. «Южная угроза» и ее связь с обострением политического кризиса в России // Россия XXI век. 1996. №11/12. С. 4—30.

¹⁰ Мальчин А. Каспийская нефть и безопасность России // Власть. 1999. № 3. С. 46—54.

¹¹ Авдулов Н. Каспий— очаг напряженности // Ориентир. 1999. № 9. С. 16—19.

¹² Алиев Р. Новая большая игра: теперь стратегия США нацеливаются на Каспий // Правда. 1998. 13 марта. С. 4—5.

¹³ Гумер А., Славохотов А. Стратегия национальная безопасность России на Юге // Азия и Африка сегодня. 1997. № 1. С.28—35

¹⁴ Дегоев В.В. Региональные угрозы глобальным порядкам: Кавказ в международной геополитической системе XVI—XX вв. // Независимая газ. 1997. 16 окт. С. 5

¹⁵ Малышева Д. Проблема безопасности Юга России: региональный и глобальный аспекты // МЭМО. 2001. 32. С. 21—28.

ГЛАВА 5.

Юг России не случайно ученые и политики называют «солнечным сплетением Евразии» или «мягким подбрюшьем России» — это жизненно важный элемент для существования целостности Российской Федерации и в то же время один из наиболее уязвимых сегментов российского геополитического пространства. Еще более полутора столетий назад большинство европейских политиков пришли к заключению, что Кавказ является для России «ахиллесовой пятой». Утверждалось, что именно туда следует наносить прицельный удар, чтобы свалить Великую Россию.

В силу этого, по оценкам экспертов, происходящие на Юге страны процессы в основном обусловлены геополитическими факторами, связанными, прежде всего со стремлением мировых держав обеспечить господство на историческом плацдарме между Западом и Востоком, установить контроль над природными ресурсами региона, а также прогнозировать ход развития процессов, имеющих выраженные исламистские и сепаратистские тенденции, уходящих своими истоками в ксенофобию¹⁶.

Действительно, после распада Советского Союза геополитическое значение южного региона для России резко возросло. С точки зрения геополитики Южный регион России представляет собой крайне важный стратегический узел. Юг России является как бы связующим звеном между Европой и Центральной Азией, обеспечивает выход к системе трех морей — Каспийскому, Черному и Азовскому, а через Азовско-Черноморский бассейн — в Средиземноморье, к Гибралтарскому проливу и Суэцкому каналу. Закавказские государства имеют здесь основные экономические транспортные и транзитные пути с Россией, дублировать которые практически не представляется возможным. Юг России напрямую граничит с Турцией — членом блока НАТО. Плодородные земли Ставропольского и Краснодарского края, ресурсы осетровых Каспийского побережья, запасы нефти и газа — все это находится в Южном регионе.

¹⁶ Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. 2-е издание. Ростов-н/Д., 1999. С. 7.

ГЛАВА 5.

Кроме того, геополитическое положение Юга России делает высокодоходными и высокозначимыми коммуникационные системы и транспортные узлы (международные морские порты и аэропорты, железная дорога, федеральные автотрассы). Значение южного региона связано с перспективами освоения его энергетических ресурсов. Это подчеркивается в докладе Госдепартамента США, представленном американскому Конгрессу. В докладе, в частности, отмечается, что, «имея потенциальные запасы почти в 200 млрд. баррелей нефти (около 27,5 млрд. тонн), Каспийский регион может стать наиболее значимым игроком на мировом нефтяном рынке в следующем десятилетии». По оценкам Министерства энергетики США, экспорт нефти из Каспийского 200 млн. тонн в год.

Необходимо обозначить своеобразную историческую матрицу геополитических закономерностей, наиболее ярко проявляющуюся на Юге России. Она определяется следующими элементами:

- во-первых, геополитические интересы России в регионе. Собственно геополитические интересы в регионе, как представляется, вытекают из двух групп интересов — обеспечение безопасности России как геополитического субъекта и его самодостаточного поступательного развития. Таким образом, геополитика России в политическом процессе региона призвана обеспечить, во-первых, контроль Российского государства над занимаемым им пространством (Югом России), а во-вторых, сделать действенными свой контроль, влияние, присутствие в тех районах земного пространства, примыкающих к региону, которое позволяет осуществлять самодостаточное развитие;
- во-вторых, важным параметром является объем пространства Юга России. Исходным с геополитической точки зрения, как представляется, является тезис о том, что Юг России занимает «уникальное стратегическое положение на Евразийском континенте, обладает запасами сырья и ресурсов». Другими словами, Юг России занимает такое пространство, которое является основным источником потенциала региона. Из этого вытекает, что потеря федеральными властями действенного кон-

ГЛАВА 3.

троля за этим пространством означает и утрату потенциала, что, несомненно, отразится на состоянии безопасности страны. Местонахождение региона на пересечении «силовых» линий мировой политики резко поднимает геополитическое значение территории. По мнению А. Здравомыслова, одна из главных причин конфликтности региона обусловлена тем, что Северный Кавказ является своеобразным «перекрестием геополитических целей»¹⁷;

- в-третьих, с потерей Россией контроля над данным пространством его приобретет другой субъект. Не случайно именно этот регион традиционно являлся ареной самых жестоких военных конфликтов между Российской империей, с одной стороны, и Турцией, Ираном — с другой. Действия последних активно поддерживала Западная Европа. На сегодняшний день о своих интересах в этом регионе заявили открыто и завуалировано более 30 государств, включая такие как США, Германия, Франция, Турция, Иран, КНР, Япония и другие¹⁸. К.С. Гаджиев справедливо замечает: «Большинство народов, населяющих Россию, как островки в русском море, не могут существовать отдельно от нее; другие, отделившись, неминуемо погибнут, поглощенные соседями. Более того, все эти народы были объектом притязаний со стороны своих более могущественных соседей и нередко служили в качестве разменной монеты в их социальных и военно-социальных играх»¹⁹;

- в-четвертых, геополитические преимущества на Юге России получает тот субъект, который контролирует ключевые географические пространства и точки в регионе. В силу этого особые опасения вызывает позиция и деятельность Турции. Турецкие организации стремятся обеспечить благоприятные условия для оказания выгодного им воздействия на развитие со-

¹⁷ *Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1997. С. 87.*

¹⁸ *Авдулов Н.С. Северо-Кавказский регион России: геополитический анализ // Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственных интересов России. Ростов н/Д., 1998. С. 10.*

¹⁹ *Гаджиев КС. Социальная наука: Учебное пособие. 2-е изд. М., 1995. С. ГА.*

ГЛАВА 5.

циальной и экономической ситуации в регионе в целом, в том числе и путем создания влиятельного лобби, ориентированного на Анкару. Немаловажное значение в этом отношении придается подготовке специалистов в турецких учебных заведениях. Министерство национального образования Турции ежегодно тратит на эти цели до 80 млн. долларов. Также оказывается финансовая поддержка деятельности исламистских группировок Чечни и Дагестана, ведется широкая пропаганда идей создания на Северном Кавказе основ исламского государства. Негативно сказывается на ситуации на Юге России деятельность турецких властей в Грузии и Азербайджане.

Одним из инструментов ослабления роли России на Кавказе является использование радикальных исламистских организаций для обострения межконфессиональных и внутриисламских противоречий, религиозных фобий по типу управленческого конфликта.

Наряду с геополитическими факторами, задающими изначально высокий фоновый уровень угроз социальной безопасности, необходимо отметить, что обстановка в регионе определяется многослойностью социальных факторов, которые условно можно разделить на долгосрочные и ситуативные.

Долгосрочные внутренние факторы действуют при любом политическом режиме и должны учитываться системой социальной власти. К ним относятся:

- исторически сложившаяся полиэтничность Северного Кавказа, наличие многочисленных языковых групп народов, обладающих самостоятельными национальными интересами в различных сферах общественной жизни;
- влияние на социальные институты традиционных родовых структур, таких как тейпы, тухумы, вирды и т.д.;
- историческая память этносов как элемент национального самосознания и основа консолидации национальных интересов;
- высокий уровень политизации в обществе, наличие в нем множества национальных, религиозных партий

ГЛАВА 5.

и движении, которые стремятся конкурировать с органами государственной власти за выбор приоритетов национально-государственного развития, обращаются к тенденциям местного объединения;

- разностатусность различных национальных групп, проявляющаяся, прежде всего, в структуре занятости, социальных позициях в полиэтнических обществах;
- повышенная значимость этнической идентификации в самосознании кавказских этносов по сравнению с другими типами социальной идентификации;
- последствия многочисленных национально-территориальных переделов, осуществляемых в виде изменения как границ, так и статуса национально-территориальных образований. За годы Советской власти в регионе осуществлено свыше 50 крупных территориально-статусных изменений.

Отличительной особенностью социальной жизни Северного Кавказа в 90-е гг. XX в. явились открытые вооруженные конфликты (осетино-ингушский, грузино-осетинский и грузино-абхазский, чеченский), их неразрешенность к 2003 г.

Группа ситуативных факторов обусловлена общим ухудшением экономического положения, которое сопровождается разрушением традиционных хозяйственных связей, обострением криминогенной обстановки, ростом влияния мафиозных структур и расширением возможностей незаконного распространения оружия.

Соотношение ситуативных факторов очень динамично, но именно они определяют сегодня специфику региона.

К ситуативным факторам принадлежат и такие, как деятельность основных политических сил в регионе. К последним относятся: органы федеральной власти, органы власти субъектов федерации, политические партии и общественные организации.

В последние годы в субъектах федерации Северного Кавказа обозначились факторы, которое способствуют поддержа-

ГЛАВА 5.

нию повышенного фона межэтнической напряженности. К их числу можно отнести противоречия, вызванные борьбой за этническое представительство в органах власти проведение кадровой политики в интересах отдельных этнических групп (например, в Республиках Адыгея, Карачаево-Черкесия и т.п.), сопровождаемых всплесками ксенофобии.

Для достижения необходимых результатов используются разные средства, в том числе и региональное право. Вопреки действующему федеральному законодательству, не допускающему ограничений возможностей граждан на занятие должностей в органах власти по этническим языковым, религиозным и др. признакам явно или неявно используется этническое квотирование (в том числе и непропорциональное). Помимо снижения эффективности и результативности деятельности политико-управленческих элит, ущемления прав человека по этническому принципу такая практика негативно сказывается на состоянии межэтнических отношений в субъектах федерации Юга России. Искусственно создаваемые преференции для представителей одних этнических групп неизбежно влекут за собой сокращение конституционных прав и возможностей для других, поддерживают на «тлеющем» уровне межэтническую напряженность и конфликтность.

Таким образом, регионы России движутся в сторону, противоположную развитым странам мира, наглядно демонстрируя приверженность феодализации общества, придания политическим процессам доцивилизационного, предполитического характера. Участие во власти прежде всего обусловлено причастностью к «дополитическим» общностям — этническим, земляческим, конфессиональным, клановым и т.п.

Важным фактором России как государства, на наш взгляд, является территориальная целостность. По мнению экспертов, сущность данной проблемы лежит в национально-государственном устройстве России. Асимметричность, разностатусность, наличие «разделенного» суверенитета порождает конфликты, угрозы в социальной сфере, которые питаются ксенофобией. Необходимо отметить, что данная проблема порождает угрозы

ГЛАВА 5.

в иных сферах жизнедеятельности региона. Необходимо снизить социальную субъектность, не допускать придания этнической формы проблемам в социальной сферы. Административно-территориальная реформа (укрупнение субъектов, выравнивание статуса, деление по административно-территориальному принципу, национально-культурная автономия для титульных этносов проживающих в субъектах РФ) сняла бы множество ключевых проблем в регионе. В дальнейшем, наличие национально-государственного деления будет порождать, при ослаблении центральной власти, сепаратистские тенденции.

В силу этого, для обеспечения социальной безопасности России на Юге России требуется ее политическое единство. Дисперсность же населения в его этнических составляющих, а главное при существующих в субъектах федерации этнократических тенденциях разрушают пространственное единство страны. Результатом реализации этой опасности будет одно — превращение России в аморфное государство с ориентацией ее отдельных конфедеративных частей на другие геосоциальные субъекты, с разрушением в соответствии с этим единого геополитического и этнополитического пространства с возможными необратимыми последствиями. Негативным результатом снижения уровня безопасности может быть исчезновение государства, либо его частичный распад за счет выхода из его состава отдельных частей. При этом снижение уровня социальной безопасности может проходить постепенно и к тому же латентно. В силу этого особенно важно слежение за уровнем социальной безопасности России как федеративного государства.

На Юге России эти процессы неизбежно усиливаются за счет возникновения межэтнического противостояния, которое может служить как в качестве источника сепаратистских тенденций, так и их фоном. Очевидно, что путь построения субъектов федерации, основанный на этнократических принципах, не только тупиковый, но и разрушительный. Без решения этнических проблем сформировать российскую государственность, адекватную потребностям сохранения единства страны и обеспечения ее безопасности, невозможно. Можно с уверен-

ГЛАВА 5.

ностью говорить, что общая судьба проживающих на Юге России народов основывалась на ее социальных составляющих в целях обеспечения их безопасности, а обеспечение социальной безопасности российских народов является мощным стимулом для сохранения единства государства. Поэтому совершенно прав К.С. Гаджиев, говоря, что «...вызывает недоумение рассуждения о том, что России нужно уходить, например, с Северного Кавказа, отгородиться от мусульманских народов данного региона непреодолимыми пограничными барьерами. Здесь, на мой взгляд, предается забвению тот факт, что Россия просто так не может уходить от самой себя, поскольку Северный Кавказ, равно как Поволжье, Дальний Восток и т.д., является неотъемлемой ее частью. То же самое, естественно, верно и в отношении населяющих эти регионы народов»²⁰.

С точки зрения социальной безопасности, это явление, во-первых, может быть результатом неких этносоциальных процессов, а во-вторых, может иметь некоторые социальные последствия. Первое связано с завышенными претензиями национальных субъектов федерации на самостоятельность, ослабляющих как вертикальные (Центр — субъекты федерации), так и горизонтальные (между субъектами федерации) связи, что отрицательно сказывается на всей федеративной системе государства. Развитие рассмотренных вариантов может привести к негативным последствиям, суть которых сводится к тому, что тот или иной субъект федерации, используя полученные или присвоенные права государственности, может переориентироваться на другой геополитический субъект. В силу этого возникает необходимость перехода от национально-государственной модели федерализма к административно-государственной, либо к унитарной форме государственного устройства России. Единственно верным направлением, могущим решить основные национальные вопросы без ущерба и безопасности страны, и ее народов является национально-культурная автономия

²⁰Гаджиев К.С. *Социальная наука: Учебное пособие*. 2-е изд. М., 1995. С. 232.

ГЛАВА 5.

Социальные процессы же на Северном Кавказе показывают, что национально-территориальные принципы, положенные в основу образования субъектов Федерации «работают» неэффективно. Республики этого региона, в основном, многонациональны. Так, в «двухсубъектной» Карачаево-Черкесии, кроме черкесов и карачаевцев, проживают этнические группы русских, ногайцев и абазин. В начале 90-х гг. эти «нетитульные» народы республики, недовольные своим этническим статусом, провозгласили «собственные» титульные республики, в том числе и две казачьих. В другой такой республике — Кабардино-Балкарии — недовольной своим статусом оказалась часть балкарцев, которая также заявила о желании отделиться от кабардинцев. Мультинациональный состав северокавказских республик, получивших в начале 90-х гг. статус субъектов Федерации, привел к тому, что повышение статуса одного народа («титульного», «государствообразующего» или иного) другими воспринималось как понижение своего собственного. Так, только в Дагестане конкурировали движения «Садвал» (лезгинское), «Тенглик» (кумыкское), «Гази-Кумух» (лакское), «Бирлик» (ногайское). Аварское народное движение и Аварский фронт имени имама Шамиля и Кизлярский отдел терского казачьего войска.

Основные направления социальной безопасности на Юге России определяются политическими интересами личности, общества и государства, необходимостью выработки и использования эффективных средств в противодействии внутренним и внешним угрозам этим интересам.

Основными приоритетами обеспечения социальной безопасности в ЮФО во внутренней сфере является:

- принятие всех возможных мер для выхода Юга России на устойчивое развитие, что имеет решающее значение для ее возрождения, успешного осуществления реформ, снижения остроты социальных и социальных противоречий, обеспечения защиты российских духовных, интеллектуальных и культурных ценностей;

ГЛАВА 5.

- недопущение обострения межэтнического и политического противостояния в регионе, создающего опасность социальных кризисов, могущих перерасти в военные конфликты;
- защита социальных прав и свобод населения, проживающего в регионе, создание достойных условий его существования;
- достижение реальных подвижек в борьбе с преступностью, совершенствование и приведение в соответствие законодательства;
- создание оптимальных условий для развития всех народов, исторически сформировавшихся и проживающих на Юге Российского государства; обеспечение межнационального мира в регионе.

Во внешней сфере главной целью обеспечения социальной безопасности является формирование внешнего окружения, благоприятного для внутреннего развития региона. Ключевым условием ее достижения является сохранение мира, мирное решение всех возникающих межнациональных проблем и противоречий, не наносящее ущерба интересам населения, проживающего на Юге России.

Основным направлением обеспечения социальной безопасности во внешней сфере является развитие добрососедских и союзнических отношений с новыми независимыми государствами, возникшими в результате распада СССР, которые предусматривают: восстановление взаимовыгодных связей со странами-членами СНГ, прежде всего с республиками Закавказья; активное содействие обеспечению прав и интересов соотечественников, проживающих в бывших республиках СССР; урегулирование этнополитических конфликтов, содействие обеспечению геополитической стабильности и социально-экономического благополучия сопредельных государств.

Для Юга России все или практически все угрозы являются реальностью, либо потенциально возможными.

ГЛАВА 5.

В качестве наиболее значимых угроз социальной безопасности на Юге России в настоящее время являются проявления сепаратистских тенденций.

К наиболее острым экстерриториальным проблемам региона, выдвигаемым ранее и имеющим различную степень актуализации, можно отнести:

а) идеи создания новых национально-территориальных образований:

- на территории Карачаево-Черкесии — пяти самостоятельных республик: Карачай, Черкесия, Абазинская, Урупско-Зеленчукская и Баталпашинская (последние две — казачьи);
- на территории Кабардино-Балкарии — Кабардинской и Балкарской Республик;
- на части территории Дагестана, Чечни и Ставропольского края — Ногайской республики;
- на территории Дагестана — Кумыкской республики;
- на территории Дагестана и Азербайджана — республики Лезгистан;
- на территории Лазаревского и Туапсинского районов Краснодарского края — Шапсугского национального округа;

б) попытки пересмотра существующих административных границ:

- спор осетин и ингушей в отношении принадлежности Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания;
- спор чеченцев и ингушей в отношении принадлежности Сунженского и Малгобекского районов Республики Ингушетия;
- требование о присоединении к Ставропольскому краю:
 - Наурского и Щелковского районов Чеченской Республики;

ГЛАВА 5.

- Кизлярского района Республики Дагестан;
 - Моздокского района Республики Северная Осетия-Алания;
 - части Прохладненского и Майского районов Кабардино-Балкарской Республики;
- спор между чеченцами-аккинцами и лакцами вокруг Новолакского района Республики Дагестан;
- конфликт между Астраханской областью и Республикой Калмыкией по черным землям;
- требование кубанских казаков о вхождении Майкопского района Республики Адыгея в состав Краснодарского края и другие.

Угрозу социальной безопасности на Юге России представляют: ксенофобия, этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда национальных общественных формирований, способствующие усилению национального сепаратизма, создающие благоприятные условия для возникновения конфликтов на этой почве.

По предварительным данным, на территории ЮФО зарегистрированы местными отделениями Минюста РФ более 6000 общественных объединений. Надо отметить, что значительное число общественных международных (например, «Врачи без границ»), общероссийских («Меджлис») и межрегиональных организаций имеют своих представителей, не зарегистрированных местными отделениями Минюста РФ и действующих в субъектах федерации по генеральной доверенности. Существуют и незарегистрированные организации, на мнение которых по политическим вопросам довольно часто ссылается пресса (например, Конфедерация народов Кавказа).

С точки зрения обеспечения социальной безопасности в Южном федеральном округе особого внимания к себе требуют общественно-социальные, национально-социальные и религиозно-социальные организации международного, общероссийского и межрегионального уровня, поскольку именно они

ГЛАВА 5.

обладают серьезным материальным, организационным, интеллектуальным ресурсом. Кроме того, именно эти организации, вступая в конфликт между собой за раздел сфер влияния, используя создаваемые ими СМИ и проводимые массовые мероприятия, способствуют излишней политизации населения и формированию у него конфронтационной (в ряде случаев, силовой) психологии. Именно эти организации вносят в массовое сознание идеи о территориальных переделах и изменении системы государственного устройства Российской Федерации.

Основными факторами, способными перерасти в массовые выступления и беспорядки и влияющими на безопасность в округе, являются:

- противостояния общественных движений адыго-абхазской и тюркоязычной групп народов (лидерами являются Международная Черкесская Ассоциация и «Алан»);
- конфликт осетинских и ингушских общественных движений;
- конкуренция между общероссийскими мусульманскими религиозными организациями «Меджлис» и «Рефах», активно разворачивающими свою деятельность на территории ЮФО;
- создание ваххабитских общин;
- радикализм русских национальных движений (РНЕ, «Союз славян Адыгеи», «Казачка» (КЧР) и др.) и общественных объединений мигрантов из республик Северного Кавказа;
- деятельность зарубежных социальных и религиозных миссионеров²¹.

Основную роль в распространении сепаратистских и автономистских идей играют мононациональные общественно-социальные движения и объединения, стремящиеся играть роль выразителей интересов своего этноса. Лидеры данных организаций зачастую предпринимают попытки по созданию незаконных или «легализованных» вооруженных формирований, потенциальная возможность использования которых

²¹ Хоперская Л.И., Тикиджьян Р. Южный федеральный округ: социально-экономические и общественно-социальные проблемы // Бюллетень Сети этнологического мониторинга. 2001. № 1.

ГЛАВА 5.

в борьбе за власть, тем самым создает угрозу социальной безопасности.

Наиболее влиятельными мононациональными общественно-политическими организациями Юга России, в деятельности которых иногда проявляются автономистские и сепаратистские устремления, являются:

- адыгские организации «Адыгэ Хасэ» и «Хасэ шапсугского народа»;
- национальное карачаевское движение «Джамагъат»;
- ингушский общенациональный союз «Даймохх»;
- кумыкское народное движение «Тенглик» (Равенство);
- ногайское общество «Бирлик»;
- аварское народное движение (АНД) им. Шамиля;
- лакское национальное движение «Кази-Кумух»;
- лезгинское народное движение «Садвал» (Единство).

Деятельность данных национальных общественно-социальных движений в основном ограничивается территорией расселения этноса, который они представляют и служит инструментом для перераспределения властных полномочий в республиках, в связи с чем угроза ксенофобии и сепаратизма с их стороны носит локальный характер, хотя и способный дестабилизировать обстановку в отдельных субъектах региона.

Как отмечают эксперты, современный этап этнополитического процесса принципиально отличается от пика этнической мобилизации, т.е. 1991—1994 гг. и ее колебаний на уровне относительно высокой степени интенсивности в 1995—1999 гг. Проявление государственной воли в 1999—2000 гг. подорвали позиции радикального этнонационализма, а умеренные этнонационалисты интегрировались в государственную систему республик (исключение Чечня и, отстающий от регионального, данный процесс в Карачаево-Черкесии)²².

²² Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI в. // Сб. статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИиП ИППК при РГУ. Вып. 2. Отв. ред. Черноус В. В. Ростов н/Д., 2001. С.5.

ГЛАВА 5.

Одним из важнейших социальных процессов на территории Южного федерального округа является изменение этнического состава населения субъектов Российской Федерации.

По-нашему мнению, угрозу социальной безопасности в регионе представляет концентрация представителей одного этноса в государственных структурах национальных республик региона (Карачаево-Черкесия, Адыгея). Она заключается, прежде всего, в том, что в них могут возникать этнокорпоративные отношения, влекущие за собой ущемление статуса и прав других этносов. Под углом зрения социальной безопасности это может означать, что в этносистемные отношения может быть внесен диссонанс, то есть возникнуть межэтнические противоречия, что недопустимо в полиэтнических государствах. Очевидно, что субъективное ощущение людьми различных национальностей своего пониженного статуса подогревает межэтническую напряженность, способно спровоцировать межэтническую конфликтность и угрожает безопасности.

Угрозу социальной безопасности на южных рубежах России представляют проблема оттока русского населения из республик Северо-Кавказского региона. Он достиг недопустимых с точки зрения стратегических геосоциальных интересов России размеров. По оценкам экспертов, он составляет около 800 тысяч человек.

Сегодня русские еще по-прежнему являются интегрирующим звеном, позволяющим сдерживать дальнейшее обострение межнациональных отношений. Однако это уже привело к нарушению этнополитического баланса в республиках Северного Кавказа, формированию угроз безопасности, т.к. интеграция Северного Кавказа в Российское политическое пространство осуществлялась через постепенное наращивание русского населения, которое способствовало формированию в регионе общих государственно-правовых и ценностных ориентации, созданию многоукладной модернизирующейся экономики. Важной была интегративная роль русских в процессах формирования северокавказских этнонаций, поэтому и отток привел,

ГЛАВА 5.

вопреки прогнозам радикальных этнонационалистов, к архаизации и частичной дезинтеграции местных этносоциумов²³.

«Русский вопрос» на Северном Кавказе резко обострился с конца 80-х гг. XX в.. Медленное снижение доли русского населения в национальных республиках региона в 60—70-е гг. с конца 80-х гг. стало приобретать обвальный характер. В условиях этнической мобилизации титульных и «коренных» народов Северного Кавказа, системного кризиса в России и невнятной политики федерального центра русское население, сконцентрированное в основном городах и занятое в промышленной и других современных сферах производства, стало покидать нажитые места. Проблема давно вышла за рамки демографической или миграционной, ситуация представляет угрозу для межэтнического согласия, социальной безопасности региону и перспектив устойчивого развития всего региона, авторитета России на международной арене.

Проблема оттока русского населения, прежде всего, связана с обеспечением социальной безопасности, с политическим статусом русских в данных регионах. Так как, с распадом СССР и созданием в бывших союзных республиках независимых государств, а внутри Российской Федерации — с преобразованием автономий в самостоятельные республики, русские одновременно оказались диаспорой и национальным меньшинством. Для русских возникли проблемы языка, культуры, национальной территории, доступа к власти и собственности.

Другая проблема обусловлена неконтролируемыми потоками мигрантов в достаточно стабильные в социально-политическом и экономическом отношении субъекты Южного федерального округа. Эта проблема в той или иной степени характерна для всех субъектов Южного федерального округа.

Бытовые, но быстро политизирующиеся, конфликты местного населения с представителями компактно проживающих

²³ Русские на Северном Кавказе: вызовы XXI в. // Сб. статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИП ИППК при РГУ. Вып. 2. Отв. ред. Черноус В.В. Ростов-н/Д., 2001. С.5.

ГЛАВА 5.

этнических диаспор уже имели (или имеют) место в субъектах Южного федерального округа — в ряде сельских районов Ростовской области (чеченцы и даргинцы), Краснодарского (армяне, турки-месхетинцы) и Ставропольского (даргинцы, ногайцы, туркмены) краев, районе Кавминвод, в Республике Адыгея (курды). К сожалению, этот ряд можно продолжить. А некоторые из них (ситуация с турками-месхетинцами в Краснодарском крае) выходят на международный уровень, привлекают внимание международных организаций, в т.ч. даже ООН²⁴.

Одной из основных угроз социальной безопасности является политизация ислама в регионе. Эксперты отмечают, что исламский фактор надо рассматривать в первую очередь как политический. И от четкого понимания его структуры и свойств, а также от осуществляемой на этой основе политики по отношению к исламу и исламскому миру будет зависеть состояние безопасности России: будет ли она иметь нормальные, конструктивные отношения с исламским миром или мусульманский мир будет наращивать экстремистский потенциал, неизбежным следствием чего на практике явится активизация террористической деятельности под исламскими знаменами и лозунгами²⁵. Необходимо признать, что российское руководство первоначально недооценило, фактически проигнорировало угрозы, связанные с негативными последствиями политизации исламского движения на Юге России. В результате нарушилось единое руководство, ослабло духовное единство и существенно изменилось положение исламских традиционалистов, создались мощные предпосылки для политизации ислама, появились ранее неизвестные в регионе фундаменталистские течения, особенно, ваххабизм.

²⁴ Хоперская Л., Тикиджьян Р. Южный федеральный округ: социально-экономические и общественно-социальные проблемы // Бюллетень Сети этнологического мониторинга. 2001. № 1. С. 5.

²⁵ Добаев И.П. Традиционализм и радикализм в современном исламе на Северном Кавказе // Ислам и политика на Северном Кавказе. Сборник статей / Северо-Кавказское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 1. Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов-н/Д., 2001. С. 8—9.

ГЛАВА 5.

Политизированный исламский фундаментализм сегодня представляет для интересов России серьезную идеологическую и социальную угрозу, поскольку для достижения своих целей использует вооруженную борьбу и терроризм.

Трансформация нейтрального, а временами позитивного для СССР исламского фактора в «исламскую угрозу» произошло после распада Союза, и тому были следующие предпосылки:

- появление вдоль границы России независимых мусульманских государств;
- конфликты в так называемом исламо-христианском пограничье;
- исламское возрождение, частью которого является радикализация и политизация ислама;
- восстановление связей российских мусульман с зарубежными единоверцами²⁶.

Мусульманское население региона на 1 января 1999 г. насчитывало около 4 млн. человек, что составляет пятую часть мусульман России и сохраняет стабильную тенденцию роста.

Но не только внутренние сложности и причины привели к распространению фундаментализма. Не секрет, что ваххабитская пропаганда получает солидную финансовую поддержку из-за рубежа. В этих целях эффективно используется институт паломничества, принявший в последние годы среди российских мусульман широкий размах. Активно идет индивидуальная обработка исламских авторитетов, лидеров исламских партий, общественно-социальных движений и организаций, приглашаемых для участия в различных религиозных форумах и исламских праздниках за границей. На учебу в высших и средних теологических центрах и учебных заведениях приглашается мусульманская молодежь; оказывается содействие в строительстве мечетей, теологических учебных заведений; направляются опытные преподаватели-теологи; оказывается со-

²⁶ Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. М., 2001. С. 166.

действие в обеспечении учебной литературой, техническими средствами и др. Активно действуют эмиссары, осуществляющие пропаганду политизированного ислама.

В связи с вышеизложенным, полагаем для результативного обеспечения социальной безопасности целесообразно провести следующие мероприятия:

- исключить возможность бесконтрольного проникновения и передвижения иностранных эмиссаров в регион с территорий сопредельных государств;

- наличие возможности проведения анализа имеющихся уставных документов во всех религиозных группах и организациях, а также филиалов, функционирующих на территории Северного Кавказа от имени международных исламских организаций и стран Ближнего Востока, на предмет соответствия их деятельности требованиям закона РФ «О свободе совести и религиозных объединениях»;

- приведение учебного процесса в исламских учебных заведениях республик в соответствие с законодательством РФ, при непосредственном организационном участии Министерств и Департаментов образования, Управлений по делам религии при правительствах. Духовных управлений;

- возможность активизации пропаганды, изобличающей ваххабизм как реакционное, воинствующее течение, идущее в разрез с интересами традиционного ислама, с использованием СМИ и привлечением авторитетных духовных лидеров.

Эксперты считают, что наиболее опасной угрозой социальной безопасности в регионе было размывание единого правового пространства страны, принятие в 90-е гг. субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству, т.к. это разрушает правовое пространство и правовую культуру России, дискредитирует власть, разлагает государственность, институты гражданского общества, т.е. основы Российского государства.

ГЛАВА 5.

Анализ причин нарушений (расхождений) свидетельствует о значительном их разнообразии:

- превышение органами государственной власти субъектов РФ своих конституционных полномочий;
- заполнение субъектами РФ южного региона федеральной законодательной ниши;
- недоучет федеральными законодателями специфики того или иного субъекта федерации;
- прямое нарушение руководителями субъектов РФ конституционных норм и федеральных законов.

В силу этого, важнейшим фактором социальной безопасности стало приведение в соответствие с Конституцией РФ и федеральным законодательством нормативно-правовых актов субъектов РФ. Начавшийся с введением института полномочных представителей, сегодня этот процесс идет по следующим направлениям:

- а) устранение разногласий в основных законах субъектов — конституциях, уставах;
- б) приведение в соответствие законодательства в области местного самоуправления;
- в) приведение в соответствие нормативно-правовых актов в области миграционной политики, налогового и бюджетного регулирования.

Органами власти Южного федерального округа рассмотрено 2500 проектов и более 5000 действующих нормативно-правовых актов, выявлено 875 нормативно правовых актов, разрушающих единое правовое пространство Российской Федерации, из них приведено в соответствие 360, около 200 еще находятся на завершающей стадии приведения в соответствие. Это основной массив региональных нормативных актов, регулирующих вопросы государственного устройства, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, выборного законодательства, экономического и социального развития субъектов Юга России.

ГЛАВА 5.

Однако, как показала практика, нужно подходить дифференцировано к каждому субъекту ЮФО, соблюдая баланс интересов. Так, в Республике Дагестан институт «коллегияльного президентства» — Государственный Совет, состоящий из 14 человек «по одному от каждой национальности» и процедура избрания состава Народного Собрания РД, обеспечивающая пропорции этнического представительства, с формальной точки зрения не совсем соответствует правовым нормам Конституции РФ. Однако именно эта система социальных институтов, в виду полиэтничности Дагестана, позволила решать и решает сейчас ряд важнейших проблем обеспечения региональной безопасности:

А) удалось преодолеть внутренние сепаратистские тенденции и не допустить развала республики на части по этническому принципу;

Б) избежать массовых межэтнических столкновений и этнических чисток и т.д.

Переход от «демократии согласия» к конкурентной демократии должен, на наш взгляд, проходить постепенно, по мере утверждения элементов гражданского общества.

Также необходимо, с учетом специфики региона, в первую очередь, необходимо принять законы, регламентирующие:

- поддержку и политическое представительство русского населения;
- государственно-религиозные отношения;
- систему этнического представительства в органах представительной и исполнительной власти в полиэтничных и многокультурных регионах;
- миграционные процессы;
- возможность пресечения политического экстремизма;
- принципы взаимоотношений этнических диаспор с зарубежными государствами²⁷.

²⁷ Понов А.В. Методологические аспекты трансформации политической роли регионов и становления административно-территориального управления в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. 2000. № 1

ГЛАВА 5.

Таким образом, обеспечение социальной безопасности Юга России во многом зависит от состояния и эффективного применения нормативно-правовой базы федерального и местного законодательства. Речь должна идти не об унифицированном полностью правовом пространстве России, что сегодня невозможно, а о единстве его как сложной, но системной целостности, в основе которого — единая концепция, обеспечивающая стабильное укрепление социальной обстановки и безопасности. Данная работа позволит со временем сформировать единое правовое поле южного региона, как важнейшего составляющего сегмента единого правового пространства Российской Федерации.

В связи с выше изложенным угрозами социальной безопасности на Юге России, по мнению ряда авторов, на современном этапе являются:

— преобладание в государственной политике интересов господствующих национальных групп. Эти интересы часто (если не всегда) далеки от того, чтобы стать обобщающим вектором интересов большинства населения, и их реализация возможна в этом случае только радикальными средствами, применение которых дестабилизирует социальную ситуацию. Опасения вызывает как качественный уровень вовлеченных в социальные отношения, так и формирование «пятой колонны». Игнорирование данного фактора в конечном итоге может привести к распаду, подчинению иностранному государству;

— этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда национальных общественных формирований, способствующие усилению национального сепаратизма, создающие благоприятные условия для возникновения конфликтов на этой почве;

— межнациональные и межрегиональные противоречия, вызванные историко-культурными, конфессиональными причинами, неравномерностью в развитии отдельных регионов и т.п.

— утрата официальной властью значительной части контроля над ситуацией в регионе в целом или над социальной си-

ГЛАВА 5.

туацией и т.п. (переход под экономическое и политическое влияния мафиозных криминальных структур, региональных элит, иностранных групп влияния и т.п. через некоторый критический порог. Например, ситуация в Чеченской республике и т.д.);

— противоречия между модернизацией в технологической и культурной сферах и традиционной социокультурной средой;

— политизация ислама, в особенности представляет угрозу деятельности течения ваххабизм;

— отток русского населения, являющегося интегрирующим фактором в регионе;

— изменение этнического состава населения региона;

— размывание единого правового пространства страны в силу принятия субъектами Российской Федерации нормативных правовых актов и решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству.

Система обеспечения социальной безопасности в Южном федеральном округе является важнейшей структурной частью обеспечения национальной безопасности страны.

Понятие «система обеспечения социальной безопасности» включает в себя два аспекта: наличие соответствующих структур (структурные компоненты системы) и определенных функций этих структур (функциональные компоненты системы).

Цель системы обеспечения социальной безопасности в Южном федеральном округе (далее ЮФО) состоит в том, чтобы создать механизм, позволяющий вырабатывать политику и стратегию российского государства и общества в области обеспечения социальной безопасности в южном регионе России и реализовывать ее в конкретных функциях сил, отдельных органов и лиц. В самом общем виде формирование на Юге России системы обеспечения социальной безопасности служит для противодействия угрозам политическим интересам страны в данном регионе. Параметры такой системы — надежность, обеспечивающая выполнение целей системы в полном объеме; разумная достаточность сил и средств, ограниченная возможностями государства формировать и содержать систему; со-

ГЛАВА 5.

ответствие органов, сил, средств, принципов системы ее функциональному предназначению (целям).

Системный подход к обеспечению социальной безопасности в ЮФО предполагает глубокое и всестороннее изучение процессов, протекающих в регионе, тенденций их развития, роли различных объективных и субъективных факторов, установление внутренних связей между ними. Социальные кризисы и конфликты на Юге России связаны с воздействием факторов экономического, военно-политического, социального, демографического, культурного, религиозного, психологического и иного порядка. Более того, одни и те же факторы в разные исторические периоды могут вызывать неодинаковые последствия.

Сущность системного подхода в исследовании проблем социальной безопасности в регионе заключается, прежде всего, в том, что деятельность личности, общества и государства по обеспечению социальной безопасности рассматривается как открытая динамическая система в совокупности ее важнейших внутренних и внешних взаимосвязей с целью нахождения путей оптимизации этой системы. Личность, общество и государство, объединяясь в процессе решения стоящих перед ними задач по достижению определенных целей (например, по реализации какого-то интереса) направляют свои усилия на получение определенного результата. Эта цель определяет все взаимоотношения между компонентами системы, ее структуру и функции, а также конкретные задачи управления по поддержанию социальной безопасности на определенном уровне или изменению ее состояния.

Рассмотрим более пристально отдельные компоненты системы обеспечения социальной безопасности.

В качестве структурных компонентов системы можно выделить следующие:

- цели системы как отражение объективной потребности личности, российского общества и государства в надежной защищенности их социальных интересов в регионе и за его пределами;

ГЛАВА 5.

- социальные интересы личности, общества и государства как осознанные потребности в безопасном существовании и прогрессивном политическом развитии;
- социальные ценности личности, общества и государства;
- органы власти, соответствующие целям системы, владеющие необходимой информацией, средствами и силами для воздействия на изменения состояний системы с целью приведения ее в состояние защищенности жизненно важных социальных интересов личности, общества и государства;
- субъекты, испытывающие потребность в обеспечении социальной безопасности (личность, общество, государство);
- объекты социальной безопасности (личность, общество, государство).

Основные связи структурных компонентов, возникающие в процессе функционирования системы, отражаются в функциональных компонентах. Системный подход концентрирует внимание на пяти основных функциональных компонентах:

- гностическом, включающем действия, связанные с накоплением и анализом новых знаний, информации о реальных и потенциальных социальных угрозах на Юге России;
- проектировочном, включающем действия, связанные с планированием деятельности органов в направлении достижения целей системы;
- конструктивном, включающем действия по отбору и композиционному построению воздействия на систему с помощью сил и средств на каждом этапе достижения целей, определению особенностей деятельности по обеспечению социальной безопасности на конкретном этапе;

ГЛАВА 3.

- коммуникативном, включающем действия, связанные с установлением целесообразного взаимодействия между органами, силами и средствами системы в процессе ее функционирования;
- организаторском, включающем действия по реализации конкретного воздействия на социальные угрозы интересам личности, общества и государства с целью их устранения (парирования, локализации).

Структурные и функциональные компоненты представляют принципиальную теоретическую модель системы обеспечения социальной безопасности в самом общем виде, которая удовлетворяет всем формальным признакам любой социальной системы: связности (цельности), предполагающей ограничение исследования выделением существенных зависимостей между объектными областями; константности (стабильности), предполагающей воспроизводимость (моделируемая система может быть обнаружена в разнообразных условиях и оказывается инвариантной при изменении ряда параметров явления); технологичности (модель должна проверяться в реальном эксперименте или наблюдении); наблюдаемости (возможности связать ключевые моменты теоретической модели с реальными эффектами, которые можно фиксировать в изучаемой области объектов); обозримости (включение в модель по возможности минимального и во всяком случае обозримого числа параметров).

Под обеспечением социальной безопасности Российской Федерации в ЮФО понимается целенаправленная деятельность государственных и общественных институтов, а также граждан по выявлению, предупреждению политических угроз безопасности личности, общества и государства в южном регионе и противодействию им как обязательное и неременное условие защиты социальных интересов России.

Главной целью обеспечения социальной безопасности Российской Федерации в ЮФО является создание и поддержание необходимого уровня защищенности политического положе-

ГЛАВА 5.

ния Юга России, которое бы создавало благоприятные условия для развития личности, общества и государства в регионе.

Данная цель достигается путем решения целого ряда задач обеспечения социальной безопасности:

- совершенствование законодательства Российской Федерации;
- укрепление правопорядка и социально-социальной стабильности общества, российской государственности, федерализма и местного самоуправления;
- формирование гармоничных межнациональных отношений;
- обеспечение международной безопасности России.

Основными принципами обеспечения социальной безопасности Российской Федерации являются:

- законность;
- соблюдение баланса социальных интересов личности, общества и государства;
- взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению социальной безопасности в - регионе;
- интеграция с международными системами безопасности;
- соблюдение Конституции и законодательства Российской Федерации при осуществлении деятельности по обеспечению социальной безопасности;
- единство, взаимосвязь и сбалансированность с другими видами национальной безопасности;
- реальность (с учетом имеющихся ресурсов, сил и средств) выдвигаемых задач.

Законодательные основы обеспечения социальной безопасности в регионе составляют Конституция РФ, законы и другие нормативные акты Российской Федерации, регулирующие

ГЛАВА 3.

отношения в области безопасности; конституции, законы, иные нормативные акты республик в составе Российской Федерации и нормативные акты органов государственной власти и управления краев, областей, автономной области и автономных округов, принятые в пределах их компетенции в данной сфере; международные договоры и соглашения, заключенные или признанные Российской Федерацией.

Основным субъектом обеспечения социальной безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

Для создания и поддержания необходимого уровня защищенности объектов безопасности в Российской Федерации разрабатывается система правовых норм, регулирующих отношения в сфере социальной безопасности, определяются основные направления деятельности органов государственной власти и управления в данной области, формируются или преобразуются органы обеспечения социальной безопасности и механизм контроля и надзора за их деятельностью.

Граждане, партии, общественные и иные организации и объединения также являются субъектами социальной безопасности, обладают правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством республик в составе Российской Федерации, нормативными актами органов государственной власти и управления краев, областей, автономной области и автономных округов, принятыми в пределах их компетенции в данной сфере. Государство обеспечивает правовую и социальную защиту гражданам, политическим партиям, общественным и иным организациям и объединениям, оказывающим содействие в обеспечении безопасности в соответствии с законом и составляющим негосударственную систему обеспечения социальной безопасности.

Таким образом, в систему обеспечения социальной безопасности входят органы законодательной, исполнительной и судебной власти, государственные, общественные и иные орга-

ГЛАВА 5.

низации и объединения, партии, граждане, принимающие участие в обеспечении безопасности в соответствии с законом, а также законодательство, регламентирующее отношения в сфере безопасности.

Основными функциями системы обеспечения социальной безопасности в ЮФО являются:

- выявление и прогнозирование внутренних и внешних угроз интересам объектов безопасности в регионе, осуществление комплекса оперативных и долговременных мер по их предупреждению и нейтрализации;
- участие в мероприятиях по обеспечению социальной безопасности регионе за пределами Российской Федерации в соответствии с международными договорами и соглашениями, заключенными и признанными Российской Федерацией;
- планирование деятельности органов и сил социальной безопасности в регионе в различных режимах функционирования системы;
- организацию взаимодействия между различными государственными, коммерческими и общественными организациями;
- координацию действий органов и сил по проведению мероприятий в области обеспечения социальной безопасности;
- обеспечение единства действий по укреплению безопасности на федеральном, местном и региональном уровне и много других функций.

Силы обеспечения социальной безопасности Российской Федерации включают в себя ведомства, на которые законодательством Российской Федерации возлагаются функции по обеспечению социальной безопасности.

Основу системы обеспечения социальной безопасности составляют органы законодательной, исполнительной и судебной

ГЛАВА 5.

власти, реализующие меры политического характера, направленные на обеспечение социальной безопасности личности, общества и государства.

Президент Российской Федерации утверждает Концепцию национальной безопасности, в состав которой входит обеспечение социальной безопасности; руководит в пределах своих конституционных полномочий органами и силами обеспечения национальной безопасности; санкционирует действия по обеспечению национальной безопасности в различных сферах; выступает с посланиями, обращениями и директивами по национальной безопасности.

К ведению Совета Федерации и Государственной Думы Федерального Собрания в области обеспечения социальной безопасности относится: утверждение законодательной базы в сфере обеспечения социальной безопасности; принятие решений в пределах своего ведения по вопросам использования сил и средств социальной безопасности, применения военной силы; законодательное определение финансирования обеспечения социальной безопасности за счет средств федерального бюджета; принятие и рассмотрение законов по вопросам ратификации и денонсации международных договоров Российской Федерации в области социальной безопасности; утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации; утверждение Указов Президента о введении военного положения и о введении чрезвычайного положения; решение вопроса о возможности использования Вооруженных Сил за пределами территории Российской Федерации; отрешение Президента Российской Федерации от должности.

Правительство Российской Федерации обеспечивает реализацию политики социальной безопасности, выполнение целевых федеральных программ, планов и директив в области обеспечения социальной безопасности, осуществляет меры по обеспечению финансовыми и материальными ресурсами сил и органов социальной безопасности; руководит деятельностью подведомственных ему федеральных органов исполнительной власти и координирует деятельность органов исполнительной

ГЛАВА 5.

власти субъектов Российской Федерации. В области обеспечения социальной безопасности в соответствии с Законом РФ «О безопасности» Правительство Российской Федерации в пределах определенной законом компетенции обеспечивает руководство государственными органами по обеспечению социальной безопасности, организует и контролирует разработку и реализацию мероприятий по обеспечению безопасности министерствами и государственными комитетами, другими подведомственными органами государственной власти Российской Федерации.

Судебные органы обеспечивают защиту конституционного строя Российской Федерации, руководствуясь Конституцией и законами РФ, конституциями и законами республик в составе Российской Федерации; осуществляют правосудие по делам о преступлениях, посягающих на безопасность личности, общества и государства; обеспечивают судебную защиту граждан, общественных и иных организаций и объединений, чьи права были нарушены в связи с деятельностью по обеспечению безопасности и т.д. Президент Российской Федерации возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, определяет стратегию внутренней и внешней социальной безопасности; контролирует и координирует деятельность государственных органов обеспечения безопасности; в пределах определенной законом компетенции принимает оперативные решения по обеспечению безопасности; представляет Федеральному Собранию ежегодный доклад об обеспечении национальной безопасности Российской Федерации и основных задачах политики социальной безопасности на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы.

Координирующим межведомственным органом системы обеспечения национальной безопасности является Совет Безопасности Российской Федерации. Он рассматривает стратегические проблемы внутренней, внешней и военной политики, социальной стабильности, прогнозирования и предотвращения межнациональных и социальных конфликтов, чрезвычайных ситуаций и преодоления их последствий, обеспечения

ГЛАВА 5.

общественного согласия, законности и правопорядка; подготавливает рекомендации и предложения по разработке концепции национальной безопасности Российской Федерации и осуществлению механизма ее реализации, по проведению политики и стратегии обеспечения национальной безопасности; вырабатывает необходимые предложения для принятия решений в случае возникновения непосредственной угрозы политическим интересам.

Федеральные органы исполнительной власти обеспечивают выполнение решений Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и Совета Безопасности Российской Федерации, федеральных программ, планов и директив в области обеспечения социальной безопасности; в пределах своей компетенции разрабатывают нормативные правовые акты и представляют их в Совет Безопасности Российской Федерации; в соответствии с законодательством Российской Федерации формируют, реорганизуют и упраздняют подчиненные органы и силы.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации взаимодействуют с федеральными органами исполнительной власти в целях обеспечения соблюдения законодательства Российской Федерации, выполнения решений Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и Совета Безопасности Российской Федерации, федеральных программ и планов; совместно с органами местного самоуправления проводят мероприятия по привлечению граждан, общественных объединений и иных организаций для оказания содействия в обеспечении социальной безопасности в соответствии с законодательством Российской Федерации; вносят в федеральные органы исполнительной власти предложения по совершенствованию обеспечения социальной безопасности Российской Федерации.

К основным органам обеспечения социальной безопасности можно отнести Прокуратуру РФ и Конституционный и Верховный Суды РФ. Они напрямую связаны с деятельностью

ГЛАВА 5.

по обеспечению социальной безопасности личности, общества и государства.

В Южном федеральном округе основную роль в обеспечении социальной безопасности с мая 2000 года взял на себя аппарат Полного представителя Президента РФ в ЮФО и соответствующие структуры при нем:

- Консультативный совет при полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе. Цель деятельности Совета анализ социальных, социальных, экономических, национальных и других факторов, влияющих на безопасность в федеральном округе;
- Коллегия территориальных органов федеральных органов исполнительной власти в Южном федеральном округе. Основная функция рассматривает деятельность территориальных органов по обеспечению национальной безопасности, улучшения политического, социального и экономического положения в округе;
- Консультационный совет по делам казачества при полномочном представителе Президента РФ в Южном федеральном округе.

Главными в обеспечении социальной безопасности на Юге России являются социальная воля государства, координация деятельности и объединение усилий всех органов, сил и средств, входящих в систему обеспечения социальной безопасности.

При обеспечении социальной безопасности важное значение имеют технологии данной деятельности.

Еще в античные времена Аристотель подробно перечислил то, что обеспечивает сохранение и устойчивость государств и обществ: предупреждение ошибочных начал в их устройстве (особенно при создании новых или переустройстве существующих); наличие в законах средств врачевания государственного строя, придания ему стойкости, предупреждение возмущений народа, смут и потрясений, устранение всего, что разрушает,

ГЛАВА 5.

ослабляет, разлагает (несправедливость власти, насилие над народом); недопущение к власти недобродетельных людей, лишение многих людей социальных прав, рост доли бедняков, остракизма)²⁸.

На наш взгляд основные технологии по обеспечению социальной безопасности в Южном федеральном округе включают в себя: мониторинг социальной ситуации и институт федерального вмешательства.

Социальные опасности и угрозы не возникают неожиданно. В большинстве случаев им предшествуют некоторые события, процессы и явления, которые являются их предвестниками. Выявление таких предвестников, их анализ и прогнозирование с помощью степени вероятности и сроков возникновения опасности, возможного ущерба, напряженности и т.д. является основными задачами мониторинга.

Важнейшей мерой в обеспечении социальной безопасности является мониторинг, т.к. многие социальные угрозы можно было предупредить, если бы была эффективная система мониторинга социальной ситуации в регионе. Система мониторинга является как бы «системой нервных окончаний» в обеспечении социальной безопасности России; «предвидеть — значит предупредить».

Мониторинг социальной ситуации региона (субъекта) (англ. monitoring) — постоянное наблюдение, систематический сбор и анализ информации с целью:

- Прогнозирования возможности угроз безопасности политическим интересам личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в регионе (субъекте);
- Планирования действий по стратегическому реагированию на угрозы;
- Предоставления вариантов действий для соответствующих институтов государства и общества.

²⁸ Серебрянников В. *Социальная безопасность: [России]//Свобод. Мысль.* №1. С.21.

ГЛАВА 5.

Важнейшим структурным элементом мониторинга являются показатели социальной ситуации в регионе. Показателями обычно называют социальные события, процессы, проявления, сведения, эффекты, позволяющие заблаговременно обнаружить опасности, их характер, источники, направленность, масштабы и возможные сроки наступления. Показатели являются по существу признаками, сигналами, симптомами опасности²⁹.

Система показателей состояния динамики социальной безопасности призвана обеспечить комплексное отражение, во-первых, всей совокупности внешних факторов, определяющих уровень этой сферы безопасности, во-вторых, всю полноту противоречий внутри системы, как источников ее угрозы. Характеристика каждого компонента исследуемой сферы безопасности должна опираться на достаточно ограниченное число показателей. Одним из основных предъявляемых требований является то, что показатели должны быть сквозными, т.е. сопоставимы с прошлыми и будущими измерениями, с результатами изучения проблемы на разных иерархических уровнях: глобальном, региональном и др.

В интересах обеспечения безопасности, общественному регулированию и контролю (в его нормативно-правовом, нравственном и психологическом аспектах) подлежат следующие факторы: идеалы, целевые установки, ценностные ориентации, материальные и духовные потребности, интересы, самоидентификация, социальная адаптация, интеграция и дезинтеграция групп и слоев в изменившихся общественных условиях, мотивы деятельности, знания, умения, степень готовности, решимости к индивидуальным и групповым действиям, состояние массового сознания, степень зрелости общества, доверие политическим институтам.

В науке делаются попытки определить показатели социальной безопасности: отсутствие препятствий и ущемление социальных прав и свобод граждан наличие социальной оппози-

²⁹ Серебрянников В., Хлопьев А. *Социальная безопасность России*. ИСРи РАН. М., 1996.

ГЛАВА 5.

ции; справедливость и соответствие государственно-политического устройства национальным интересам; социальная мощь и геополитический статус страны; эффективность политики государственного управления, выражающаяся в способности энергично преодолевать кризисы, обеспечивать восстановление и устойчивое развитие; доверие и добровольное поддержка власти большинством общества оптимальная социальная стабильность; рост внутренних и внешних инвестиций в развитие страны³⁰.

Для социальной безопасности важное значение имеют не столько сами показатели, сколько их пороговые значения. Пороговые значения — это предельные величины, несоблюдение которых препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в области социальной безопасности.

№ п/п	Наименование	Предельно критическое значение в мировой практике	Вероятные социальные последствия
1.	Доля граждан выступающих за кардинальное изменение социальной системы	40%	Делегитимация власти, противостояние государственной власти и человека
2.	Уровень доверия к центральным органам власти	20—25%	Отчуждение власти от народа, пассивность, чувство утраты безопасности

Важно подчеркнуть, что наивысшая степень безопасности достигается при условии, что весь комплекс показателей находится в пределах допустимых границ своих пороговых зна-

³⁰Серебрянников В. Социальная безопасность: [России] // Свобод, мысль. 1997. №1. С. 22.

ГЛАВА 3.

чений, а пороговые значения одного показателя достигаются не в ущерб другим.

Эксперты полагают, что многих социальных угроз и конфликтов удалось бы избежать, если бы был и реально действовал институт федерального вмешательства. Федеральное вмешательство — одна из наиболее активных и результативных форм предусмотренных Конституциями и законами, практически используемая в ряде зарубежных федераций (Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика, Индия, Пакистан, США и др.) для восстановления конституционной законности в субъекте (субъектах) федерации в чрезвычайных условиях. В Конституции Германии федеральное принуждение предусмотрено, но не используется. В США оно допускается в Конституции, хотя в нечетких формулировках, и использовалась 15 раз.

Наиболее болезненными для российского государственного строительства являются вопросы неисполнения законов Российской Федерации ее субъектами и необходимость разработки механизмов их ответственности за подобное неисполнение. Ответственность субъектов федеративных отношений за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей в сфере государственного управления и регулирования остается одной из наименее разработанных проблем. Отсутствие концепции ответственности субъектов федеративных правоотношений препятствует выполнению поставленных перед современной Россией задач государственного строительства.

Как показывает практика государственно-правового развития Юга России, договорные, согласительные, координационные и иные механизмы, направленные на достижение взаимопонимания между Федерацией и ее субъектами, оправдывают себя в определенной степени, но далеко не всегда достигают поставленных целей. В условиях игнорирования властями ряда субъектов Федерации ее требований и законных интересов Федерация вынуждена прибегать к использованию принудительных мер обеспечения государственного, экономического и правового единства страны. Обращение к мерам федераль-

ГЛАВА 5.

ного принуждения вполне допустимо и является «необходимым правовым инструментом в том случае, когда такие меры предварительно прописаны в конституционном законодательстве, и все субъекты федеративных правоотношений осведомлены о возможных инструментах правового воздействия.

Следует признать безусловное право федерации на применение всего комплекса мер по защите своего государственного, экономического и правового единства. Однако при неработанности механизмов регулирования федеративных отношений любые, даже самые целесообразные и оправданные, действия Федерации и ее властей по защите интересов единой государственности могут быть расценены и зачастую расцениваются как внеправовые. Общефедеративные, общегосударственные и общенациональные интересы заключаются в поддержании целостности государства, утверждении единого суверенитета Федерации, сохранении общего экономического пространства, соблюдении однородности правового статуса человека и гражданина на всей территории страны.

Можно с высокой долей уверенности утверждать, что современное российское право не содержит необходимых механизмов, гарантирующих государственное и правовое единство страны.

Конституция РФ 1993 г. и конституционное законодательство в целом не предусматривают механизмов федерального вмешательства в дела субъектов Федерации. Вместе с тем, закрепленные в ст. 80 Конституции РФ прерогативы Президента РФ: принятие мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти (ч. 2, ст. 80), дают возможность осуществления федерального вмешательства в целях пресечения попыток субъекта Российской Федерации выйти из-под контроля Федерации³¹. Речь идет о своего рода «скрытых» прерогативах Президента РФ «по охране суверенитета и государ-

³¹ См.: Баглай М.В., Туманов В.А. *Малая энциклопедия конституционного права*. М., 1994. С. 47.

ГЛАВА 5.

ственной целостности», предусмотренных ч. 4, ст. 71, ч. 2, ст. 78, ст. 80, ст. 82, ч. 1, ст. 87, ч. 3, ст. 90 Конституции РФ. Реализацией такого подхода в практике Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г., которым были признаны обоснованными решения Президента РФ по наведению конституционного порядка в Чеченской республике³².

Элементами института федерального вмешательства являются:

1. Основанием применения мер федерального вмешательства является нарушение требований федеральной Конституции, тех ее положений, которые гарантируют сохранение целостности государственного устройства страны и единство ее политико-правового пространства.

2. Меры федерального вмешательства закрепляются Конституцией РФ и федеральными законами. Конституционность мер федерального вмешательства и их применение — неотъемлемое условие правового государства.

3. Меры федерального вмешательства могут быть приняты органами государственной власти республик, краев, областей, автономной области и автономных округов как субъектов Российской Федерации, их должностных лиц, депутатов.

4. Институтами, призванными решать вопросы, касающиеся мер федерального вмешательства, являются прежде всего судебные органы: Конституционный Суд, Верховный Суд РФ, уставные (конституционные) суды субъектов Федерации. На них возлагается исключительное право по применению санкций в отношении субъектов федеративных отношений. Однако, круг государственных органов, наделенных различными полномочиями по инициированию и прохождению процесса применения мер федерального вмешательства, значительно шире — это Президент РФ, федеральное Собрание РФ, Генеральная Прокуратура РФ, Министерство юстиции РФ.

³²См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. 333. Ст. 3424.

— ГЛАВА 5.

В мировой практике мерами федерального вмешательства являются:

- объявление режима чрезвычайного положения;
- введение прямого президентского правления;
- перераспределение полномочий между федеральными органами власти и органами власти субъектов федерации;
- импичмент, снятие с должности руководителей субъектов Федерации;
- роспуск законодательных (представительных) органов власти;
- меры финансового воздействия;
- отмена незаконных решений органов законодательной (представительной) и исполнительной ветвей власти субъектов Федерации;
- ликвидация субъекта Федерации как самостоятельного образования;
- перевод под непосредственное подчинение федерального правительства подразделений милиции, внутренних войск, иных силовых ведомств субъектов Федерации.

Опыт урегулирования конфликтов на территории Южного федерального округа показал, что условием мирного разрешения межэтнического и межконфессионального противостояния в многонациональной, поликонфессиональной среде является активное присутствие федерального центра. Опыт разрешения и предотвращения межэтнических конфликтов показал, что попытки разрешить кризис исключительно «местными средствами» часто оказываются неэффективными. Сегодня требуется работа не в режиме пожарной команды, а разработка целенаправленных мер по предотвращению конфликтов.

Характер современных мировых процессов таков, что с необходимостью требует новых подходов к осмыслению их дви-

ГЛАВА 5.

жущих причин, субъектов, явных, а главное скрытых механизмов, приводящих их в движение.

По оценкам многих известных ученых, планетарный кризис неизбежен. Его нарастание очевидно, и это происходит на наших глазах. В результате на сегодняшний день надвигающийся планетарный кризис выдвинул на первый план проблему безопасности человечества как наиболее важную системную проблему. Событий 11 сентября 2001 г. потребовали рассматривать все явления общественной жизни через «призму» безопасности.

Отличительной особенностью кризисных процессов является то, что на сегодняшний день, в силу развития производительных сил, существует лишь возможность их ослабления, но никак не искоренения. Человеческий опыт в целом и научный в частности не располагает необходимым инструментарием для предотвращения кризисных явлений.

Кризисы в таких сферах, как энергетическая, демографическая, экологическая и др., усугубляемые отмеченной выше особенностью кризисных процессов, с очевидностью требуют объединения усилий всех стран. Но эта очевидность не приводит пока к совместным действиям, адекватным самой проблеме, хотя, скажем, международных организационных структур типа ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЕ и др. вполне хватило бы для создания организационной базы объединения.

Мешает этому разночтение интересов международных субъектов, их попытки решить свои проблемы за счет других. Последнее вытекает из нежелания ограничивать безудержный рост потребностей и невозможностью их удовлетворения за счет собственных ресурсов (например, отказ США подписать Киотские соглашения). Это определило появление, например, теории «золотого миллиарда», концепций «конца истории», «трех мировых центров силы», «межцивилизационных столкновений», «мирового правительства», равнодоступности для всех стран национальных природных ресурсов и т.п.³³

³³ Семенов В. А. *Этногеосоциальные аспекты безопасности России*. М., 1998. С. 5—6.

ГЛАВА 5.

Таким образом, возникшая проблемная ситуация имеет две составляющие: противоречие между политическими и природными процессами и между самими политическими субъектами, которые в совокупности детерминируют появление различного рода угроз и отражаются на состоянии безопасности социальных и природных систем.

В силу этого обеспечение социальной безопасности является одним из приоритетов национальной безопасности России.

Социальная безопасность, как категория системная, является свойством (функцией) социальной системы, построенной на принципах устойчивости, саморегуляции, целостности и призвана защитить каждое из этих свойств, так как разрушительное воздействие на любое из этих свойств приведет к гибели системы в целом. Социальная безопасность раскрывается в рамках модели, включающей ее подсистемы: интересы, угрозы, система обеспечения.

В основе системы социальной безопасности России лежат социальные интересы страны. Социальные интересы России имеют долгосрочный характер и определяют основные цели социальной безопасности, формируют стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства, реализуются через систему государственного управления. Социальные интересы, как внутренние, так и внешние, не могут оставаться вечными и неизменными. По мере изменений объективной реальности внутри страны и в мире меняются содержание социальных интересов и стратегия деятельности государства по обеспечению этих интересов. Однако коренные социальные интересы, такие, как сохранение суверенитета, территориальной целостности, обеспечение безопасности государств остаются постоянными.

Во внутренней сфере социальные интересы России состоят в сохранении стабильности конституционного строя, институтов государственной власти, в обеспечении гражданского мира и национального согласия, территориальной целостности, единства правового пространства, правопорядка и в завершении процесса становления демократического общества, а также в нейтрализации причин и условий, способствующих

ГЛАВА 5.

возникновению политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и их последствий — социальных, межэтнических и религиозных конфликтов, терроризма

Кроме того, следует учитывать, что при реализации собственных социальных интересов любое государство должно учитывать интересы других государств и интересы международной системы в целом, добиваясь их определенного баланса. Без этого не сохранить достаточный уровень международной безопасности, в условиях которой только и можно надежно обеспечить социальные интересы своего государства.

Социальные интересы Российской Федерации во внешней сфере требуют проведения активного внешнеполитического курса и направлены на упрочение позиций России как великой державы — одного из влиятельных центров формирующегося многополярного мира.

Социальные интересы основываются на социальных ценностях субъектов политики, т.к. именно они определяют степень важности социальных интересов, приоритетность их реализации соответствующими политическими институтами и органами государственной власти.

Обеспечение социальной безопасности означает устранение угроз, препятствующих реализации социальных интересов или создающим им опасность.

Угрозы социальной безопасности имеют объективный характер и возникают в результате появления противоречий между индивидами, слоями общества, классами, государствами при их взаимодействии в процессе политического развития.

Противоречия по-разному проявляются в различных сферах жизнедеятельности в зависимости от конкретных условий, в которых осуществляется взаимодействие тех или иных объектов безопасности. Социальные угрозы появляются под воздействием антагонистических противоречий, являющихся результатом столкновения конфронтационных интересов объектов безопасности — участников социальных отношений.

Только столкновение конфронтационных или встречных социальных интересов объектов безопасности порождает со-

ГЛАВА 5.

циальные угрозы — сначала потенциальные, а затем и реальные. Другие виды социальных интересов — совпадающие, параллельные и расходящиеся — по своему содержанию не могут формировать условия для появления угрозы. Наоборот, они являются базой для достижения единства, взаимопонимания и сотрудничества в социальных отношениях.

Проблема обеспечения социальной безопасности особо актуальна на Юге России, т.к. большая часть вызовов и угроз региону сосредоточена в социальной сфере.

Территория южно-российского региона складывалась практически три столетия, последовательно охватывая низовья Волги и Дона, левобережье Терека, Кабарду, Дагестан, степи западного Предкавказья и, наконец, горные территории Кавказа и его черноморское побережье, этот процесс сопровождался интеграцией кавказских народов в систему российской государственности. Произошедшие после распада СССР перемены существенно отразились на региональном статусе и рейтинге Юга России. Будучи ранее внутренним регионом страны, Юг России теперь стал ее приграничной территорией, приобретя стратегическую функцию представления и защиты геополитических интересов России на Кавказе, Ближнем Востоке и на Балканах.

На позицию и статус южного региона существенно повлияла изменение социальной обстановки, вызванной суверенизацией Российской Федерации. Увеличилось значение Юга как источника продовольствия в стране. С нашей точки зрения, приоритетом обеспечения социальной безопасности России на Юге страны является сохранение государственной и территориальной целостности Российской Федерации, социальная стабильность и недопущение вооруженных конфликтов, эффективное функционирование системы управления, социальных институтов в регионе.

В свою очередь, это требует социального управления, учитывающего специфику региона как некоей целостности и обеспечивающего эффективность социальных решений, не достижимую при реализации иных подходов. Это нашло воплощение в структуре аппарата полномочного представителя Президента РФ в Южном федеральном округе.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Преодоление ксенофобии, по крайней мере, в ее насильственной и демонстрационных формах является условием дальнейшего стабильного и устойчивого развития России. Однако, задача формирования межэтнической и межконфессиональной толерантности наталкивается на отсутствие эффективных и апробированных технологий ее достижения.

Ксенофобия как «иллюзорное» мышление часто является побочным продуктом наших мыслительных стратегий для упрощения сложной информации.

Если ложная идея искажает обработку информации, то будет ли последующая дискредитация уничтожать ее эффект? Чтобы узнать это, американские психологи Ли Росс, Крейг Андерсон и их коллеги навязали людям ложное убеждение, а потом попытались дискредитировать его. «Их эксперименты обнаружили, что на удивление трудно опровергнуть неправду, если человек логически обосновал ее. В каждом эксперименте убеждение либо внушалось в самом начале, либо сообщалось, что это правда, либо людей побуждали прийти к такому заключению после тщательного изучения двух примеров. Затем людей просили объяснить, почему это правда. В конце эксперимента исследователи абсолютно дискредитировали первичную информацию, говоря людям правду: информация была сфабрикована для эксперимента, и половина людей получила противоположную информацию. Тем не менее, новое убеждение сохранялось у 75% испытуемых, поскольку они все еще продолжали верить в придуманное ими объяснение»¹. Этот феномен, который был назван «стойкостью убеждений», показывает, что убеждения могут жить своей жизнью и сохраняться в сознании человека даже после дискредитации доказательства, которое их породило.

¹См.: Росс Л., Нисбетт Р. *Человек и ситуация. Уроки социальной психологии*. М., 1999.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Эти эксперименты также показывают, что, чем тщательнее мы проверяем свои теории и объясняем, почему они могли бы быть истинными, тем более мы становимся закрытыми для информации, которая может пошатнуть наше мнение. Несмотря на стремление к объективности, при сборе информации люди склонны подтасовывать ее таким образом, чтобы она подтверждала их мнения или рабочие гипотезы о данном объекте².

Каким же образом наиболее эффективно вакцинировать людей, чтобы они избегали следованию радикальным призывам и как для этого надо действовать?

Сделать людей менее податливыми для чужого влияния — это, прежде всего, встроить в соответствующую систему установок все те атрибуты удивительной способности к сопротивлению и жизнестойкости установок, воспитать и развить те же самые психологические качества, которые приходится преодолевать, чтобы преодолеть ксенофобию. Это все равно, что запустить процесс убеждения в обратном направлении. Вильям Макгуэр³ провел аналогию между процессами формирования психологической защиты от убеждения и биологическими процессами защиты от заболеваний, вызываемых микробами. Можно подвергнуть мнение слабой критике и подсказать людям, как отразить эту критику, предложив готовые контраргументы и поощряя обдумывание собственных аргументов для отражения атаки и выработки «когнитивных антител»⁴. Как подтвердили исследования, в ожидании атаки люди генерируют когнитивные суждения в соответствии со своими установками, а эти когнитивные сужде-

² *Snyder M. and Swann W. B. Jr. (1978). Hypothesis-testing processes in social interaction. Journal of Personality and Social Psychology, 36, 1202—1212.*

³ *McGuire W.J. (1964). Inducing resistance to persuasion: Some contemporary approaches. In L. Berkowitz (Ed., Advances in experimental social psychology (vol. 1). New York: Academic Press.*

⁴ *McGuire W. J., and Papageorgis D. (1961). The relative efficacy of various types of prior belief-defense in producing immunity against persuasion. Journal of Abnormal and Social Psychology, 49, 1513—1529.*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ния со временем становятся все более многочисленными и крайними по содержанию⁵.

Исследователи успешно применяют приемы вакцинации к телевизионному насилию⁶. Методы прививок использовались так же для повышения сопротивления маленьких детей лживым рекламным роликам⁷, а также, чтобы помочь школьникам сопротивляться давлению, побуждающему их начать курить⁸. Обычно им приводят аргументы в пользу курения и учат, как парировать их. Надежным методом является написание сочинения, стимулирующего самоубеждение. В этом случае ученые увеличивают реактивное сопротивление, изображая давления сверстников как ограничение свободы выбора. Теория реактивного сопротивления, была разработана психологом Джеком Бремом для объяснения реакции людей на уменьшение степени личного контроля⁹. Реактивное сопротивление происходит, когда люди чувствуют, что свободе их выбора угрожает некий внешний фактор. Поэтому у них возникает желание утвердить свою свободу.

⁵ Hass R. G., and Grady K. (1975). Temporal delay, type of forewarning, and resistance to influence. *Journal of Experimental Social Psychology*, 11, 459—469; Leippe M. r. (1979). Message exposure duration and attitude change: An information processing analysis of persuasion. Unpublished doctoral dissertation, Ohio State University; Petty R. E. And Cacioppo J. T. (1977). Forewarning, cognitive responding, and resistance to persuasion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 35, 645—655.

⁶ Huesmann L. R., Eron L. D., Klein R., Brice R., and Fisher P. (1983). Mitigating the imitation of aggressive behaviors by changing children's attitudes about media violence. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44, 899—910.

⁷ Feshbach S. (1980). Television advertising and children: Policy issues and alternatives. Paper presented at the American Psychological Association convention; Roberts D. F. (1982). Children and commercials: Issues, evidence, interventions. *Prevention in Human Services*, 2, 19—36.

⁸ Evans R. I. (1984). A social inoculation strategy to deter smoking in adolescents. In J. D. Matarazzo, S. M. Wiess, J. A. Herd, N. E. Miller, and S. M. Weiss (Eds.), *Behavioral health: A handbook of health enhancement and disease prevention*. New York: Wiley; McAlistar A. (1981). Antismoking campaigns: Progress in developing effective communications. In R.E. Rice and W.J. Paisley (Eds.), *Public communication campaigns* (pp. 91—103). Beverly hills, CA: Sage.

⁹ Brehm J.W. (1966). A theory of psychological reactance. New York: Academic Press; Brehm S.S. & Brehm J.W. (1981). Psychological reactance and the attractiveness of unattainable objects: Sex differences in children's responses to an elimination of freedom. *Sex Roles*, 7, 937—949.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Повторяя слова Роджера Брауна и Милграма, можно сказать, что для того, чтобы разбить сухую корку привычки к подчинению, необходимо специальное обучение, подобно урокам по технике противопожарной безопасности¹⁰. И это обучение должно быть достаточно для того, чтобы наблюдатели обратили внимание на то, чему нужно научиться, запомнили действие и были способны его повторить¹¹.

Таким образом, существует ряд способов повышения психологической сопротивляемости людей ксенофобии:

- поощрение в них преданности уже имеющимся позитивным убеждениям;
- предоставление им объективных знаний о других социальных группах;
- обучение их выражать сомнение в противоположных по содержанию аргументах
- предупреждение их о готовящихся атаках на стиль их жизни и установки

Мы полагаем, что наиболее эффективным в сфере противодействия ксенофобии может стать механизм «заготовки готовых идей» — социальным ученым необходимо выявить наиболее часто встречающиеся методы манипулирования, а затем вооружить людей против них.

Разумеется, у каждого человека есть своя система ценностей, т.е. неизменный набор мнений о том, какие виды поведения и какой стиль жизни являются предпочтительными или хорошими¹². Установки, сильно связанные с ценностями, особенно трудно поддаются изменению¹³. Люди обычно особо непо-

¹⁰ Brown R. (1986). *Social psychology: The second edition*. New York: Free Press. P. 65.

¹¹ Зимбардо Ф., Лайнне М. Социальное влияние. 2001. С. 66

¹² Rokeach M. (1973). *The nature of human values*. New York: Free Press.

¹³ Johnson B. T. and Eagly A. H. (1989). *Effects of involvement on persuasion: A meta-analysis*. *Psychological Bulletin*, 104, 290—314; Sherif C. W., Kelly M., Rodgers H. L. Jr., Sarup G., and Tittler B. I. (1973). *Personal involvement, social judgment, and action*. *Journal of Personality and Social Psychology*, 27, 311—328.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

колебимы в тех вопросах, которые касаются их лично, т.е. затрагивают те области, где их чувство личной идентичности, привычный образ жизни или ощущение социальной среды тесно соприкасается с их позицией по данному вопросу¹⁴.

Исследования Ч. Карвера показывают, что люди с повышенным самосознанием более склонны придерживаться своих установок¹⁵. Люди с последовательными установками уверены в своих взглядах, и имеют четкое представление о себе, поэтому им не надо выводить свои установки из имеющейся информации о своем поведении¹⁶. Принятие определенной позиции, особенно в присутствии других людей, так же сильно повышает их сопротивляемость. Это особенно верно в тех случаях, когда вербальные и поведенческие обязательства для индивидуума связаны с его личностными ценностями¹⁷. Поэтому необходимо доверять своей интуиции.

Поскольку многие установки основываются на знании, попытке убеждения можно противостоять с помощью контраргументов. Обладая знаниями, проще выдвигать контраргументы¹⁸. Образование должно включать в себя знакомство с самыми разнообразными идеями и идеологиями, чтобы люди могли отстаивать свои взгляды. Если их не знакомят с другими взглядами на мир, то им будет трудно защищать свои взгляды от нападков красноречивых сторонников различных идеологий¹⁹.

¹⁴ *Krosnick J. A. (1988). The role of attitude importance in social evaluation: A study of policy preferences, presidential candidate evaluations, and voting behavior. Journal of Personality and Social Psychology, 55, 196—210*

¹⁵ *Carver C. S. & Scheier M.F. (1981). Attention and self-regulation. New York: Springer-Verlag.*

¹⁶ *Chaiken S. & Baidwin M. W. (1981). Affective-cognitive consistency and the effect of salient behavioral information on the self-perception of attitudes. Journal of Personality and Social Psychology, 41, 1—12. P. 9.*

¹⁷ *Lydon J. E. & Zanna M. P. (1990). Commitment in the face of adversity: A value-affirmation approach. Journal of Personality and Social Psychology, 58, 1040—1047.*

¹⁸ *Wood W. (1982). Retrieval of attitude relevant information from memory: Effects on susceptibility to persuasion and on intrinsic motivation. Journal of Personality and Social Psychology, 42, 798—810.*

¹⁹ *Зимбардо Ф. Ляйппе М. Социальное влияние. СПб., 2001. С. 254.*

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВМЕ

Ценности общества нуждаются в изменении, однако одних просветительских или пропагандистских усилий недостаточно. Не возможно ожидать от представителя авторитарной и воинственной культуры принятия культурного паттерна, с которым ему никогда не приходилось сталкиваться, ведь даже те, для кого эта культурная модель знакома с детства, иногда не могут достаточно четко описать ее²⁰.

Демократия не ограничивается лишь политическими проявлениями, они переплетаются практически с каждым аспектом культуры. Как мать обращается со своим годовалым ребенком, с ребенком двух или трех лет, как осуществляется руководство предприятием, каким образом окружающие воспринимают статусные различия — все эти характеристики представляют собой весьма важные элементы демократии. «Социальный климат, в котором живет ребенок, важен для его развития так же, как и воздух, которым он дышит». Поэтому каждое изменение, должно, безусловно, осуществляться с учетом этого сложного фона. Невозможно ограничиться только лишь трансформацией официально признаваемых ценностей, необходимо изменять повседневную жизнь людей. Толстому принадлежит важная мысль: без поворота сознания людей, сопровождающего социальные перемены, всякие внешние реформы могут оказаться бесполезными, ибо отсутствие должного уровня культуры и нравственности породит новые формы принуждения человека. Не вызывает сомнений утверждение о том, что изменение ценностей, в конечном счете, приведет к изменению поведения в социуме, но верно и обратное: трансформация моделей поведения и повседневной жизни, непременно отражается на ценностях культуры. И было бы ошибкой полагать, что люди сами по себе будут следовать демократической модели существования.

Подобные предположения базируются на наивном представлении о том, что человеческая природа — это то же самое, что демократическая культура, и что единственное, в чем нуж-

²⁰К. Левин Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000. С. 153, 167, 212.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

дается человек, так это в том, чтобы искоренить причины плохой адаптации, тогда демократический мир будет построен незамедлительно. Подобные взгляды неверны даже в отношении людей, живущих в стране с демократическим укладом. В демократии, как и в любой другой культуре, индивид перенимает паттерны поведения путем определенного научения. В результате экспериментов, касающихся изменению паттернов культуры, было установлено, что авторитарная установка может быть просто навязана личности. Это означает, что человек может выучиться быть авторитарным, пытаясь приспособиться к навязанной ему извне ситуации. Демократия же не может быть внушена личности извне, ее можно принять лишь путем добровольного и ответственного принятия ее правил. Переход от авторитаризма к демократии — это процесс, который занимает гораздо больше времени по сравнению с обратной процедурой. Обращаясь к техническим аспектам изменений, необходимо отметить следующее. Совершенно очевидно, что нет смысла пытаться изменить культурные паттерны миллионов людей, стараясь изменить каждого из них в отдельности.

Если механизмы, лежащие в основе формирования предрассудков и иллюзий, по своей сути не отличаются от тех, что определяют корректное восприятие и реалистичные представления о социуме, то процесс переобучения должен быть аналогичен тому, что происходит при изменении культуры. С этой точки зрения, даже переобучения плотника на часовщика не может быть просто передачей плотнику каких-то новых навыков, относящихся к изготовлению часов. Прежде, чем стать часовщиком, плотник, помимо овладения новыми способами действия, обязательно приобретет новую систему привычек, эталонов и ценностей, которые характерны для мышления и поведения часовщиков.

Самое простое решение — это прямое представление нового набора ценностей и убеждений. В этом случае человеку представляют нового бога, которому придется бороться с богом старым, т.е. с тем, кто теперь является дьяволом²¹. Знания

²¹ Там же. С. 153—155, 183—185, 189, 190—191.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

также способствуют тому, чтобы установка была четкой и сильной. Такая установка всегда находится под рукой, поэтому маловероятно, что человека удастся склонить к самоатрибуциям на основе поступков, совершенных под воздействием ситуационного влияния²².

Оказывают ли средства массовой информации эффективное воздействие при проведении политики противодействия ксенофобии и экстремизму? Вероятнее всего, нет. Необходимо учитывать, что процесс убеждения включает в себя шесть этапов:

- Предъявления сообщения адресату
- Обращение внимание на сообщение
- Понимание информации
- Принятие вывода, диктуемого сообщением
- Закрепление новой установки
- Перевод установки в поведение

Поэтому изменение установки — это процесс сложный сам по себе. Существует простое правило — убедительность снижается при повышении важности проблемы и степени знакомства с нею. В незначительных вопросах, таких, например, как выбор между разновидностями какого-либо товара, власть средств массовой коммуникации демонстрируется легко. Рекламируемый товар обычно пользуется большим спросом. В тех же случаях, когда обсуждаются актуальные и важные проблемы, непосредственно затрагивающие человека, например, межэтнические, пытаться убедить в чем-то людей — все равно, что толкать Сизифову бочку в гору. Хотя цель и достижима, но не сразу.

Для достижения наибольшего успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех ее гарантирован, когда манипулируемый верит, что происходящее естественно и неизбежно.

²² Chaiken S., & Baldwin M. W. (1981). Affective-cognitive consistency and the effect of salient behavioral information on the self-perception of attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 41, 1—12.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ВМЕ

но. Самоубеждение действует гораздо сильнее, чем информация, полученная от других. Когда человек сам создает свои мысли и чувства, они становятся более значимыми, более актуальными и лучше запоминаются²³. В условиях хорошей осведомленности людей гораздо сложнее заниматься пропагандой радикальных взглядов. Проведение конференций, встреч, круглых столов препятствует распространению слухов и вымыслов о национальной нетерпимости.

Общий же вывод будет следующий — наши знания о психической сущности человека все еще довольно ограничены. Вопреки представлениям, что, используя социальные технологии, удастся разжигать межэтническую ненависть и экстремизм, сила специфических методов воздействия на общественный «андеграунд» не беспредельна. Именно поэтому воздействия на сознание (или подсознание) людей в очень немногочисленных случаях могут привести к задуманному результату. Тем более, что подобный результат может значительно снизиться в случае сознательного сопротивления тех, от кого этот результат ожидается.

Благодаря логике, информированности и мотивации в поиске новой информации мы в состоянии сопротивляться навязанным фальсификациям. Мы можем пересмотреть нашу обычную реакцию на авторитеты, которые воздействуют на нас с телевизионного экрана. Мы можем отыскать больше сведений по интересующему нас вопросу, прежде чем тратить свое время и деньги. Мы можем уточнить, или переспросить то, что не понимаем.

С помощью исполнения чужой роли можно также добиться более терпимого отношения к противоположной точке зрения, поскольку в процессе проигрывания роли человеку приходится публично отстаивать точку зрения, с которой изначально он был не согласен. При некоторых условиях ролевая игра требует от человека активного конструиро-

²³ Greenwald A. G. (1968). Cognitive learning, cognitive response to persuasion, and attitude change. In A. G. Greenwald, T. C. Brock, and T. M. Ostrom (Eds.), *Psychological foundations of attitudes* (pp. 147—170). New York: Academic Press.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

вания своей роли и импровизации и способна более эффективно изменить установки, чем пассивное восприятие убеждающих сообщений²⁴.

Любое поведение зависит от нескольких факторов, некоторые из них находятся в настоящем и определяются ситуацией, некоторые активизируются, когда вы вспоминаете о прошлом, а некоторые являются частью ваших ожиданий, касающихся будущих последствий или результатов. Поэтому выдвигайте вероятные гипотезы, чтобы проверить их. Найдите сначала опровергающие данные, а затем ищите подтверждение. Будьте вдумчивы²⁵. Такие размышления, по мысли философа и гуманиста А. Швейцера, помогают людям «пересматривать и обновлять свои идеалы»²⁶.

Одно из важнейших средств воздействия на развитие национальных процессов и межнациональных отношений — это формирование с детских лет, буквально с детского сада, а тем более школьного возраста, чувства национальной гордости при одновременном воспитании глубокого уважения к языку, культуре, самобытным особенностям, обычаям и традициям других народов²⁷.

Это особенно актуально в нашей стране, поскольку, как подчеркивает известный польский социолог Г. Коланкевич, во многих посткоммунистических государствах групповое убеждение в том, что «другое» может иметь позитивную функцию абсолютно чужда для значительной части как элит, так и общества²⁸.

²⁴ McGuire W. J. (1985). Attitudes and attitude change. In G. Lindzey and E. Aronson (Eds.), *Handbook of social psychology: Volume II* (3d ed. pp. 233—346). New York: Random House.

²⁵ Зимбардо Ф. Лайтне М. Социальное влияние. СПб., 2001. С. 280.

²⁶ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 90.

²⁷ Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18. Этническая и региональная конфликтология. Москва—Ставрополь, 2002. С. 17.

²⁸ Kolankiewicz G. The other Europe: Different Roots to Modernity in Eastern and Central Europe // *European Identity and the Search for Legitimacy* / S. Garcia (ed.) London, 1993.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Пропаганда политики толерантности к другим этническим группам может изменить в лучшую сторону установки людей не только к этой политике, но и к самим этническим группам. Разумеется, действия только в одном направлении вряд ли принесут желаемый результат. Необходимо сотрудничество и тесное взаимодействие государственных органов с общественными организациями. При этом для России принципиально важно, чтобы такая кампания не оставалась только лишь на уровне федерального центра, а получила бы реальную поддержку со стороны руководителей субъектов Федерации. При этом необходимо предусмотреть выделение соответствующих средств в бюджеты всех уровней²⁹.

Необходима мощная информационно-пропагандистская кампания социальной рекламы, которая будет воздействовать на установки толерантности. Однако пропаганда может сработать лишь при определенных условиях. Она не должна сильно противоречить действительности. Здесь существует закон обратной связи между имиджем и действительностью — нужно жить на уровне своего имиджа. Это означает, что важно не только создавать собственный образ, но и постоянно его подкреплять. Иначе он окажется разоблаченным и лопнет как мыльный пузырь³⁰. PR-кампания должна быть направлена на молодежь, родителей, руководство государства. СМИ могут и должны сыграть ключевую роль в защите общества от этой новой напасти³¹.

Необходимо разработать систему поддержки, как моральной (в категориях социального престижа), так и финансовой (например, налоговые льготы), учреждений, организаций и торговых объединений, которые готовы участвовать в данной кампании. Речь идет о кампании непрерывного действия, которая охватывает все основные направления:

²⁹ Маршак А. Проблемы молодежной субкультуры // Наука, политика, предпринимательство. 1998. № 1,2.

³⁰ См. подробнее: Э. А. Капитонов Организация службы связи с общественностью. Ростов н/Д., 1997.

³¹ Волков Ю. Г. и др. Социология молодежи: Учебное пособие. Ростов-н/Д., 2001. С. 520.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

- средства массовой информации — показать, что СМИ поступают нехорошо, разрабатывая образ «лиц кавказской национальности», как главных виновников всех бед России, существующих в настоящее время;
- учебные заведения всех уровней — рассказать о том, что существует проблема искусственного нагнетания межэтнической неприязни, и предусмотреть специальные курсы, изучающие противодействие манипулированию сознанием;
- органы законодательной и исполнительной власти федерального уровня и субъектов Федерации — особое внимание необходимо уделить содействию лучшему пониманию населением, общественными организациями, деловыми кругами деятельности администрации по снижению межэтнической напряженности и поддержанию ее имиджа как надежного органа управления;
- внедрению соответствующих программ социального вакцинирования в общественную жизнь, а также мероприятий, направленных на выявление и ликвидацию слухов или других источников непонимания.

Специалистами разработаны некоторые правила, которых следует придерживаться организаторам государственных коммуникационных кампаний³². Прежде всего, речь идет о правиле триединства:

- единство темы;
- единство времени;
- единство действия.

За время проведения кампании ее объект должен, условно говоря, пройти через три фазы воздействия — «фазу» знания («я знаю, что экстремизм — это плохо»), «фазу» решимости («я хочу стать более толерантным к другим этническим группам»), «фазу» поступка («экстремистские призывы никакого воздействия на меня не оказывают»). Одновременно подобная

³²Huet S., Langenieux-Villard Ph. *La communication politique*. Paris, 1982. p. 108—112.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

социальная реклама должна сочетать в себе психотерапевтические цели, т.е. способствовать снятию состояния тревожности, снижению страха, внушение чувства уверенности".

Как правило, такие кампании длятся 2—3 месяца. Потом эффективность воздействия постепенно снижается. В этот момент необходимо «запускать» следующую кампанию.

При этом многие исследователи обращают внимание на то, что при проведении социальных кампаний государство не должно перекладывать всю ответственность за происходящее на граждан, на их неправильное поведение, тем самым, уходя от разговора о социальных причинах общественных недугов. К примеру, уровень толерантности зависит и от экономической политики правительства, и от уровня социального благосостояния граждан, наличия рабочих мест и т.д. Поэтому информирование и вакцинация общества от угроз распространения ксенофобии и экстремизма, не должны приводить к самоустранению государства от решения проблем, которые по своей природе являются государственными. Исследования влияния информации, лекций, фильмов, пропаганды и т.д. в целом демонстрируют позитивные результаты. Однако при всем своем влиянии СМИ не в состоянии самостоятельно прекратить этнополитический конфликт или справиться с ростом межэтнической напряженности³⁴.

Подводя итоги, можно вспомнить, что, обсуждая свои эксперименты с имитацией заключения в тюрьму и другие проведенные опыты, Филипп Зимбардо писал, что окончательный вывод «сводится к тому, чтобы высказать то, что необходимо для преодоления вашего эгоцентризма, показать, что вы не отличаетесь от других, и все, что когда-либо делали другие, не может быть чуждо и вам, вы не можете отрешиться от этого! Мы должны избавиться от противостояния «мы — они», предполагающего, будто бы наша внутренняя ориентация возвышает

³³ *Ильясов Ф.Н.* Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. М., 2000.

³⁴ *Морозова Е.Г.* Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М., 1998.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

нас, и понять, что ситуационные воздействия на личность в каждый отдельный момент могут быть достаточно сильны для того, чтобы игнорировать любые приоритеты, такие, как наши ценности, история, биология, семья и церковь»³⁵.

Вспышка ксенофобии на Юге России прошла свой апогей, но ее социально-экономические, политические и социокультурные предпосылки остаются. Поэтому без обеспечения прав и безопасности социальных групп, формирования установок толерантности и социальной вакцинации населения против экстремизма и насилия профилактика ксенофобии не будет эффективной

» *Zimbardo Ph. Preface // Ch. Maslach, Burnout — The Cost of Caring. New Yersy, 1982.*

Научное издание

**Приложение к «Южнороссийскому обозрению»
ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН»**

**КСЕНОФОБИЯ: ВЫЗОВ СОЦИАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ НА ЮГЕ РОССИИ**

Отв. редактор — Ю.Г. Волков

Сдано в набор 18.02.2004 г. Подписано в печать 25.02.2004 г.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Формат 60х84 Ч
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Уч. изд. л. 9,95.
Тираж 300 экз. Заказ № 618.

Отпечатано ООО «Антей».
344037, г. Ростов-на-Дону, 24 линия, 20.